

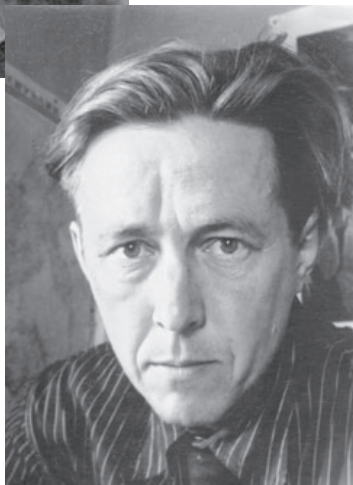

**БРЯНСКИЙ ФРОНТ.
1943**

**ЛАГЕРЬ НА
КАЛУЖСКОЙ ЗАСТАВЕ.
1946**

**ССЫЛКА. КОК-ТЕРЕК.
1955**

Александр СОЛЖЕНИЦЫН

АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ

ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ
В ОДНОМ ТОМЕ

Издательство
АЛЬФА-КНИГА
Москва
2011

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)6
С60

Под редакцией
Н. Д. Солженицыной

*В издании сохранены
авторская орфография и пунктуация*

Солженицын А. И.
С60 «Архипелаг ГУЛАГ». Полное издание в одном томе. Под ред.
Н. Д. Солженицыной. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011. —
1279 с.: ил. — (Полное издание в одном томе).

ISBN 978-5-9922-0463-6

В одном томе собрана вся всемирно известная документально-художественная эпопея о репрессиях, проводимых в годы Советской власти, жертвой которых стал и сам автор...

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-9922-0463-6

© Русский Общественный Фонд
Александра Солженицына, 2009
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2009

ПОСВЯЩАЮ

*всем, кому не хватило жизни
об этом рассказать.
И да простят они мне,
что я не всё увидел,
не всё вспомнил,
не обо всём догадался.*

Году в тысяча девятьсот сорок девятом напали мы с друзьями на примечательную заметку в журнале «Природа» Академии Наук. Писалось там мелкими буквами, что на реке Колыме во время раскопок была как-то обнаружена подземная линза льда — замёрзший древний поток, и в нём — замёрзшие же представители ископаемой (несколько десятков тысячелетий назад) фауны. Рыбы ли, тритоны ли эти сохранились настолько свежими, свидетельствовал учёный корреспондент, что присутствующие, расколов лёд, тут же охотно съели их.

Немногочисленных своих читателей журнал, должно быть, немало подивил, как долго может рыбе мясо сохраняться во льду. Но мало кто из них мог внять истинному богатырскому смыслу неосторожной заметки.

Мы — сразу поняли. Мы увидели всю сцену ярко до мелочей: как присутствующие с ожесточённой поспешностью кололи лёд; как, попирая высокие интересы ихтиологии и отталкивая друг друга локтями, они отбивали куски тысячелетнего мяса, волокли его к костру, оттаивали и насыщались.

Мы поняли потому, что сами были из тех *присутствующих*, из того единственного на земле могучего племени *эков*, которое только и могло *охотно* съест тритона.

А Колыма была — самый крупный и знаменитый остров, полюс лютости этой удивительной страны ГУЛАГ, географией разодранной в архипелаг, но психологией скованной в континент, — почти невидимой, почти неосязаемой страны, которую и населял народ эков.

Архипелаг этот чересполосицей иссек и испестрил другую, включающую, страну, он врезался в её города, навис над её улицами — и всё ж иные совсем не догадывались, очень многие слышали что-то смутно, только побывавшие знали всё.

Но, будто лишившись речи на островах Архипелага, они хранили молчание.

Неожиданным поворотом нашей истории кое-что, ничтожно малое, об Архипелаге этом выступило на свет. Но те же самые руки, которые завинчивали наши наручники, теперь примирительно выставляют ладони: «Не надо!.. Не надо ворошить прошлое!.. Кто старое помянет — тому глаз вон!» Однако доканчивает пословица: «А кто забудет — тому два!»

Идут десятилетия — и безвозвратно слизывают рубцы и язвы прошлого. Иные острова за это время дрогнули, растеклись, полярное море забвения переплескивает над ними. И когда-нибудь в будущем веке Архипелаг этот, воздух его и кости его обитателей, вмёрзшие в линзу льда, — представятся неправдоподобным тритоном.

Я не дерзну писать историю Архипелага: мне не досталось читать документов. Но кому-нибудь когда-нибудь — достанется ли?.. У тех, не желающих *вспоминать*, довольно уже было (и ещё будет) времени уничтожить все документы дочиста.

Свои одиннадцать лет, проведенные там, усвоив не как позор, не как проклятый сон, но почти полюбив тот уродливый мир, а теперь ещё, по счастливому обороту, став доверенным многих поздних рассказов и писем, — может быть, сумею я донести что-нибудь из косточек и мяса? — ещё, впрочем, живого мяса, ещё, впрочем, живого тритона.

В этой книге нет ни вымышленных лиц, ни вымышленных событий. Люди и места названы их собственными именами. Если названы инициалами, то по соображениям личным. Если не названы вовсе, то лишь потому, что память людская не сохранила имён, — а всё было именно так.

Эту книгу непосильно было бы создать одному человеку. Кроме всего, что я вынес с Архипелага, — шкурой своей, памятью, ухом и глазом, материал для этой книги дали мне в рассказах, воспоминаниях и письмах —

[перечень 227 имён]*.

Я не выражаю им здесь личной признательности: это наш общий дружный памятник всем замученным и убитым.

Из этого списка я хотел бы выделить тех, кто много труда положил в помощь мне, чтоб эта вещь была снабжена библиографическими опорными точками из книг сегодняшних библиотечных фондов или давно изъятых и уничтоженных, так что найти сохранённый экземпляр требовало большого упорства; ещё более — тех, кто помог утаить эту рукопись в суровую минуту, а потом размножить её.

Но не настала та пора, когда я посмею их назвать**.

Старый соловчанин Дмитрий Петрович Витковский должен был быть редактором этой книги. Однако полжизни, проведенных *там* (его лагерные мемуары так и называются «Полжизни»), отдались ему преждевременным параличом. Уже с отнятой речью он смог прочесть лишь несколько законченных глав и убедиться, что обо всём б у д е т р а с с к а з а н о.

А если долго ещё не просветлится свобода в нашей стране, то само чтение и передача этой книги будут большой опасностью — так что и читателям будущим я должен с благодарностью поклониться — от *тех*, от погибших.

Когда я начинал эту книгу в 1958 году, мне не известны были ничьи мемуары или художественные произведения о лагерях. За годы работы до 1967 мне постепенно стали известны «Колымские рассказы» Варлама Шаламова и воспоминания Д. Витковского, Е. Гинзбург, О. Адамовой-Слиозберг, на которые я и ссылаюсь по ходу изложения как на литературные факты, известные всем (так и будет же в конце концов).

Впреки своим намерениям, в противоречии со своей волей дали бесценный материал для этой книги, сохранили много важных фактов, и даже цифр, и сам воздух, которым дышали: чекист М.И. Лацис (Я.Ф. Судрабс); Н.В. Крыленко — главный государственный обвинитель многих лет; его наследник А.Я. Вышинский со своими юристами-пособниками, из которых нельзя не выделить И.Л. Авербах.

Материал для этой книги также представили тридцать шесть советских писателей во главе с Максимом Горьким — авторы позорной книги о Беломорканале, впервые в русской литературе восславившей рабский труд.

* Этот (ещё расширенный) перечень свидетелей впервые оглашаю теперь. (Примеч. 2005 г.)

** Рассказал уже и о них, моих Невидимках («Бодался телёнок с дубом». М.: Согласие, 1996). (Примеч. 2005 г.)

СВИДЕТЕЛИ АРХИПЕЛАГА,

**чьи рассказы, письма, мемуары и поправки
использованы при создании этой книги**

Александрова Мария Борисовна
Алексеев Иван А.
Алексеев Иван Николаевич
Аничкова Наталья Мильевна
Бабич Александр Павлович
Бакст Михаил Абрамович
Баранов Александр Иванович
Баранович Марина Казимировна
Безродный Вячеслав
Белинков Аркадий Викторович
Бернштам Михаил Семёнович
Бернштейн Анс Фрицевич
Борисов Авенир Петрович
Братчиков Андрей Семёнович
Бреславская Анна
Бродовский М.И.
Бугаенко Наталья Ивановна
Бурковский Борис Васильевич
Бурнацев Михаил
Бутаков Авлим
Быков М.М.
Вайшнорас Юозас Томович
Васильев Владимир Александрович
Васильев Максим Васильевич
Ватрацков Л.В.
Вельяминов С.В.
Вендельштейн Юрий Германович
Венедиктова Галина Дмитриевна
Вербовский С.Б.
Вестеровская Анастасия
Виноградов Борис Михайлович
Винокуров Н.М.
Витковский Дмитрий Петрович
Власов Василий Григорьевич
Войченко Михаил Афанасьевич
Волков Олег Васильевич
Гарасёва Анна Михайловна
Гарасёва Татьяна Михайловна
Гер Р.М.
Герценберг Перец Моисеевич
Гершуни Владимир Львович
Гинзбург Вениамин Лазаревич
Глебов Алексей Глебович
Говорко Николай Каллистратович
Голицын Всеволод Петрович
Гольдовская Виктория Юльевна
Голядкин Андрей Дмитриевич

Голядкина Елена Михайловна
Горшунов Владимир Сергеевич
Григорьев Григорий Иванович
Григорьева Анна Григорьевна
Гродзенский Яков Давыдович
Деева А.
Джигурда Анна Яковлевна
Диклер Франк
Добряк Иван Дмитриевич
Долган Александр Майкл
Дояренко Евгения Алексеевна
Елистратова Любовь Семёновна
Ермолов Юрий Константинович
Есенин-Вольпин Александр Сергеевич
Ефимова-Овсиенко
Жебеленко Николай Петрович
Жуков Виктор Иванович
Заболовский Ефим Яковлевич
Задорный Владилен
Зарин В.М.
Зведре Ольга Юрьевна
Зданюкевич Александр Климентьевич
Зобунков
Зубов Николай Иванович
Зубова Елена Александровна
Ивакин Василий Алексеевич
Иванов Вячеслав Всеволодович
Ивашёв-Мусатов Сергей Михайлович
Инчик Вера
Кавешан В.Я.
Каган Виктор Кусиэлевич
Кадацкая Мария Венедиктовна
Каденко
Калганов Александр
Калинина М.И.
Калистов Дмитрий Павлович
Каминов Игорь
Каминский Юрий Фёдорович
Карбе Юрий Васильевич
Карпунич (Карпунич-Бравен) Иван Семёнович
Картель Илья Алексеевич
Касьянов Александр
Каупуж Анна Владиславовна
Кекушев Николай Львович
Киула Константин
Княгинин Вячеслав Ильич
Ковач Роза
Козак Ольга Петровна
Козаков Виктор Сергеевич
Козырев Николай Александрович
Колокольнев Иван Кузьмич
Колпаков Алексей Павлович
Колпаков С.

Комогор Леонид Александрович
Кононенко Марк Иванович
Кончиц Андрей Андреевич
Копелев Лев Зиновьевич
Корнеев Иван Алексеевич
Корнеева Вера Алексеевна
Кравченко Наталья Ивановна
Кузнецова К.И.
Ладыженская Ольга Александровна
Лазутина Раиса Александровна
Ларина Анна Михайловна
Левин Меер Овсеевич
Левитская Надежда Григорьевна
Лесовик Светлана Александровна
Лиленков И.
Липай И.Ф.
Липшиц Самуил Адольфович
Лихачёв Дмитрий Сергеевич
Лобанов
Лоцилин Степан Васильевич
Лукьянов В.В.
Лунин
Макеев Алексей Филиппович
Маковоз Григорий Самойлович
Малявко-Высоцкая Нина Константиновна
Маркелов Даниил Ильич
Мартынюк Павло Романович
Матвеева С.П.
Межова Изабелла Адольфовна
Мейке Виктор Александрович
Мейке Ирина Емельяновна
Милочихин Валентин Егорович
Митрович Георгий Степанович
Нагель Ирина Анатольевна
Недов Леонид Иванович
Некрасов Николай Алексеевич
Никитин Вячеслав
Никитин Иван Иванович
Никитина Ксения Ивановна
Никляс Анна
Оленёв Александр Яковлевич
Олицкая Екатерина Львовна
Олухов Пётр Алексеевич
Орлова Елена Михайловна
Орловский Эрнст Семёнович
Острецова Александра Ивановна
Павлов Борис Александрович
Павлов Гелий Владимирович
Пашина Елена Анатольевна
Перегуд Нина Фёдоровна
Петров Александр Александрович
Петропавловский Алексей Николаевич
Пикалов Пётр

Пинхасик М.Г.
Писарев И.Г.
Пичугин В.
Пластар Валентин Петрович
Полев Геннадий Фёдорович
Политова Н.Н.
Польский Леонид Николаевич
Попков А.
Поспелов В.В.
Постоева Наталья Ивановна
Пося Пётр Никитич
Потапов Михаил Яковлевич
Потапов Сергей
Пронман Измаил Маркович
Прохоров-Пустовер
Прыткова Тамара Александровна
Птицын Пётр Николаевич
Пунич Иван Аристаулович
Пупышев Иван Алексеевич
Радонский
Раппопорт Арнольд Львович
Ретц Роланд Вильгельмович
Реут С.
Рожаш Янош
Романов Александр Дмитриевич
Рочев Степан Игнатьевич
Рубайло Александр Трофимович
Рудина Виктория Александровна
Рудинский (Петров) В.
Рудковский С.М.
Руднев
Рябинин Н.И.
Самшель Нина
Сачкова Екатерина Фёдоровна
Сговвио Томас
Седова Светлана Борисовна
Семёнов Николай Андреевич
Семёнов Николай Яковлевич
Сергиенко Тамара Сергеевна
Синебрюхов Фёдор Александрович
Сипягина Людмила Алексеевна
Скачинский Александр Сергеевич
Скрипникова Анна Петровна
Смелов Павел Георгиевич
Снегирёв Владимир Николаевич
Соломин Илья Матвеевич
Сорокин Геннадий Александрович
Статников Анатолий Матусович
Степовой Александр Филиппович
Столярова Наталья Ивановна
Стотик Александр Михайлович
Страхович Елена Викторовна
Страхович Константин Иванович

Струтинская Елена
Сузи Арно
Сузи Арнольд Юханович
Сузи Хели
Сумберг Мария
Суровцева Надежда Витальевна
Сусалов Рафаил Израилевич
Сухомлина Татьяна Ивановна
Сучков Федот Федотович
Сушихин Сергей Фёдорович
Табатеров Илья Данилович
Тарашкевич Георгий Матвеевич
Тарновский В.П.
Твардовский Константин Трифонович
Терентьева Л.Я.
Тимофеев-Ресовский Николай Владимирович
Тихонов Павел Гаврилович
Токмаков Мстислав Владимирович
Трофимов Владимир
Тусэ Х.С.
Тхоржевский Сергей Сергеевич
Тэнно Георгий Павлович
Улановская Надежда Марковна
Улановский Алексей Петрович
Улащик Ольга Николаевна
Фадеев Ю.И.
Фаликс Татьяна Моисеевна
Филиппова Галина Петровна
Формаков Арсений Иванович
Фурфанский Т.Е.
Хлебунов Николай Николаевич
Хлодовский Всеволод Владимирович
Храбровицкий Александр Вениаминович
Цивилько Адольф Мечеславович
Чавдаров Д.Г.
Чавчавадзе Ольга Ивановна
Чеботарёв Сергей Андреевич
Четверухин Серафим Ильич
Чульпенёв Павел Васильевич
Шавирин Ф.В.
Шаламов Варлам Тихонович
Шаталов Василий Архипович
Швед Иван Васильевич
Шелгунов Александр Васильевич
Шефнер Виктор Викентьевич
Шиповальников Виктор Георгиевич
Щербаков Валерий Ф.
Эфроимсон Владимир Павлович
Юдина Мария Вениаминовна
Юнг Павел Густавович
Якубович Михаил Петрович

Часть первая

ТЮРЕМНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

В эпоху диктатуры и окружённые со всех сторон врагами, мы иногда проявляли ненужную мягкость, ненужную мягкосердечность.

*Крыленко,
речь на процессе «Промпартии»*

Глава 1 АРЕСТ

Как попадают на этот таинственный Архипелаг? Туда ежечасно летят самолёты, плывут корабли, гремят поезда — но ни единая надпись на них не указывает места назначения. И билетные кассиры, и агенты Совтуриста и Интуриста будут изумлены, если вы спросите у них туда билет.

Ни всего Архипелага в целом, ни одного из бесчисленных его островков они не знают, не слышали.

Те, кто едут Архипелагом управлять, — попадают туда через училища МВД.

Те, кто едут Архипелаг охранять, — призываются через военкоматы.

А те, кто едут туда умирать, как мы с вами, читатель, те должны пройти непременно и единственно — через арест.

Арест!! Сказать ли, что это перелом всей вашей жизни? Что это прямой удар молнии в вас? Что это невмещаемое духовное сотрясение, с которым не каждый может освоиться и часто сползает в безумие?

Вселенная имеет столько центров, сколько в ней живых существ. Каждый из нас — центр вселенной, и мироздание раскалывается, когда вам шипят: «*Вы арестованы!*»

Если уж *вы* арестованы — то разве ещё что-нибудь устояло в этом землетрясении?

Но затмившимся мозгом неспособные охватить этих перемещений мироздания, самые изошрённые и самые простоватые из нас не находятся в этот миг изо всего опыта жизни выдавить что-нибудь иное, кроме как:

— Я?? За что!?! —

вопрос, миллионы и миллионы раз повторенный ещё до нас и никогда не получивший ответа.

Арест — это мгновенный разительный переброс, перекид, перепласт из одного состояния в другое.

По долгой кривой улице нашей жизни мы счастливо неслись или несчастливо брели мимо каких-то заборов, заборов, заборов — гнилых деревянных, глинобитных дувалов, кирпичных, бетонных, чугунных оград. Мы не задумывались — что за ними? Ни глазом, ни разумением мы не пытались за них заглянуть — а там-то и начинается — страна ГУ-ЛАГ, совсем рядом, в двух метрах от нас. И ещё мы не замечали в этих заборах несметного числа плотно подогнанных, хорошо замаскированных дверок, калиток. Все, все эти калитки были приготовлены для нас! — и вот распахнулась быстро роковая одна, и четыре белые мужские руки, не привыкшие к труду, но схватчивые, уцепляют нас за ногу, за руку, за воротник, за шапку, за ухо — вволакивают как куль, а калитку за нами, калитку в нашу прошлую жизнь, захлопывают навсегда.

Всё. Вы — арестованы!

И нич-ч-чего вы не находитесь на это ответить, кроме ягнячьего бле-янья:

— Я-а?? За что??.

Вот что такое арест: это ослепляющая вспышка и удар, от которых настоящее разом сдвигается в прошедшее, а невозможное становится полноправным настоящим.

И всё. И ничего больше вы не способны усвоить ни в первый час, ни в первые даже сутки.

Ещё померцает вам в вашем отчаянии цирковая игрушечная луна: «Это ошибка! Разберутся!»

Всё же остальное, что сложилось теперь в традиционное и даже литературное представление об аресте, накопится и состроится уже не в вашей смятенной памяти, а в памяти вашей семьи и соседей по квартире.

Это — резкий ночной звонок или грубый стук в дверь. Это — бравый вход невытираемых сапог бодрствующих оперативников. Это — за спинами их напуганный прибитый понятой. (А зачем этот понятой? — думать не смеют жертвы, не помнят оперативники, но положено так по инструкции, и надо ему всю ночь просидеть, а к утру расписаться. И для выхваченного из постели понятого это тоже мука: ночь за ночью ходить и помогать арестовывать своих соседей и знакомых.)

Традиционный арест — это ещё сборы дрожащими руками для уводимого: смены белья, куска мыла, какой-то еды, и никто не знает, что надо, что можно и как лучше одеть, а оперативники торопят и обрывают: «Ничего не надо. Там накормят. Там тепло». (Всё лгут. А торопят — для страха.)

Традиционный арест — это ещё потом, после увода взятого бедняги, многочасовое хозяйничанье в квартире жёсткой чужой подавляющей силы. Это — взламывание, вспарывание, сброс и срыв со стен, выброс на пол из шкафов и столов, вытряхивание, рассыпание, разрывание — и нахлывание горами на полу, и хруст под сапогами. И ничего святого нет во время обыска! При аресте паровозного машиниста Иношина в комнате стоял гробик с его только что умершим ребёнком. *Юристы* выбросили ребёнка из гробика, они искали и там. И вытряхивают больных из постели, и разбинтовывают повязки*. И ничто во время обыска не может быть признано нелепым! У любителя старины Четверухина захватили «столько-то листов царских указов» — именно, указ об окончании войны с Наполеоном, об образовании Священного Союза и молебствие против холеры 1830 года. У нашего лучшего знатока Тибета Вострикова изъяли драгоценные тибетские древние рукописи (и ученики умершего еле вырвали их из КГБ через 30 лет!). При аресте востоковеда Невского забрали тангутские рукописи (а через 25 лет за расшифровку их посмертно присуждена покойному ленинская премия). У Каргера замели архив енисейских остяков, запретили изобретенную им письменность и букварь — и остался народец без письменности. Интеллигентным языком это долго всё описывать, а народ говорит об обыске так: *ищут, чего не клали.*

* Когда в 1937 громили институт доктора Казакова, то сосуды с *лизатами*, изобретенными им, «комиссия» разбивала, хотя вокруг прыгали исцелённые и исцеляемые калеки и умоляли сохранить чудодейственные лекарства. (По официальной версии лизаты считались ядами — и отчего ж было не сохранить их как вещественные доказательства?)

Отобранное увозят, а иногда заставляют нести самого арестованного — как Нина Александровна Пальчинская потащила за плечом мешок с бумагами и письмами своего вечно деятельного покойного мужа, великого инженера России — в пасть к *ним*, навсегда, без возврата.

А для оставшихся после ареста — долгий хвост развороченной опустошённой жизни. И попытка пойти с передачами. Но изо всех окошек лающими голосами: «такой не числится», «такого нет!» Да к окошку этому в худые дни Ленинграда ещё надо пять суток толпиться в очереди. И только может быть через полгода-год сам арестованный аукнется или выбросят: «Без права переписки». А это уже значит — навсегда. «Без права переписки» — это почти наверняка: расстрелян.

Одним словом, «мы живём в проклятых условиях, когда человек пропадает без вести и самые близкие люди, жена и мать... годами не знают, что случилось с ним». Правильно? нет? Это написал Ленин в 1910 году в некрологе о Бабушкине. Только выразим прямо: вёз Бабушкин транспорт оружия для восстания, с ним и расстреляли. Он знал, на что шёл. Не скажешь этого о кроликах, нас.

Так представляем мы себе арест.

И верно, ночной арест описанного типа у нас излюблен, потому что в нём есть важные преимущества. Все живущие в квартире ущемлены ужасом от первого же стука в дверь. Арестуемый вырван из тепла постели, он ещё весь в полусонной беспомощности, рассудок его мутен. При ночном аресте оперативники имеют перевес в силах: их приезжает несколько вооружённых против одного, недостегнувшего брюк; за время сборов и обыска наверняка не соберётся у подъезда толпа возможных сторонников жертвы. Неторопливая постепенность прихода в одну квартиру, потом в другую, завтра в третью и в четвёртую, даёт возможность правильно использовать оперативные штаты и посадить в тюрьму многократно больше жителей города, чем эти штаты составляют.

И ещё то достоинство у ночных арестов, что ни соседние дома, ни городские улицы не видят, скольких увезли за ночь. Напугав самых ближних соседей, они для дальних не событие. Их как бы и не было. По той самой асфальтной ленте, по которой ночью сновали воронки, — днём шагает молодое племя со знаменами и цветами и поёт неомрачённые песни.

Но у *берущих*, чья служба и состоит из одних только арестов, для кого ужасы арестованных повторительны и докучны, у них понимание арестной операции гораздо шире. У них — большая теория, не надо думать в простоте, что её нет. Арестознание — это важный раздел курса общего тюрьмоведения, и под него подведена основательная общественная теория. Аресты имеют классификацию по разным признакам: ночные и дневные; домашние, служебные, путевые; первичные и повторные; расчлнённые и групповые. Аресты различаются по степени требуемой неожиданности, по степени ожидаемого сопротивления (но в десятках миллионов случаев сопротивления никакого не ожидалось, как и не было его). Аресты различаются по серьёзности заданного обыска; по необходимости делать или не делать опись для конфискации, опечатку комнат или квартиры; по необходимости арестовывать вслед за мужем также и жену, а детей отправлять в детдом, либо весь остаток семьи в ссылку, либо ещё и стариков в лагерь.

И ещё отдельно есть целая Наука Обыска (и мне удалось прочесть брошюру для юристов-заочников Алма-Аты). Там очень хвалят тех юристов, которые при обыске не поленились перевероршить 2 тонны навоза, 6 кубов дров, 2 воза сена, очистили от снега целый приусадебный участок, вынимали кирпичи из печей, разгребали выгребные ямы, проверяли унитазы, искали в собачьих будках, курятниках, скворечниках, прокалывали матрасы, срывали с тел пластывные наклейки и даже рвали металлические зубы, чтобы найти в них микродокументы. Студентам очень рекомендуется, начав с личного обыска, им же и закончить (вдруг человек подхватил что-либо из обысканного); и ещё раз потом прийти в то же место, но в новое время суток — и снова сделать обыск.

Нет-нет, аресты очень разнообразны по форме. Ирма Мендель, венгерка, достала как-то в Коминтерне (1926) два билета в Большой театр, в первые ряды. Следователь Клегель ухаживал за ней, и она его пригласила. Очень нежно они провели весь спектакль, а после этого он повёз её... прямо на Лубянку. И если в цветущий июньский день 1927 на Кузнецком мосту полнолицую русокошую красавицу Анну Скрипникову, только что купившую себе синей ткани на платье, какой-то молодой фронт подсаживает на извозчика (а извозчик уже понимает и хмурится: *Органы* не заплатят ему) — то знайте, что это не любовное свидание, а тоже арест: они завернут сейчас на Лубянку и выведут в чёрную пасть ворот. И если (двадцать две весны спустя) кавторанг Борис Бурковский, в белом кителе, с запахом дорогого одеколона, покупает торт для девушки — не клянитесь, что этот торт достанется девушке, а не будет иссечен ножами обыскивающих и внесён кавторангом в его первую камеру. Нет, никогда у нас не был в небрежении и арест дневной, и арест в пути, и арест в кипящем многолюдьи. Однако он исполняется чисто и — вот удивительно! — сами жертвы в согласии с оперативниками ведут себя как можно благороднее, чтобы не дать живущим заметить гибель обречённого.

Не всякого можно арестовывать дома с предварительным стуком в дверь (а если уж стучит, то «управдом», «почтальон»), не всякого следует арестовывать и на работе. Если арестуемый злоумышленник, его удобно брать в отрыве от привычной обстановки — от своих семейных, от сослуживцев, от единомышленников, от тайников: он не должен успеть ничего уничтожить, спрятать, передать. Крупным чинам, военным или партийным, порой давали сперва новое назначение, подавали им салон-вагон, а в пути арестовывали. Какой же нибудь безвестный смертный, замерший от повальных арестов и уже неделю угнетённый исподлобными взглядами начальства, — вдруг вызван в местком, где ему, сияя, преподносят путёвку в сочинский санаторий. Кролик прочувствовался — значит, его страхи были напрасны. Он благодарит, он, ликуя, спешит домой собирать чемодан. До поезда два часа, он ругает неповоротливую жену. Вот и вокзал! Ещё есть время. В пассажирском зале или у стойки с пивом его окликает симпатичнейший молодой человек: «Вы не узнаёте меня, Пётр Иваныч?» Пётр Иваныч в затруднении: «Как будто нет, хотя...» Молодой человек изливается таким дружелюбным расположением: «Ну, как же, как же, я вам напомню...» и почтительно кланяется жене Петра Иваныча: «Вы простите, ваш супруг через *одну минутку*...» Супруга разрешает, незнакомец уводит Петра Иваныча доверительно под руку — навсегда или на десять лет!

А вокзал снуёт вокруг — и ничего не замечает... Граждане, любящие путешествовать! Не забывайте, что на каждом большом вокзале есть отделение ГПУ и несколько тюремных камер.

Эта назойливость мнимых знакомых так резка, что человеку без лагерной волчьей подготовки от неё как-то и не отвязаться. Не думайте, что если вы — сотрудник американского посольства по имени, например, Александр Долган, то вас не могут арестовать среди бела дня на улице Горького близ Центрального телеграфа. Ваш незнакомый друг кинется к вам через людскую гущу, распахнув грабастые руки: «Са-ша! — не таится, а просто кричит он. — Керюха! Сколько лет, сколько зим?!.. Ну, отойдём в сторонку, чтоб людям не мешать». А в сторонке-то, у края тротуара, как раз «победа» подъехала... (Через несколько дней ТАСС будет с гневом заявлять во всех газетах, что компетентным кругам ничего не известно об исчезновении Александра Долгана.) Да что тут мудрого? Наши молодцы такие аресты делали в Брюсселе (так взят Жора Бледнов), не то что в Москве.

Надо воздать Органам заслуженное: в век, когда речи ораторов, театральные пьесы и дамские фасоны кажутся вышедшими с конвейера, — аресты могут показаться разнообразными. Вас отводят в сторону в заводской проходной, после того как вы себя удостоверили пропуском, — и вы взяты; вас берут из военного госпиталя с температурой 39° (Анс Бернштейн), и врач не возражает против вашего ареста (попробовал бы он возразить!); вас берут прямо с операционного стола, с операции язвы желудка (Н.М. Воробьёв, инспектор крайнаробраза, 1936) — и еле живого, в крови, привозят в камеру (вспоминает Карпунич); вы (Надя Левитская) добиваетесь свидания с осуждённой матерью, вам дают его! — а это оказывается очная ставка и арест! Вас в «Гастрономе» приглашают в отдел заказов и арестовывают там; вас арестовывает странник, остановившийся у вас на ночь Христа ради; вас арестовывает монтёр, пришедший снять показания счётчика; вас арестовывает велосипедист, столкнувшийся с вами на улице; железнодорожный кондуктор, шофёр такси, служащий сберегательной кассы и киноадминистратор — все они арестовывают вас, и с опозданием вы видите глубоко запрятанное бордовое удостоверение.

Иногда аресты кажутся даже игрой — столько положено на них избыточной выдумки, сытой энергии, а ведь жертва не сопротивлялась бы и без этого. Хотят ли оперативники так оправдать свою службу и свою многочисленность? Ведь, кажется, достаточно разослать всем намеченным кроликам повестки — и они сами в назначенный час и минуту покорно явятся с узелком к чёрным железным воротам госбезопасности, чтобы занять участок пола в намеченной для них камере. (Да колхозников так и берут, неужели ещё ехать к его хате ночью по бездорожью? Его вызывают в сельсовет, там и берут. Чернорабочего вызывают в контору.)

Конечно, у всякой машины свой заглот, больше которого она не может. В натужные налитые 1945—46 годы, когда шли и шли из Европы эшелоны и их надо было все сразу поглотить и отправить в ГУЛАГ, — уже не было этой избыточной игры, сама теория сильно полиняла, облетели ритуальные перья, и выглядел арест десятков тысяч как убогая перекличка: стояли со списками, из одного эшелона выкликали, в другой сажали, и вот это был весь арест.

Политические аресты нескольких десятилетий отличались у нас именно тем, что схватывались люди ни в чём не виновные, а потому и не

подготовленные ни к какому сопротивлению. Создавалось общее чувство обречённости, представление (при паспортной нашей системе довольно, впрочем, верное), что от ГПУ-НКВД убежать невозможно. И даже в разгар арестных эпидемий, когда люди, уходя на работу, всякий день прощались с семьёй, ибо не могли быть уверены, что вернутся вечером, — даже тогда они почти не бежали (а в редких случаях кончали с собой). Что и требовалось. Смирная овца волку по зубам.

Это происходило ещё от непонимания механики арестных эпидемий. Органы чаще всего не имели глубоких оснований для выбора — какого человека арестовать, какого не трогать, а лишь достигали контрольной цифры. Заполнение цифры могло быть закономерно, могло же носить и совершенно случайный характер. В 1937 году в приёмную новочеркасского НКВД пришла женщина спросить: как быть с некормленным сосунком-ребёнком её арестованной соседки. «Посидите, — сказали ей, — выясним». Она посидела часа два — её взяли из приёмной и отвели в камеру: надо было спешно заполнять число, и не хватало сотрудников рассылать по городу, а эта уже была здесь! Наоборот, к латышу Андрею Павлу под Оршей пришло НКВД его арестовать; он же, не открывая двери, выскочил в окно, успел убежать и напрямик уехал в Сибирь. И хотя жил он там под своей же фамилией, и ясно было по документам, что он — из Орши, он никогда не был посажен, ни вызван в Органы, ни подвергнут какому-либо подозрению. Ведь существует три вида розыска: всесоюзный, республиканский и областной, и почти по половине арестованных в те эпидемии не стали бы объявлять розыска выше областного. Намеченный к аресту по случайным обстоятельствам, вроде доноса соседа, человек легко заменялся другим соседом. Подобно А. Павлу и люди, случайно попавшие под облаву или на квартиру с засадой и имевшие смелость в те же часы бежать, ещё до первого допроса, — никогда не ловились и не привлекались; а те, кто оставались дожидаться справедливости, — получали срок. И почти все, подавляюще, держались именно так: малодушно, беспомощно, обречённо.

Правда и то, что НКВД при отсутствии нужного ему лица брало подписание о невыезде с родственников и ничего, конечно, не составляло *оформить* оставшихся вместо бежавшего.

Всеобщая невиновность порождает и всеобщее бездействие. Может, тебя ещё и *не возьмут*? Может, обойдётся? А.И. Ладыженский был ведущим преподавателем в школе захолостного Кологрива. В 37-м году на базаре к нему подошёл мужик и от кого-то передал: «Александр Иванович, уезжай, ты в *списках*!» Но он остался: ведь на мне же вся школа держится, и их собственные дети у меня учатся — как же они могут меня взять?.. (Через несколько дней арестован.) Не каждому дано, как Ване Левитскому, уже в 14 лет понимать: «Каждый честный человек должен попасть в тюрьму. Сейчас сидит папа, а вырасту я — и меня посадят». (Его посадили двадцати трёх лет.) Большинство коснеет в мерцающей надежде. Раз ты невиновен — то за что же могут тебя брать? Это ошибка! Тебя уже волокут за шиворот, а ты всё заклинаешь про себя: «Это ошибка! Разберутся — выпустят!» Других сажают повально, это тоже нелепо, но там ещё в каждом случае остаются потёмки: «а может быть *этот* как раз...?» А уж ты! — ты-то наверняка невиновен! Ты ещё рассматриваешь Органы как учреждение человеческого логичное: разберутся — выпустят.

И зачем тебе тогда бежать?.. И как же можно тебе тогда сопротивляться?.. Ведь ты только ухудшишь своё положение, ты помешаешь разобрататься в ошибке. Не то что сопротивляться — ты и по лестнице спускаешься на цыпочках, как велено, чтоб соседи не слышали.

Как потом в лагерях жгло: а что, если бы каждый оперативник, идя ночью арестовывать, не был бы уверен, вернётся ли он живым, и прошался бы со своей семьёй? Если бы во времена массовых посадок, например в Ленинграде, когда сажали четверть города, люди бы не сидели по своим норкам, млея от ужаса при каждом хлопке парадной двери и шагах на лестнице, — а поняли бы, что терять им уже дальше нечего, и в своих передних бодро бы делали засады по несколько человек с топорами, молотками, кочергами, с чем придётся? Ведь заранее известно, что эти ночные картузы не с добрыми намерениями идут, — так не ошибёшься, хрястнув по душегубцу. Или тот воронók с одиноким шофёром, оставшийся на улице, — угнать его либо скаты проколоть. Органы быстро бы недосчитались сотрудников и подвижного состава, и, несмотря на всю жажду Сталина, — остановилась бы проклятая машина!

Если бы... если бы... Мы просто заслужили всё дальнейшее.

И потом — чему именно сопротивляться? Отобранию ли у тебя ремня? Или приказанию отойти в угол? переступить через порожек дома? Арест состоит из мелких околичностей, многочисленных пустяков — и ни из-за какого в отдельности как будто нет смысла спорить (когда мысли арестованного вьются вокруг великого вопроса: «за что?!»), — а все-то вместе эти околичности неминуемо и складываются в арест.

Да мало ли что бывает на душе у свежearестованного! — ведь это одно стоит книги. Там могут быть чувства, которых мы и не заподозрим. Когда арестовывали в 1921 году 19-летнюю Евгению Дояренко и три молодых чекиста рылись в её постели, в её комод с бельём, она оставалась спокойна: ничего нет, ничего и не найдут. И вдруг они коснулись её интимного дневника, которого она даже матери не могла бы показать, — и это чтение её строк враждебными чужими парнями поразило её сильнее, чем вся Лубянка с её решётками и подвалами. И у многих эти личные чувства и привязанности, поражаемые арестом, могут быть куда сильнее политических мыслей или страха тюрьмы. Человек, внутренне не подготовленный к насилию, всегда слабей насильника.

Редкие умницы и смельчаки соображают мгновенно. Директор геологического института Академии Наук Григорьев, когда пришли его арестовывать в 1948 году, забаррикадировался и два часа жёг бумаги.

Иногда главное чувство арестованного — облегчение и даже... радость, особенно во времена арестных эпидемий: когда вокруг берут и берут таких, как ты, а за тобой всё что-то не идут, всё что-то медлят — ведь это изнеможение, это страдание хуже всякого ареста, и не только для слабой души. Василий Власов, бесстрашный коммунист, которого мы ещё помянем не раз, отказавшийся от бегства, предложенного ему беспартийными его помощниками, изнемогал оттого, что всё руководство Кадыйского района арестовали (1937), а его всё не брали, всё не брали. Он мог принять удар только лбом — принял его и успокоился, и первые дни ареста чувствовал себя великолепно. — Священник отец Иеракс (Бочаров) в 1934 поехал в Алма-Ату навестить ссыльных верующих, а тем временем на его московскую квартиру трижды приходили его арестовывать. Когда он возвращался, прихожанки встретили его на вокзале и не допустили домой, 8 лет перепрыгивали с квартиры на квартиру. От этой

загнанной жизни священник так измучился, что когда его в 1943 всё-таки арестовали — он радостно пел Богу хвалу.

В этой главе мы всё говорим о массе, о кроликах, посаженных неведомо за что. Но придёт нам в книге ещё коснуться и тех, кто и в новое время оставался подлинно *политическим*. Вера Рыбакова, студентка социал-демократка, на воле *мечтала* о Суздальском изоляторе: только там она рассчитывала встретиться со старшими товарищами (на воле их уже не оставалось) и там выработать своё мировоззрение. Эсерка Екатерина Олицкая в 1924 даже считала себя недостойной быть посаженной в тюрьму: ведь её прошли лучшие люди России, а она ещё молода и ещё ничего для России не сделала. Но и *воля* уже изгоняла её из себя. Так обе они шли в тюрьму — с гордостью и радостью.

«Спротивление! Где же было ваше сопротивление?» — бранят теперь страдавших те, кто оставался благополучен.

Да, начинаться ему было отсюда, от самого ареста.

Не началось.

И вот — вас ведут. При дневном аресте обязательно есть этот короткий неповторимый момент, когда вас — неявно, по трусливому уговору, или совершенно явно, с обнажёнными пистолетами, — *ведут* сквозь толпу между сотнями таких же невиновных и обречённых. И рот ваш не заткнут. И вам можно и непременно надо было бы к р и ч а т ь! Кричать, что вы арестованы! что переодетые злодеи ловят людей! что хватают по ложным доносам! что идёт глухая расправа над миллионами! И, слыша такие выкрики много раз на день и во всех частях города, может быть согражд ане наши ошетинились бы? может аресты не стали бы так легки!?

В 1927, когда покорность ещё не настолько размягчила наши мозги, на Серпуховской площади днём два чекиста пытались арестовать женщину. Она охватила фонарный столб, стала кричать, не даваться. Собралась толпа. (Нужна была такая женщина, но нужна ж была и такая толпа! Прохожие не все потупили глаза, не все поспешили шмыгнуть мимо!) Расторопные эти ребята сразу смутились. Они не могут *работать* при свете общества. Они сели в автомобиль и бежали. (И тут бы женщине сразу на вокзал и уехать! А она пошла ночевать домой. И ночью отвезли её на Лубянку.)

Но с *ваших* пересохших губ не срывается ни единого звука, и минующая толпа беспечно принимает вас и ваших палачей за прогуливающихся приятелей.

Сам я много раз имел возможность кричать.

На одиннадцатый день после моего ареста три смершевца-дармоеда, обременённые тремя чемоданами трофеев больше, чем мною (на меня за долгую дорогу они уже положились), привезли меня на Белорусский вокзал Москвы. Назывались они спецконвой, на самом деле автоматы только мешали им тащить тяжелейшие чемоданы — добро, награбленное в Германии ими самими и их начальниками из контрразведки СМЕРШ 2-го Белорусского фронта и теперь под предлогом конвоирования меня отвозимое семьям в Отечество. Четвёртый чемодан безо всякой охоты тащил я, в нём везлись мои дневники и творения — улики на меня.

Они все трое не знали города, и я должен был выбирать кратчайшую дорогу к тюрьме, я сам должен был привести их на Лубянку, на которой они никогда не были (а я её путал с министерством иностранных дел).

После суток армейской контрразведки; после трёх суток в контрразведке фронтовой, где однокамерники меня уже образовали (в следовательских обманах, угрозах, битье; в том, что однажды арестованного никогда не выпускают назад; в неотклонимости *десятки*), — я чудом вырвался вдруг и вот уже четыре дня еду как *вольный* и среди вольных, хотя бока мои уже лежали на гнилой соломе у парашаи, хотя глаза мои уже видели избитых и бессонных, уши слышали истину, рот отведал баланды — почему ж я молчу? почему ж я не просвещаю обманутую толпу в мою последнюю гласную минуту?

Я молчал в польском городе Бродницы — но, может быть, там не понимают по-русски? Я ни слова не крикнул на улицах Белостока — но, может быть, поляков это всё не касается? Я ни звука не проронил на станции Волковыск — но она была малолюдна. Я как ни в чём не бывало гулял с этими разбойниками по минскому перрону — но вокзал ещё разорён. А теперь я ввожу за собой смершевцев в белокупольный круглый верхний вестибюль метро Белорусского-радиального, он залит электричеством, и снизу вверх навстречу нам двумя параллельными эскалаторами поднимаются густо уставленные москвичи. Они, кажется, все смотрят на меня! они бесконечной лентой оттуда, из глубины незнания — тянутся, тянутся под сияющий купол ко мне хоть за словечком истины — так что ж я молчу?!..

А у каждого всегда дюжина гладеньких причин, почему он прав, что не жертвует собой.

Одни ещё надеются на благополучный исход и криком своим боятся его нарушить (ведь к нам не поступают вести из потустороннего мира, мы же не знаем, что с самого мига взятия наша судьба уже решена почти по худшему варианту и ухудшить её нельзя). Другие ещё не дозрели до тех понятий, которые слагаются в крик к толпе. Ведь это только у революционера его лозунги на губах и сами рвутся наружу, а откуда они у смиренного, ни в чём не замешанного обывателя? Он просто не знает, что ему кричать. И наконец, ещё есть разряд людей, у которых грудь слишком переполнена, глаза слишком много видели, чтобы можно было выплеснуть это озеро в нескольких бессвязных выкриках.

А я — я молчу ещё по одной причине: потому, что этих москвичей, уставивших ступеньки двух эскалаторов, мне всё равно мало — м а л о! Тут мой вопль услышат двести, дважды двести человек — а как же с двумястами миллионами?.. Смутно чудится мне, что когда-нибудь закричу я двумстам миллионам...

А пока, не раскрывшего рот, эскалатор неуклонно сволакивает меня в преисподнюю.

И ещё я в Охотном ряду смолчу.

Не крикну около «Метрополя».

Не взмахну руками на Голгофской Лубянской площади...

* * *

У меня был, наверно, самый лёгкий вид ареста, какой только можно себе представить. Он не вырвал меня из объятий близких, не оторвал от дорогой нам домашней жизни. Дряблым европейским февралём он вы-

хватил меня из нашей узкой стрелки к Балтийскому морю, где окружили не то мы немцев, не то они нас, — и лишил только привычного дивизиона да картины трёх последних месяцев войны.

Комбриг вызвал меня на командный пункт, спросил зачем-то мой пистолет, я отдал, не подозревая никакого лукавства, — и вдруг из напряжённой неподвижной в углу офицерской свиты выбежали двое контрразведчиков, в несколько прыжков пересекли комнату и, четырьмя руками одновременно хватаясь за звёздочку на шапке, за погоны, за ремень, за полевую сумку, драматически закричали:

— Вы — арестованы!!

И, обожжённый и проколотый от головы к пяткам, я не нашёлся ничего умней, как:

— Я? За что?!

Хотя на этот вопрос не бывает ответа, но вот удивительно — я его получил! Это стоит упомянуть потому, что уж слишком непохоже на наш обычай. Едва смершевцы кончили меня потрошить, вместе с сумкой отобрали мои политические письменные размышления и, угнетаемые дрожанием стёкол от немецких разрывов, подталкивали меня скорей к выходу — раздалось вдруг твёрдое обращение ко мне — да! через этот глухой обруб между остававшимися и мною, обруб от тяжело упавшего слова «арестован», через эту чумную черту, через которую уже ни звука не смело просочиться, — перешли немыслимые, сказочные слова комбрига:

— Солженицын. Вернитесь.

И я крутым поворотом выбился из рук смершевцев и шагнул к комбригу назад. Я его мало знал, он никогда не снисходил до простых разговоров со мной. Его лицо всегда выражало для меня приказ, команду, гнев. А сейчас оно задумчиво осветилось — стыдом ли за своё подневольное участие в грязном деле? порывом стать выше всежизненного жалкого подчинения? Десять дней назад из *мешка*, где оставался его огневой дивизион, двенадцать тяжёлых орудий, я вывел почти что целой свою разведбатарею — и вот теперь он должен был отречься от меня перед клочком бумаги с печатью?

— У вас... — веско спросил он, — есть друг на Первом Украинском фронте?

— Нельзя!.. Вы не имеете права! — закричали на полковника капитан и майор контрразведки. Испуганно сжалась свита штабных в углу, как бы боясь разделить неслыханную опрометчивость комбрига (а политотдельцы — и готовясь дать на комбрига *материал*). Но с меня уже было довольно: я сразу понял, что я арестован за переписку с моим школьным другом, и понял, по каким линиям ждать мне опасности.

И хоть на этом мог бы остановиться Захар Георгиевич Травкин! Но нет! Продолжая очищаться и распрямляться перед самим собою, он поднялся из-за стола (он никогда не вставал навстречу мне в той прежней жизни!), через чумную черту протянул мне руку (вольному, он никогда мне её не протягивал!) и, в рукопожатии, при немом ужасе свиты, с отеплённостью всегда сурового лица сказал бесстрашно, отдельно:

— Желаю вам — счастья — капитан!

Я не только не был уже капитаном, но я был разоблачённый враг народа (ибо у нас всякий арестованный уже с момента ареста и полностью разоблачён). Так он желал счастья — врагу?..

Дрожали стёкла. Немецкие разрывы терзали землю метрах в двухстах, напоминая, что *этого* не могло бы случиться там, глубже на нашей земле, под колпаком устоявшегося бытия, а только под дыханием близкой и ко всем равной смерти*.

Эта книга не будет воспоминаниями о собственной жизни. Поэтому я не буду рассказывать о забавнейших подробностях моего ни на что не похожего ареста. В ту ночь смершевцы совсем отчаялись разобраться в карте (они никогда в ней и не разбирались) и с любезностями вручили её мне и просили говорить шофёру, как ехать в армейскую контрразведку. Себя и их я сам привёз в эту тюрьму и в благодарность был тут же посажен не просто в камеру, а в карцер. Но вот об этой кладовочке немецкого крестьянского дома, служившей временным карцером, нельзя упустить.

Она имела длину человеческого роста, а ширину — троим лежать тесно, а четверым — впритыску. Я как раз был четвёртым, втолкнул уже после полуночи, трое лежавших поморщились на меня со сна при свете керосиновой коптилки и подвинулись, давая место нависнуть боком и постепенно силой тяжести вклиниваться. Так на истолчённой соломке пола стало нас восемь сапог к двери и четыре шинели. Они спали, я пылал. Чем самоуверенней я был капитаном полдня назад, тем больней было зашемишься на дне этой каморки. Раз-другой ребята просыпались от затеклости бока, и мы разом переворачивались.

К утру они отоспались, зевнули, крикнули, подобрали ноги, рассунулись в разные углы — и началось знакомство.

— А ты за что?

Но смутный ветерок настороженности уже опохнул меня под отравленной кровлею СМЕРША, и я простосердечно удивился:

— Понятия не имею. Рази ж говорят, гады?

Однако сокамерники мои — танкисты в чёрных мягких шлемах — не скрывали. Это были три честных, три немудрящих солдатских сердца — род людей, к которым я привязался за годы войны, будучи сам и сложнее и хуже. Все трое они были офицерами. Погоны их тоже были сорваны с озлоблением, кое-где торчало и нитяное мясо. На замызганных гимнастёрках светлые пятна были следы свинченных орденов, тёмные и красные рубцы на лицах и руках — память ранений и ожогов. Их дивизион, на беду, пришёл ремонтироваться сюда, в ту же деревню, где стояла контрразведка СМЕРШ 48-й армии. Отволгнув от боя, который был позавчера, они вчера выпили и на задворках деревни вломились в баню, куда, как они заметили, пошли мыться две забористые девки. От их плохопослушных пьяных ног девушки успели, полуодевшись, ускакать. Но оказалась одна из них не чья-нибудь, а — начальника контрразведки армии.

Да! Три недели уже война шла в Германии, и все мы хорошо знали: окажись девушки немки — их можно было изнасиловать, следом расстрелять, и это было бы почти боевое отличие; окажись они польки или

* И вот удивительно: человеком всё-таки можно быть! — Травкин не пострадал. Недавно мы с ним радушно встретились и познакомились впервые. Он — генерал в отставке и ревизор в союзе охотников.

наши угнанные русачки — их можно было бы во всяком случае гонять голыми по огороду и хлопать по ляжкам — забавная шутка, не больше. Но поскольку эта была «походно-полевая жена» начальника контрразведки — с трёх боевых офицеров какой-то тыловой сержант сейчас же злобно сорвал погоны, утверждённые приказом по фронту, снял орден, выданные Президиумом Верховного Совета, — и теперь этих вояк, прошедших всю войну и смявших, может быть, не одну линию вражеских траншей, ждал суд военного трибунала, который без их танка ещё б и не добрался до этой деревни.

Коптилку мы погасили, и так уж она сожгла всё, чем нам тут дышать. В двери был прорезан волчок величиной с почтовую открытку, и оттуда падал непрерывный свет коридора. Будто беспокоясь, что с наступлением дня нам в карцере станет слишком просторно, к нам тут же *подкинули* пятого. Он всагнул в новенькой красноармейской шинели, шапке тоже новой, и, когда стал против волчка, явил нам курносое свежее лицо с румянцем во всю щеку.

— Откуда, брат? Кто такой?

— С *той* стороны, — бойко ответил он. — Шпиён.

— Шутишь? — обомлели мы. (Чтобы шпион, и сам об этом говорил — так никогда не писали Шейнин и братья Тур!)

— Какие могут быть шутки в военное время! — рассудительно вздохнул паренёк. — А как из плена домой вернуться? — ну, научите.

Он едва успел начать нам рассказ, как его сутки назад немцы перевели через фронт, чтоб он тут шпионил и рвал мосты, а он тотчас же пошёл в ближайший батальон сдаваться, и бессонный измотанный комбат никак ему не верил, что он шпион, и посылал к сестре выпить таблеток, — вдруг новые впечатления ворвались к нам.

— На оправку! Руки назад! — звал через распахнувшуюся дверь старшина-лоб, вполне бы годный перетягивать хобот 122-миллиметровой пушки.

По всему крестьянскому двору уже расставлено было оцепление автоматчиков, охранявшее указанную нам тропку в обход сарая. Я взрывался от негодования, что какой-то невежа-старшина смел командовать нам, офицерам, «руки назад», но танкисты взяли руки назад, и я пошёл вослед.

За сараем был маленький квадратный загон с ещё нестаявшим утоптаным снегом — и весь он был загажен кучками человеческого кала, так беспорядочно и густо по всей площади, что нелегка была задача — найти, где бы поставить две ноги и присесть. Всё же мы разобрались и в разных местах присели все пятеро. Два автоматчика угрюмо выставили против нас, низко присевших, автоматы, а старшина, не прошло минуты, резко понукал:

— Ну, поторапливайся! У нас быстро оправляются!

Невдалеке от меня сидел один из танкистов, ростовчанин, рослый хмурый старший лейтенант. Лицо его было зачернено налётом металлической пыли или дыма, но большой красный шрам через щеку хорошо на нём заметен.

— Где это — у вас? — тихо спросил он, не выказывая намерения торопиться в карцер, пропахший керосином.

— В контрразведке СМЕРШ! — гордо и звончей чем требовалось отрубил старшина. (Контрразведчики очень любили это безвкусно сляпанное — из «смерть шпионам» — слово. Они находили его пугающим.)

— А у нас — медленно, — раздумчиво ответил старший лейтенант. Его шлем сбился назад, обнажая на голове ещё несостриженные волосы. Его одубелая фронтальная задница была подставлена приятному холодному ветерку.

— Где это — у вас? — громче чем нужно гавкнул старшина.

— В Красной армии, — очень спокойно ответил старший лейтенант с корточек, меряя взглядом несостоявшегося хоботного.

Таковы были первые глотки моего тюремного дыхания.

Часть вторая ВЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Колёса тоже не стоят,
Колёса...
Вертятся, пляшут жернова,
Вертятся...

В. Мюллер

Глава 1

КОРАБЛИ АРХИПЕЛАГА

От Берингова пролива и почти до Босфорского разбросаны тысячи островов заколдованного Архипелага. Они невидимы, но они — есть, и с острова на остров надо так же невидимо, но постоянно перевозить невидимых невольников, имеющих плоть, объём и вес.

Черезо что же возить их? На чём?

Есть для этого крупные порты — пересыльные тюрьмы, и порты поменьше — лагерные пересыльные пункты. Есть для этого стальные закрытые корабли — *вагон-заки*. А на рейдах вместо шлюпок и катеров их встречают такие же стальные замкнутые оборотистые *воронки*. Вагон-заки ходят по расписанию. А при нужде отправляют из порта в порт по диагоналям Архипелага ещё целые караваны — эшелоны красных товарных телячьих вагонов.

Это всё налаженная система! Её создавали десятки лет — и не в спешке. Сытые, обмундированные, неторопливые люди создавали её. Кинешемскому конвою по нечётным числам в 17.00 принимать на Северном вокзале Москвы этапы из бутырского, пресненского и таганского воронок. Ивановскому конвою по чётным числам к шести утра прибывать на вокзал, снимать и держать у себя пересадочных на Нерехту, Бежецк, Бологое.

Это всё — рядом с вами, вопрителичку с вами, но — невидимо вам (а можно и глаза смежить). На больших вокзалах погрузка и выгрузка чумазных происходит далеко от пассажирского перрона, её видят только стрелочники да путевые обходчики. На станциях поменьше тоже облюбован глухой проулок между двумя пакгаузами, куда воронок подают задом, ступеньки к ступенькам вагон-зака. Арестанту некогда оглянуться на вокзал, посмотреть на вас и вдоль поезда, он успевает только видеть ступеньки (иногда нижняя ему по пояс, и сил карабкаться нет), а конвоиры, обставшие узкий переходик от воронка к вагону, рычаг, гудят: «Быстро! Быстро!.. Давай! Давай!..» — а то и помахивают штыками.

И вам, спешащим по перрону с детьми, чемоданами и авоськами, недосуг приглядываться: зачем это подцепили к поезду второй багажный вагон? Ничего на нём не написано, и очень похож он на багажный — тоже косые прутья решётки и темнота за ними. Только зачем-то едут в нём солдаты, защитники отечества, и на остановках двое из них, посвистывая, ходят по обе стороны, косятся под вагон.

Поезд тронется — и сотня стиснутых арестантских судеб, измученных сердец, понесётся по тем же змеистым рельсам, за тем же дымом, мимо тех же полей, столбов и стогов, и даже на несколько секунд раньше вас — но за вашими стёклами в воздухе ещё меньше останется следов от промелькнувшего горя, чем от пальцев по воде. И в хорошо знакомом, все-

гда одинаковом поездном быте — с разрезаемой пачкой белья для постели, с разносимым в подстаканниках чаем — вы разве можете вжиться, какой тёмный сдавленный ужас пронёсся за три секунды до вас через этот же объём эвклидова пространства? Вы, недовольные, что в купе четверо и тесно, — вы разве смогли бы поверить, вы разве над этой строкою поверите, что в таком же купе перед вами только что пронеслось — четырнадцать человек? А если — двадцать пять? А если — тридцать?..

«Вагон-зак» — какое мерзкое сокращение! Как, впрочем, все сокращения, сделанные палачами. Хотят сказать, что это — вагон для заключённых. Но нигде, кроме тюремных бумаг, слово это не удержалось. Усвоили арестанты называть такой вагон «стольпинским» или просто «столыпиным».

По мере того как рельсовое передвижение внедрялось в наше отечество, меняли свою форму и арестантские этапы. Ещё до 90-х годов XIX века сибирские этапы шли пешком и на лошадях. Уже Ленин в 1896 году ехал в сибирскую ссылку в обыкновенном вагоне третьего класса (с вольными) и кричал на поездную бригаду, что невыносимо тесно. Всем известная картина Ярошенко «Всюду жизнь» показывает нам ещё очень наивное переоборудование пассажирского вагона четвёртого класса под арестантский груз: всё оставлено как есть, и арестанты едут как просто люди, только поставлены на окнах двусторонние решётки. Вагоны эти ещё долго бегали по русским дорогам, некоторые помнят, как их и в 1927 этапировали в таких именно, только разделив мужчин и женщин. С другой стороны, эсер Трушин уверял, что он и при царе уже этапировался в «стольпине», только ездило их, опять-таки по крыловским временам, шесть человек в купе.

История вагона такова. Он действительно пошёл по рельсам впервые при Столыпине: он был сконструирован в 1908 году, но — для *переселенцев* в восточные области страны, когда развилось сильное переселенческое движение и не хватало подвижного состава. Этот тип вагонов был ниже обычного пассажирского, но много выше товарного, он имел подсобные помещения для утвари или птицы (нынешние «половинные» купе, карцеры) — но он, разумеется, не имел *никаких решёток*, ни внутри, ни на окнах. Решётки поставила изобретательная мысль, и я склоняюсь, что большевицкая. А называться досталось вагону — *стольпинским*... Министр, вызывавший на дуэль депутата за «стольпинский галстук», — этого посмертного обольгания уже не мог остановить.

И ведь не обвинишь гугаговское начальство, чтоб они пользовались термином «стольпин» — нет, всегда «вагон-зак». Это мы, зэки, из чувства противоречия казённому названию, чтобы только называть по-своему и поглубей, обманно повлеклись за кличкой, подsunутой нам арестантами предыдущих поколений, как легко рассчитать — 20-х годов. Кто ж могли быть авторы клички? не «контрики», у них не могло возникнуть такой ассоциации: царский премьер-министр — и чекисты. Это, безусловно, могли быть только «революционеры», вдруг, для себя неожиданно завлечённые в чекистскую мясорубку: или эсеры, или анархисты (если кличка возникла в ранних 20-х), или троцкисты (если в поздних 20-х). Когда-то змеиным укусом убив великого деятеля России, ещё и посмертным гадким укусом осквернили его память.

Но так как вагон этот был излюблен лишь в 20-е годы, а нашёл всеобщее и исключительное применение — с начала 30-х, когда всё в нашей

жизни становилось единообразным (и, вероятно, тогда достроили много таких), то справедливо было бы называть его не «столыпиным», а «сталиным».

Вагон-зак — это обыкновенный купейный вагон, только из девяти купе пять, отведенные арестантам (и здесь, как всюду на Архипелаге, половина идёт на обслугу!), отделены от коридора не сплошной перегородкой, а решёткой, обнажающей купе для просмотра. Решётка эта — косые перекрещенные прутья, как бывает в станционных садиках. Она идёт на всю высоту вагона, доверху, и оттого нет багажных чердачков из купе над коридором. Окна коридорной стороны — обычные, но в таких же косых решётках извне. А в арестантском купе окна нет — лишь маленький, тоже обрешеченный, слепыш на уровне вторых полок (вот, без окон, и кажется нам вагон как бы багажным). Дверь в купе — раздвижная: железная рама, тоже обрешеченная.

Всё вместе из коридора это очень напоминает зверинец: за сплошной решёткой, на полу и на полках, скрючились какие-то жалкие существа, похожие на человека, и жалобно смотрят на вас, просят пить и есть. Но в зверинце так тесно никогда не скучивают животных.

По расчётам вольных инженеров, в сталинском купе могут шестеро сидеть внизу, трое — лежать на средней полке (она соединена как сплошные нары, и оставлен только вырез у двери для лаза вверх и вниз) и двое — лежать на багажных полках вверху. Если теперь сверх этих одиннадцати затолкать в купе ещё одиннадцать (последних под закрываемую дверь надзиратели запикивают уже ногами) — то вот и будет вполне нормальная загрузка сталинского купе. По двое скорчатся, полусидя, на верхних багажных, пятеро лягут на соединённой средней (и это — самые счастливые, места эти берутся с бою, а если в купе есть блатари, то именно они лежат там), на низ же останется тринадцать человек: по пять сядут на полках, трое — в проходе меж их ног. Где-то там вперемешку с людьми, на людях и под людьми — их вещи. Так со сдавленными поджатыми ногами и сидят сутки за сутками.

Нет, это не делается специально, чтобы мучить людей! Осуждённый — это трудовой солдат социализма, зачем же его мучить, его надо использовать на строительстве. Но, согласитесь, и не к теще же в гости он едет, не устраивать же его так, чтоб ему с воли завидовали. У нас с транспортом трудности: доедет, не подойдет.

С пятидесятих годов, когда расписания наладились, ехать так доставалось арестантам недолго — ну полтора, ну двое суток. В войну и после войны было хуже: от Петропавловска (казахстанского) до Караганды вагон-зак мог идти *семь* суток (и было двадцать пять человек в купе!), от Караганды до Свердловска — *восемь* суток (и в купе было по двадцать шесть). Даже от Куйбышева до Челябинска в августе 1945 Сузи ехал в сталинском вагоне несколько суток — и было их в купе *тридцать пять* человек, лежали просто друг на друге, барахтались и боролись*. А осенью 1946 Н.В. Тимофеев-Ресовский ехал из Петропавловска в Москву в купе, где было *тридцать шесть* человек! Несколько суток он *висел* в купе между людьми, ногами не касаясь пола. Потом стали умирать — их вынимали из-под ног (правда, не сразу, на вторые сутки), — и так посвободнело. Всё путешествие до Москвы продолжалось у него *три недели*. (В Москве

* Это к удовлетворению тех, кто удивляется и упрекает: почему не боролись?

же, по законам страны чудес, Тимофеева-Ресовского вынесли на руках *офицеры* и повезли в легковом автомобиле: он ехал двигать науку!

Предел ли — тридцать шесть? У нас нет свидетельств о тридцати семи, но, придерживаясь единственно-научного метода и воспитанные на борьбе с «предельщиками», мы должны ответить: нет и нет! Не предел! Может быть, где-нибудь и предел, да не у нас! Пока ещё в купе остаются хотя бы под полками, хотя бы между плечами, ногами и головами кубические дециметры невывесенного воздуха — купе готово к приёму дополнительных арестантов! Условно можно принять за предел число неразъятых трюпов, умещаемых в полном объёме купе при спокойной укладке.

В.А. Корнеева ехала из Москвы в купе, где было *тридцать женщин* — и большинство из них дряхлые старушки, ссылаемые на поселение за веру (по приезде *все* эти женщины, кроме двух, сразу легли в больницу). У них не было смертей, потому что несколько среди них были молодые, развитые и хорошенькие девушки, сидевшие «за иностранцев». Эти девушки принялись стыдить конвой: «Как не стыдно вам так их везти? Ведь это же ваши матери!» Не столько, наверно, их нравственные аргументы, сколько привлекательная наружность девушек нашла в конвое отзыв — и несколько старушек пересадили... в карцер. А «карцер» в вагон-заке это не наказание, это блаженство. Из пяти арестантских купе только четыре используются как общие камеры, а пятое разделено на две половины — два узких полукупе с одной нижней и одной верхней полкой, как бывает у проводников. Карцеры эти служат для изоляции; ехать там втроем-вчетвером — удобство и простор.

Нет, не для того, чтобы нарочно мучить арестантов жаждой, все эти вагонные сутки в изнемоге и давке их кормят вместо приварка только селёдкой или сухою воблой (так было *все* годы, тридцатые и пятидесятые, зимой и летом, в Сибири и на Украине, и тут примеров даже приводить не надо). Не для того, чтобы мучить жаждой, а скажите сами — чем эту рвань в дороге кормить? Горячий приварок в вагоне им не положен (в одном из купе вагон-зака едет, правда, кухня, но она — только для конвоя), сухой крупы им не дашь, сырой трески не дашь, мясных консервов — не разожрут ли? Селёдка, лучше не придумаешь, да хлеба ломоть — чего ж ещё?

Ты бери, бери свои полселёдки, пока дают, и радуйся! Если ты умен — селёдку эту не ешь, перетерпи, в карман её спрячь, слопаешь на пересылке, где водица. Хуже, когда дают азовскую мокрую камсу, пересыпанную крупной солью, она в кармане не пролежит, бери её сразу в полу бушлата, в носовой платок, в ладонь — и ешь. Делят камсу на чьём-нибудь бушлате, а сухую воблу конвой высыпает в купе прямо на пол, и делят её на лавках, на коленях.

П.Ф. Якубович («В мире отверженных», М.; Л., 1964, т. 1) пишет о 90-х годах прошлого века, что в то страшное время в сибирских этапах давали кормовых 10 копеек в сутки на человека при цене на ковригу пшеничного хлеба — килограмма три? — 5 копеек, на кринку молока — литра два? — 3 копейки. «Арестанты благоденствуют», — пишет он. А вот в Иркутской губернии цены выше, фунт мяса стоит 10 копеек и «арестанты просто бедствуют». Фунт мяса в день на человека — это не полселёдки?..

Но уж если тебе рыбу дали — так и в хлебе не откажут, и сахарку ещё, может, подсыпят. Хуже, когда конвой приходит и объявляет: сегодня кормить не будем, на вас *не выдано*. И так может быть, что вправду не вы-

дано: в какой-то тюремной бухгалтерии не там цифру поставили. А может быть и так, что — выдано, но конвою самому не хватает пайки (они тоже ведь не больно сыты), и решили хлебушек *закосить*, а уж одну полуселёдку давать подозрительно.

И конечно, не для того, чтоб арестант мучился, ему не дают после селёдки ни кипятка (это уж никогда), ни даже сырой воды. Надо понять: штаты конвоя ограничены, одни стоят в коридоре на посту, несут службу в тамбуре, на станциях лазят под вагоном, по крыше: смотрят, не продырявлено ли где. Другие чистят оружие, да когда-то же надо с ними заняться и политучёбой, и боевым уставом. А третья смена спит, восемь часов им отдай как закон, война-то кончилась. Потом: носить воду вёдрами — далеко, да и обидно носить: почему советский воин должен воду таскать как ишак, для врагов народа? Порой для сортировки или перецепки загонят вагон-зак от станции на полсутки так (от глаз подальше), что и на свою-то красноармейскую кухню воды не наносишься. Ну, есть, правда, выход: для эзков из паровозного тендера черпануть — жёлтую, мутную, со смазочными маслами, охотно пьют и такую, ничего, им в полутьме купе и не очень видно — окна своего нет, лампочки нет, свет из коридора. Потом ещё: воду эту раздавать больно долго — своих кружек у заключённых нет, у кого и были, так отняли, — значит, пои их из двух казённых, и, пока напьются, ты всё стой рядом, черпай, черпай да подавай. (Да ещё заведутся промез себя: давайте сперва, мол, здоровые пить, а потом уже туберкулёзные, а потом уже сифилитики! Как будто в соседнем купе не сначала опять: сперва здоровые...)

Но и всё б это конвой перенёс, и таскал бы воду и поил, если б, сви-нни такие, налакавшись воды, не просились бы потом на opravку. А получается так: не дашь им сутки воды — и opravки не просят; один раз напоишь — один раз и на opravку; пожалеешь, два раза напоишь — два раза и на opravку. Прямой расчёт всё-таки — не поить.

И не потому opravки жалко, что уборной жалко, — а потому, что это ответственная и даже боевая операция: надолго надо занять ефрейтора и двух солдат. Выставляются два поста — один около двери уборной, другой в коридоре с противоположной стороны (чтоб туда не кинулись), а ефрейтору то и дело отодвигать и задвигать дверь купе, сперва впуская возвратного, потом выпуская следующего. Устав разрешает выпускать только по одному, чтоб не кинулись, не начали бунта. И получается, что этот выпущенный в уборную человек держит тридцать арестантов в своём купе и сто двадцать во всём вагоне, да наряд конвоя! Так «Давай! Давай!.. Скорей! Скорей!» — понукают его по пути ефрейтор и солдат, и он спешит, спотыкается, будто ворует это очко уборной у государства. В 1949 в «сталине» Москва–Куйбышев одноногий немец Шульц, уже понимая русские понукания, прыгал на своей ноге в уборную и обратно, а конвой хохотал и требовал, чтобы тот прыгал быстрее. В одну opravку конвоир толкнул его в тамбуре перед уборной, Шульц упал. Конвоир, осердясь, стал его ещё бить — и, не умея подняться под его ударами, Шульц вползал в грязную уборную ползком. Конвоиры хохотали*.

Чтоб за секунды, проводимые в уборной, арестант не совершил побега, а также для быстроты оборота, дверь в уборную не закрывается, и, наблю-

* Это, кажется, названо «культ личности Сталина»?

дая за процессом оправки, конвоир из тамбура поощряет: «Давай-давай!.. Ну хватит тебе, хватит!» Иногда с самого начала команда: «Только по лёгкому!» — и тогда уж тебе из тамбура иначе не дадут. Ну, и рук, конечно, никогда не моют: воды не хватает в баке, и времени нет. Если только арестант коснётся соска умывальника, конвоир рыкает из тамбура: «А ну, не трожь, проходи!» (Если у кого в вещмешке есть мыло или полотенце, так из одного стыда не достанет: это *по-фраерски* очень.) Уборная загажена. Быстрее, быстрее! и, неся жидкую грязь на обуви, арестант втискивается в купе, по чьим-то рукам и плечам лезет наверх, и потом его грязные ботинки свисают с третьей полки ко второй и капают.

Когда оправляются женщины, устав караульной службы и здравый смысл требуют также не закрывать дверей уборной, но не всякий конвой на этом настаит, иные попустят: ладно, мол, закрывайте. (Ещё ж потом одной женщине эту уборную и мыть после всех, и опять около неё стой, чтоб не сбежала.)

И даже при таком быстром темпе уходит на opravку ста двадцати человек больше двух часов — больше четверти смены трёх конвоиров! И всё равно не угодишь! — и всё равно какой-нибудь старик-песочник через полчаса опять же плачется и просится на opravку; его, конечно, не выпускают, он гадит прямо у себя в купе, и опять же забота ефрейтору: заставить его руками собрать и вынести.

Так вот: поменьше opravок! А значит — воды поменьше. И еды поменьше — и не будут жаловаться на поносы и воздух отравлять, ведь это что? — в вагоне дышать нельзя!

Поменьше воды! А селёдку положенную выдать! Недача воды — разумная мера, недача селёдки — служебное преступление.

Никто, никто не задался целью мучить нас! Действия конвоя вполне рассудительны! Но, как древние христиане, сидим мы в клетке, а наши раненные языки сыпят соль.

Так же и совсем не имеют цели (иногда имеют) этапные конвоиры перемешивать в купе Пятьдесят Восьмую с блатарями и бытовиками, а просто: арестантов чересчур много, вагонов и купе мало, времени в обрез — когда с ними разбираться? Одно из четырёх купе держат для женщин, в трёх остальных если уж и сортировать, так по станциям назначения, чтоб удобнее выгружать.

И разве потому распяли Христа между разбойниками, что хотел Пилат его унижить? Просто день был такой — распинать, Голгофа — одна, времени мало. *И к злодеям причётн.*

* * *

Я боюсь даже и подумать, что пришлось бы мне пережить, находясь на общем арестантском положении... Конвой и этапные офицеры обращались со мной и моими товарищами с предупредительной вежливостью... Будучи политическим, я ехал в каторгу со сравнительным комфортом — пользовался отдельным от уголовной партии помещением на этапах, имел подводу, и пуд багажа шёл на подводе...

...Я опустил в этом абзаце кавычки, чтобы читатель мог лучше вникнуть. Без кавычек абзац диковато звучит, а?

Это пишет П.Ф. Якубович о конце 80-х годов прошлого века. Книга переиздана сейчас в поучение о том мрачном времени. Мы узнаём, что и на барже политические имели особую комнату и на палубе — особое отделение для прогулки. (То же — и в «Воскресении», и посторонний князь Нехлюдов может приходите к политическим на собеседования.) И лишь потому, что в списке против фамилии Якубовича было «пропущено *магическое слово политический*» (так он пишет) — на Усть-Каре он был «встречен инспектором каторги... как обыкновенный уголовный арестант — грубо, вызывающе, дерзко». Впрочем, это счастливо разъяснилось.

Какое неправдоподобное время! — смешивать политических с уголовными казалось почти преступлением! Уголовников гнали на вокзалы позорным строем по мостовой, политические могли ехать в карете (большевик Ольминский, 1899). Политических из общего котла не кормили, выдавали кормовые деньги и несли им из кухмистерской. Большевик Ольминский не захотел принять даже больничного пайка — груб ему показался*. Бутырский корпусной просил извинения за надзирателя, что тот обратился к Ольминскому на «ты»: у нас, де, редко бывают политические, надзиратель не знал...

В Бутырках *редко бывают политические!*.. Что за сон? А где ж они бывают? Лубянки-то и Лефортова тем более ещё не было!..

Радищева вывезли на этап в кандалах и по случаю холодной погоды набросили на него «гнусную нагольную шубу», взятую у сторожа. Однако Екатерина немедленно вслед распорядилась: кандалы снять и всё нужное для пути доставить. Но Анну Скрипникову в ноябре 1927 отправили из Бутырок в этап на Соловки в соломенной шляпе и летнем платье (как она была арестована летом, а с тех пор её комната стояла запечатанная, и никто не хотел разрешить ей взять оттуда свои же зимние вещи).

Отличать политических от уголовных — значит уважать их как равных соперников, значит признавать, что у людей могут быть *взгляды*. Так даже арестованный политический ощущает политическую свободу!

Но с тех пор, как все мы — «каэры», а социалисты не удержались на «политах», — с тех пор только смех заключённых и недоумение надзирателя мог ты вызвать протестом, чтоб тебя, политического, не смешивали с уголовными. «У нас — все уголовные», — искренно отвечали надзиратели.

Это смешение, эта первая разящая встреча происходит или в воронке, или в вагон-заке. До сих пор как ни угнетали, пытали и терзали тебя следствием — это всё исходило от голубых фуражек, ты не смешивал их с человечеством, ты видел в них только наглую службу. Но зато твои однокамерники, хотя б они были совсем другими по развитию и опыту, чем ты, хотя б ты спорил с ними, хотя б они на тебя и *стучали*, — все они были из того же привычного, грешного и обиходливого человечества, среди которого ты провёл всю жизнь.

Всталкиваясь в сталинское купе, ты и здесь ожидаешь встретить только товарищей по несчастью. Все твои враги и угнетатели остались по ту сторону решётки, с этой ты их не ждёшь. И вдруг ты поднимаешь голову к квадратной прорези в средней полке, к этому единственному небу над тобой — и видишь там три-четыре — нет, не лица! нет, не обезьяньих морды, у обезьян же морда гораздо добрей и задумчивей! нет, не образину — обра-

* За то всё, правда, шанка (уголовная масса) называла профессиональных революционеров «паршивыми дворянщиками» (П.Ф. Якубович).

зина хоть чем-то должна быть похожа на образ! — ты видишь жестокие гадкие хари с выражением жадности и насмешки. Каждый смотрит на тебя как паук, нависший над мухой. Их паутина — эта решётка, и ты попался! Они кривят рты, будто собираются куснуть тебя избоку, они при разговоре шипят, наслаждаясь этим шипением больше, чем гласными и согласными звуками речи, — и сама речь их только окончаниями глаголов и существительных напоминает русскую, она — тарабарщина.

Эти странные гориллоиды скорее всего в майках — ведь в купе духота, их жилистые багровые шеи, их раздавленные шарами плечи, их татуированные смуглые груди никогда не испытывали тюремного истощения. Кто они? Откуда? Вдруг с одной такой шеи свесится — крестик! да, алюминиевый крестик на верёвочке. Ты поражён и немного облегчён: среди них есть верующие, как трогательно; так ничего страшного не произойдёт. Но именно этот «верующий» вдруг погибает в крест и в веру (ругаются они отчасти по-русски) и суёт два пальца тычком, рогатинкой, прямо тебе в глаза — не угрожая, а вот начиная сейчас выкалывать. В этом жесте «глаза выколю, падло!» — вся философия их и вера! Если уж глаз твой они способны раздавить, как слизняка, — так что на тебе и при тебе они пощадят? Болтается крестик, ты смотришь ещё не выдавленными глазами на этот дичайший маскарад и теряешь систему отсчёта: кто из вас уже сошёл с ума? кто ещё сходит?

В один миг трещат и ломаются все привычки людского общения, с которыми ты прожил жизнь. Во всей твоей прошлой жизни — особенно до ареста, но даже и после ареста, но даже отчасти и на следствии — ты говорил другим людям *слова*, и они отвечали тебе *словами*, и эти слова производили действие, можно было или убедить, или отклонить, или согласиться. Ты помнишь разные людские отношения — просьбу, приказ, благодарность, — но то, что застигло тебя здесь, — вне этих слов и вне этих отношений. Посланником харь спускается вниз кто-то, чаще всего плюгавенький малолетка, чья развязность и наглость омерзительнее втрое, и этот бесёнок развязывает твой мешок и лезет в твои карманы — не обыскивая, а как в свои! С этой минуты ничто твоё — уже не твоё, и сам ты — только гуттаперчевая болванка, на которую напаялены лишние вещи, но вещи можно снять. Ни этому маленькому злому хорьку, ни тем харям наверху нельзя ничего объяснить словами, ни отказать, ни запретить, ни выпроситься! Они — не люди, это объяснилось тебе в одну минуту. Можно только — бить! Не ожидая, не тратя времени на шевеление языка — бить! — или этого ребёнка, или тех крупных тварей наверху.

Но снизу вверх тех трёх — ты как ударишь? А ребёнка, хоть он гадкий хорёк, как будто тоже бить нельзя? можно только оттолкнуть мягенько?.. Но и оттолкнуть нельзя, потому что он тебе сейчас откусит нос или сверху тебе сейчас проломят голову (да у них и ножи есть, только они не станут их вытаскивать, об тебя пачкать).

Ты смотришь на соседей, на товарищей — давайте же или сопротивляться, или заявим протест! — но все твои товарищи, твоя Пятьдесят Восьмая, ограбленные поодиночке ещё до твоего прихода, сидят покорно, сгорбленно и смотрят хорошо ещё если мимо тебя, а то и на тебя, так обычно смотрят, как будто это не насилие, не грабёж, а явление природы: трава растёт, дождик идёт.

А потому что — упущено время, господа, товарищи и братцы! Спохватываться — кто вы, надо было тогда, когда Стружинский сжигал себя в вятской камере и раньше ещё того, когда вас объявляли «казрами».

Итак, ты даёшь снять твоё пальто, а в пиджаке твоём прощупана и с клоком вырвана зашитая двенадцатка, мешок твой брошен наверх, проверен, и всё, что твоя сентиментальная жена собрала тебе после приговора в дальнюю дорогу, осталось там, наверху, а тебе в мешочке сброшена зубная щётка...

Хотя не каждый подчинялся так в 30-е и 40-е годы, но девяносто девять. (Немногие случаи рассказывали мне, когда трое спянных, молодых и здоровых, устали против блатарей — но не общую справедливость защищая, не всех, грабимых рядом, а только себя, вооружённый нейтралитет.) Как же это могло стать? Мужчины! офицеры! солдаты! фронтовики!

Чтобы смело биться, человеку надо к этому бою быть готовым, ожидать его, понимать его цель. Здесь же нарушены все условия: никогда не зная раньше блатной среды, человек не ждал этого боя, а главное — совершенно не понимает его необходимости, до сих пор представляя (неверно), что его враги — это голубые фуражки только. Ему ещё надо воспитываться, пока он поймёт, что татуированные груди — это задницы голубых фуражек, это то откровение, которое погони не говорят вслух: «Умри ты сегодня, а я завтра!» Новичок-арестант хочет себя считать политическим, то есть: он — за народ, а против них — государство. А тут неожиданно сзади и сбоку нападает какая-то поворотливая нечисть, и все разделения смешиваются, и ясность разбита в осколки. (И нескоро арестант соберётся и разберётся, что нечисть, выходит, — с тюремщиками заодно.)

Чтобы смело биться, человеку надо ощущать защиту спины, поддержку с боков, землю под ногами. Все эти условия разрушены для Пяťдесят Восьмой. Пройдя мясорубку политического следствия, человек сокрушён телом: он голодал, не спал, вымерзал в карцерах, валялся избитый. Но если бы только телом! — он сокрушён и душой. Ему втолковано и доказано, что и взгляды его, и жизненное поведение, и отношения с людьми — всё было неверно, потому что привело его к разгрому. В том комочке, который выброшен из машинного отделения суда на этап, осталась только жажда жизни, и никакого понимания. Окончательно сокрушить и окончательно разобщить — вот задача следствия по 58-й статье. Осуждённые должны понять, что наибольшая вина их на воле была — попытка как-нибудь сообщаться или объединяться друг с другом помимо парторга, профорга и администрации. В тюрьме это доходит до страха всяких тюремных коллективов: одну и ту же жалобу высказать в два голоса или на одной и той же бумаге подписаться двоим. Надолго теперь отбитые от всякого объединения, лжеполитические не готовы объединиться и против блатных. Так же не придет им в голову иметь для вагона или пересылки оружие — нож или кистень. Во-первых — зачем оно? Против кого? Во-вторых, если его применишь ты, отягчённый зловещей 58-ю статьёй, — то по пересуду ты можешь получить и расстрел. В-третьих, ещё раньше, при обыске, тебя за нож накажут не так, как блатаря: у него нож — это шалость, традиция, несознательность, у тебя — террор.

И наконец, большая часть посаженных по 58-й — это мирные люди (а часто и старые, и больные), всю жизнь обходившиеся словами, без кулаков — и не готовые к ним теперь, как и раньше.

А блатары не проходили такого следствия. Всё их следствие — два допроса, лёгкий суд, лёгкий срок, и даже этого лёгкого срока им не предстоит отбыть, их отпустят раньше: или амнистируют, или они убегут*. Никто не лишал блатаря его законных передач и во время следствия — обильных передач из доли товарищей по воровству, оставшихся на свободе. Он не худел, не слабел ни единого дня — и вот в пути подкармливается за счёт *фраеров*** . Воровские и бандитские статьи не только не угнетают блатного, но он гордится ими — и в этой гордости его поддерживают все начальники в голубых погонах или с голубыми окаёмками: «Ничего, хотя ты бандит и убийца, но ты же не изменник родины, ты же *наш* человек, ты справишься». По воровским статьям нет Одиннадцатого пункта — об организации. Организация не запрещена блатарям — отчего же? — пусть она содействует воспитанию чувств коллективизма, так нужных человеку нашего общества. И отбор оружия у них — это игра, за оружие их не наказывают — уважают их *закон* («им иначе нельзя»). И новое камерное убийство не удлинит срока убийцы, а только украсит его лаврами.

(Это всё уходит очень глубоко. У Маркса люмпен-пролетариат осуждался разве только за некоторую невыдержанность, непостоянство настроения. А Сталин всегда тяготел к блатарям — кто ж ему грабил банки? Ещё в 1901 году со товарищами по партии и тюрьме он был обвинён в использовании уголовников против политических противников. С 20-х годов родился и услужливый термин: *социально-близкие*. В этой плоскости и Макаренко: *этих* можно исправить. По Макаренко, исток преступлений — только «контрреволюционное подполье». Нельзя исправить *тех* — инженеров, священников, обывателей, меньшевиков.)

Отчего ж не воровать, коли некому унять? Трое-четверо дружных и наглых блатарей владеют несколькими десятками запуганных придавленных лжеполитических.

С одобрения начальства. На основе Передовой Теории.

Но если не кулачный отпор — то отчего жертвы не жалуются? Ведь каждый звук слышен в коридоре, и вот он, медленно прохаживается за решётку, конвойный солдат.

Да, это вопрос. Каждый звук и жалобное хрипение слышны, а конвоир всё прохаживается — почему ж не вмешается он сам? В метре от него, в полутёмной пещере купе грабят человека — почему ж не заступится воин государственной охраны?

А вот по тому самому. Ему внушено тоже.

И — больше: после многолетнего благоприятствия конвой и сам склонился к ворам. Конвой и *сам стал вор*.

С середины 30-х годов и до середины 40-х, в это десятилетие величайшего разгула блатарей и низжайшего угнетения политических, — никто не припомнит случая, чтобы конвой прекратил грабёж политического в камере, в вагоне, в воронке. Но расскажут вам множество случаев, как конвой принял от воров награбленные вещи и взамен принёс им водки, еды (послаще пайковой), курева. Эти примеры уже стали хрестоматийными.

* В.И. Иванов (ныне в Ухте) девять раз получал 162-ю (воровство), пять раз 82-ю (побег), всего 37 лет заключения — и «отбыл» их за пять-шесть лет.

** Фраер — это не вор, то есть не «Человек» (с большой буквы). Ну, попросту: фраера — это остальное, не воровское человечество.

У конвойного сержанта ведь тоже ничего нет: оружие, скатка, котелок, солдатский паёк. Жестоко было бы требовать от него, чтоб он конвоировал врага народа в дорогой шубе, или в хромовых сапогах или с *кёшером* (мешком) городских богатых вещей — и примирился бы с этим неравенством. Да ведь отнять эту роскошь — тоже форма классовой борьбы? А какие ещё тут есть нормы?

В 1945–46 годах, когда заключённые тянулись не откуда-нибудь, а из Европы и невиданные европейские вещи были надеты на них и лежали в их мешках, — не выдерживали и конвойные офицеры. Служебная судьба, оберегшая их от фронта, в конце войны оберегла их и от сбора трофеев — разве это было справедливо?

Так не случайно уже, не по спешке, не по нехватке места, а из собственной корысти — смешивал конвой блатных и политических в каждом купе своего вагон-зака. И блатари не подводили: вещи сдирались с *бобров** и поступали в чемоданы конвоя.

Но как быть, если «бобры» в вагон загружены и поезд уже идёт, а воров — нет и нет, ну просто не подсаживают, сегодня их не этапирует ни одна станция? Несколько случаев известно и таких.

В 1947 году из Москвы во Владимир для отбывания сроков во Владимирском центре везли группу иностранцев, у них были богатые вещи, это показывало первое раскрытие чемодана. Тогда конвой *сам* начал в вагоне систематический отбор вещей. Чтобы ничего не пропустить, заключённых раздевали *догола* и сажали на пол вагона близ уборной, а тем временем просматривали и отбирали вещи. Но не учёл конвой, что везёт их не в лагерь, а в серьёзную тюрьму. По прибытии туда И.А. Корнеев подал письменную жалобу, всё описав. Нашли тот конвой, обыскали самих. Часть вещей ещё нашлась и вернули её, невозвращённое владельцам оплатили. Говорили, что конвою дали по 10 и 15 лет. Впрочем, это проверить нельзя, да и статья воровская, не должны засидеться.

Однако это случай исключительный, и, умерь свою жадность вовремя, начальник конвоя понял бы, что здесь лучше не связываться. А вот случай попроще, и тем подаёт он надежду, что не один такой был. В вагон-заке Москва–Новосибирск в августе 1945 года (в нём этапировался А. Сузи) тоже не случилось воров. А путь предстоял долгий, поезда тянулись тогда. Не торопясь, начальник конвоя объявил в удобное время обыск — поодиночке, с вещами в коридоре. Вызываемых раздевали по тюремным правилам, но не в этом таился смысл обыска, потому что обысканные возвращались в свою же набитую камеру и любой нож и любое запретное можно было потом из рук в руки передавать. Истинный обыск был в пересмотре всех личных вещей — надетых и из мешков. Здесь, у мешков, не скучая весь долгий обыск, простоял с надменным неприступным видом начальник конвоя, офицер, и его помощник, сержант. Грешная жажда просилась наружу, но офицер замыкал её притворным безразличием. Это было положение старого блударя, который рассматривает девочек, но стесняется посторонних, да и самих девочек тоже, не знает, как подступиться. Как ему нужны были несколько воров! Но воров в этапе не было.

В этапе не было воров, но были такие, кого уже коснулось и заразило воровское дыхание тюрьмы. Ведь пример воров поучителен и вызывает подражание: он показывает, что есть лёгкий путь жить в тюрьме. В одном

* *Бобры* — богатые эски с «барахло» и *бациллами*, то есть с жирами.

из купе ехали два недавних офицера — Санин (моряк) и Мережков. Они были оба по 58-й, но уже перестраивались. Санин при поддержке Мережкова объявил себя старостой купе и попросился через конвоира на приём к начальнику конвоя (он разгадал эту надменность, её нужду в своднике!). Небывалый случай, но Санина вызвали, и где-то там состоялась беседа. Следуя примеру Санина, попросился кто-то из другого купе. Был принят и тот.

А наутро хлеба выдали не 550 граммов, как был в то время этапный паёк, а — 250.

Пайки роздали, начался тихий ропот. Ропот, — но, боясь «коллективных действий», эти политические не выступали. Нашёлся только один, кто громко спросил у раздатчика:

— Гражданин начальник! А сколько эта пайка весит?

— Сколько положено! — ответили ему.

— Требую перевески, иначе не возьму! — громко заявил отчаянный.

Весь вагон затаился. Многие не начинали паёк, ожидая, что перевесят и им. И тут-то пришёл во всей своей непорочности офицер. Все молчали, и тем тяжелее, тем неотвратимее придавили его слова:

— Кто тут выступил против советской власти?

Обмерли сердца. (Возражат, что это — общий приём, что это и на воле любой начальник заявляет себя советской властью и пойдти с ним поспорь. Но для пуганых, для только что осуждённых за антисоветскую деятельность — страшней.)

— Кто тут поднял *мятеж* из-за пайки? — настаивал офицер.

— Гражданин лейтенант, я хотел только... — уже оправдывался во всём виноватый бунтарь.

— Ах, это ты, сволочь? Это тебе не нравится советская власть?

(И зачем бунтовать? зачем спорить? Разве не легче съест эту маленькую пайку, перетерпеть, промолчать?.. А вот теперь встрял...)

— ...Пададь вонючая! Контра! Тебя самого повесить — а ты ещё пайку вешать?! Тебя, гада, советская власть поит-кормит — и ты ещё недоволен? Знаешь, что за это будет?..

Команда конвою: «Заберите его!» Гремит замок. «Выходи, руки назад!» Несчастливого уведат.

— Ещё кто недоволен? Ещё кому перевесить?

(Как будто что-то можно доказать! Как будто где-то пожалуешься, что было двести пятьдесят, и тебе поверят, а лейтенанту не поверят, что было точно пятьсот пятьдесят.)

Битому псу только плеть покажи. Все остальные оказались довольны, и так утвердилась штрафная пайка *на все дни* долгого путешествия. И сахара тоже не стали давать — его брал конвой.

(Это было в лето двух великих Побед — над Германией и над Японией, побед, которые извеличат историю нашего Отечества, и внуки и правнуки будут их изучать.)

Проголодали день, проголодали два, несколько поумнели, и Санин сказал своему купе: «Вот что, ребята, так пропадём. Давайте, у кого есть хорошие вещи, — я выменяю, принесу вам пожрать». Он с большой уверенностью одни вещи брал, другие отклонял (не все соглашались и давать — так никто ж их и не вынуждал!). Потом попросился на выход вместе с Мережковым, странно — конвой их выпустил. Они ушли с вещами

в сторону купе конвоя и вернулись с нарезанными буханками хлеба и с махоркой. Это были те самые буханки — из семи килограммов, недодаваемых на купе в день, только теперь они назначались не всем поровну, а лишь тем, кто дал вещи.

И это было вполне справедливо: ведь все же признали, что они довольны и уменьшенной пайкой. И справедливо было потому, что вещи чего-то стоят, за них надо же платить. И в дальнейшем загляде тоже справедливо: ведь это слишком хорошие вещи для лагеря, они всё равно обречены там быть отняты или украдены.

А махорка была — конвоя. Солдаты делились с заключёнными своею кровной махорой — но и это было справедливо, потому что они тоже ели хлеб заключённых и пили их сахар, слишком хороший для врагов. И наконец, справедливо было то, что Санин и Мережков, не дав вещей, взяли себе больше, чем хозяева вещей, — потому что без них бы это всё и не устроилось.

И так сидели, сжатые в полутьме, и одни жевали краюхи хлеба, принадлежавшие соседям, а те смотрели на них. Прикуривать же конвой не давал поодиночке, а в два часа раз — и весь вагон заволакивался дымом, как будто что горело. Те, кто сперва с вещичками жались, — теперь жалели, что не дали Санину, и просили взять у них, но Санин сказал: потом.

Эта операция не прошла бы так хорошо и так до конца, если б то не были затяжные поезда послевоенных лет, когда вагон-заки и перецепляли, и на станциях держали, — так зато без после войны и вещичек бы тех не было, за которыми гоняться. До Куйбышева ехали неделю — и всю неделю от государства давали только двести пятьдесят граммов хлеба (впрочем, двойную блокадную норму), сушёную воблу и воду. Остальной хлеб нужно было выкупить за свои вещи. Скоро предложение превысило спрос, и конвой уже очень неохотно брал вещи, перебирал.

На Куйбышевскую пересылку их свозили, помыли, вернули в том же составе в тот же вагон. Конвой принял их новый, — но по эстафете ему было, очевидно, объяснено, как добывать вещи, — и тот же порядок покупки собственной пайки возобновился до Новосибирска. (Легко представить, что этот заразительный опыт в конвойных дивизионах переимчиво распространялся.)

Когда в Новосибирске их высадили на землю между путями и какой-то ещё новый офицер пришёл, спросил: «Есть жалобы на конвой?» — все растерялись, и никто ему не ответил.

Правильно рассчитал тот первый начальник конвоя.

* * *

Ещё отличаются пассажиры вагон-зака от пассажиров остального поезда тем, что не знают, куда идёт поезд и на какой станции им сойти: ведь билетов у них нет и маршрутных табличек на вагонах они не читают. В Москве их иногда посадят в такой дали от перрона, что даже и москвичи не сообразят: какой же это из восьми вокзалов. Несколько часов в смраде и стиснутости сидят арестанты и ждут маневрового паровоза. Вот он придёт, отведёт вагон-зак к уже сформированному составу. Если лето, то донесутся станционные динамики: «Москва—Уфа отходит с третьего пути... С первой платформы продолжается посадка на Москва—Ташкент...» Значит, вокзал — Казанский, и знатоки географии Архипелага и

путей его теперь объясняют товарищам: Воркута, Печора — отпадают, они — с Ярославского; отпадают Кировские, горьковские лагеря.

Так попадают плевелы в жатву славы. Но — плевелы ли? Ведь нет же лагерей пушкинских, гоголевских, толстовских — а горьковские есть, да какое гнездо! А ещё отдельно каторжный прииск «имени Максима Горького» (40 км от Эльгена)! Да, Алексей Максимыч... «вашим, товарищ, сердцем и именем»... Если враг не сдаётся... Скажешь лихое словечко, глядь — а ты ведь уже не в литературе...

В Белоруссию, на Украину, на Кавказ — из Москвы и не возят никогда, там своих девать некуда. Слушаем дальше. Уфимский отправили — наш не дрогнул. Ташкентский отошёл — стоим. «До отправления поезда Москва—Новосибирск... Просьба к провожающим... билеты отъезжающих»... Тронули. Наш! А что это доказывает? Пока ничего. И Среднее Поволжье наше, и наш Южный Урал. Наш Казахстан с джезказганскими медными рудниками. Наш и Тайшет со шпалопропиточным заводом (где, говорят, креозот просачивается сквозь кожу, в кости, парами его насыщаются лёгкие — и это смерть). Вся Сибирь ещё наша до Совгавани. И наша — Колыма. И Норильск — тоже наш.

Если же зима — вагон задрален, динамитов не слышно. Если конвойная команда верна уставу — от них тоже не услышишь обмолвки о маршруте. Так и тронемся, уснем в переплёте тел, в пристукивании колёс, не узнав — леса или степи увидятся завтра через окно. Через то окно, которое в коридоре. Со средней полки через решётку, коридор, два стекла и ещё решётку видны всё-таки станционные пути и кусочек пространства, бегущего мимо поезда. Если стёкла не обмёрзли, иногда можно прочесть и название станции — какое-нибудь Авсютино или Ундол. Где такие станции?.. Никто не знает в купе. Иногда по солнцу можно понять: на север вас везут или на восток. А то в каком-нибудь Туфанове втолкнут в ваше купе обшарпанного бытовичка, и он расскажет, что везут его в Данилов на суд, и боится он, не дали б ему годика два. Так вы узнаете, что ехали ночью через Ярославль и, значит, первая пересылка на пути — Вологодская. И обязательно найдутся в купе знатоки, кто мрачно просмакует знаменитую присказку: «вОлОгОдский кОнвОй шутить не любит!»

Но и узнав направление — ничего вы ещё не узнали: пересылки и пересылки узелками впереди на вашей ниточке, с любой вас могут повернуть в сторону. Ни на Ухту, ни на Инту, ни на Воркуту тебя никак не тянет, — а думаешь, 501-я стройка слаще — железная дорога по тундре, по северу Сибири? Она стоит их всех.

Лет через пять после войны, когда арестантские потоки вошли всё-таки в русла (или в МВД расширили штаты?) — в министерстве разобрались в миллионных ворохах *дел* и стали сопровождать каждого осуждённого запечатанным конвертом его тюремного дела, в прорези которого открыто для конвоя писался маршрут (а больше маршрута им знать не полезно, содержание дел может влиять развращающе). Вот тогда, если вы лежите на средней полке, и сержант остановится как раз около вас, и вы умеете читать вверх ногами, — может быть, вы и словчите прочесть, что кого-то везут в Княж-Погост, а вас — в Каргопольлаг.

Ну, теперь ещё больше волнений! — что это за Каргопольлаг? Кто о нём слышал?.. Какие там *общие*?.. (Бывают общие работы смертные, а бывают и полегче.) Доходиловка, нет?

И как же, как же вы впопыхах отправки не дали знать своим родным, и они всё ещё мнят вас в Сталиногорском лагере под Тулой? Если вы очень нервны и очень находчивы, может быть, удастся вам решить и эту задачу: у кого-то найдётся сантиметровый кусочек карандашного грифеля, у кого-то мятая бумага. Остерегаясь, чтобы не заметил конвойный из коридора (а ногами к проходу ложиться нельзя, только головой), вы, скрючившись и отвернувшись, между толчками вагона пишете родным, что вас внезапно взяли со старого места и теперь везут, что с нового места, может, будет только одно письмо в год, пусть приготовятся. Сложенное треугольником письмо надо нести с собой в уборную наудачу: вдруг да сведут вас туда на подходе к станции или на отходе от неё, вдруг заезжается конвойный в тамбуре, — тогда нажимайте скорее педаль, пусть откроется отверстие спуска нечистот, и, загородивши телом, бросайте письмо в это отверстие! Оно намокнет, испачкается, но может проскочить и упасть между рельсами. Или даже выскочит сухое, межколёсный ветер закружит его, оно взвихрится, попадёт под колёса или минует их и отлого спустится на откос полотна. Может быть, так и лежать ему тут до дождей, до снега, до гибели, может быть, рука человека поднимет его. И если этот человек окажется не *идейный* — то подправит адрес, буквы наведёт или вложит в другой конверт — и письмо, ещё смотри, дойдёт. Иногда такие письма доходят — доплатные, стёршиеся, размытые, измятые, но с чётким всплеском горя...

* * *

А ещё лучше — переставайте вы поскорее быть этим самым *фраером* — смешным новичком, добычей и жертвой. Девяносто пять из ста, что письмо ваше не дойдёт. Но и дойдя, не внесёт оно радости в дом. И что за дыхание — по часам и суткам, когда вступили вы в страну эпоса? Приход и уход разделяются здесь десятилетиями, четвертью века. Вы никогда не вернётесь в прежний мир! Чем скорее вы отвыкнете от своих домашних и домашние отвыкнут от вас — тем лучше. Тем легче.

И как можно меньше имейте вещей, чтобы не дрожать за них! Не имейте чемодана, чтобы конвой не сломал его у входа в вагон (а когда в купе по двадцать пять человек — что б вы придумали на их месте другое?). И не имейте новых сапог, и не имейте модных полуботинок, и шерстяного костюма не имейте: в вагон-заке, в воронке ли, на приёме в пересыльную тюрьму — всё равно украдут, отберут, отметут, обменяют. Отдадите без боя — будет унижение травить ваше сердце. Отнимут с боем — за своё же добро останетесь с кровоточащим ртом. Отвратительны вам эти наглые морды, эти глумные ухватки, это отребье двуногих — но, имея собственность и трясясь за неё, не теряете ли вы редкую возможность наблюдать и понять? А вы думаете, флибустьеры, пираты, великие капитаны, расцветенные Киплинг и Гумилёвым, — не эти ли самые они были блатные? Вот этого сорта и были... Прельстительные в романтических картинах — отчего же они отвратны вам здесь?

Поймите и их. Тюрьма для них — *дом родной*. Как ни приласкивает их власть, как ни смягчает им наказания, как ни амнистирует — внутренний рок приводит их снова и снова сюда... Не им ли и первое слово в законодательстве Архипелага? Одно время у нас и на воле право собствен-

ности так успешно изгонялось (потом изгонщикам самим понравилось *иметь*) — почему ж должно оно терпеться в тюрьме? Ты зазевался, ты вовремя не съел своего сала, не поделился с друзьями сахаром и табаком — теперь блатные ворошат твой *сидор*, чтоб исправить твою моральную ошибку. Дав тебе *на сменку* жалкие отопки вместо твоих фасонных сапог, робу замасленную вместо твоего свитера, они ненадолго взяли эти вещи и себе: сапоги твои — повод пять раз проиграть их и выиграть в карты, а свитер завтра *толкнут* за литр водки и за круг колбасы. Через сутки и у них ничего не будет, как и у тебя. Это — второе начало термодинамики: уровни должны сглаживаться...

Не имейте! Ничего не имейте! — учили нас Будда и Христос, стоики, циники. Почему же никак не вонмем мы, жадные, этой простой проповеди? Не поймём, что имуществом губим душу свою?

Ну разве селёдка пусть греется в твоём кармане до пересылки, чтобы здесь не кланчить тебе попить. А хлеб и сахар выдали на два дня сразу — съешь их в один приём. Тогда никто не украдёт их. И забот нет. И будь как птица небесная!

То имей, что можно всегда пронести с собой: знай языки, знай страны, знай людей. Пусть будет путевым мешком твоим — твоя память. Запоминай! запоминай! Только эти горькие семена, может быть, когда-нибудь и тронутся в рост.

Оглянись — вокруг тебя люди. Может быть, одного из них ты будешь всю жизнь потом вспоминать и локти кусать, что не расспросил. И меньше говори — больше услышишь. Тянутся с острова на остров Архипелага тонкие пряди человеческих жизней. Они вьются, касаются друг друга одну ночь вот в таком стучащем полутёмном вагоне, потом опять расходятся навеки — а ты ухо приклони к их тихому жужжанию и к ровному стуку под вагоном. Ведь это постукивает — веретено жизни.

Каких только диковинных историй ты здесь не услышишь, чему не посмеёшься!

Вот этот французик подвижной около решётки — что он всё крутится? чему удивляется? чего до сих пор не понимает? Разъяснить ему! А между тем и расспросить: как попал? Нашёлся кто-то с французским языком, и мы узнаём: Макс Сантер, французский солдат. Вот такой же вострый и любопытный был он и на воле, в своей *douce France*. Говорили ему по-хорошему — не крутись, а он всё околачивался около пересыльного пункта для русских репатрируемых. Тогда угостили его советские выпить, и с некоторого момента он ничего не помнит. Очнулся уже в самолёте, на полу. Увидел себя — в красноармейской гимнастёрке и брюках, а над собой сапоги конвоира. Теперь ему объявили 10 лет лагерей, но это же, конечно, злая шутка, это разъяснится?.. О да, разъяснится, голубчик, жди! (Ему предстоит ещё лагерная судимость, 25 лет, и из Озёрлага он освободится только в 1957.) Ну, да такими случаями в 1945–46 годах не удивишь.

То сюжет был франко-русский, а вот — русско-французский. Да нет, чисто русский, пожалуй, потому что таких колен кто ж, кроме русского, напетляет? Во всякие времена росли у нас люди, которые *не вмещались*, как Меншиков у Сурикова в берёзовскую избу. Вот Иван Коверченко — и поджар, и роста среднего, а всё равно — не вмещается. А потому что де-тинка был кровь с молоком, да подбавил чёрт горилки. Он охотно расска-

зывает о себе, и со смехом. Такие рассказы — клад, их — слушать. Правда, долго не можешь угадать: за что ж его арестуют и почему он — политический. Но из «политического» не надо себе лакировать фестивального значка. Не всё ль равно, какими граблями захватили?

Как все хорошо знают, к химической войне подкрадывались немцы, а не мы. Поэтому, при откате с Кубани, очень было неприятно, что из-за каких-то растяп в боепитании мы оставили на одном аэродроме штабели химических бомб — и немцы могли на этом разыграть международный скандал. Тогда-то старшему лейтенанту Коверченко, родом из Краснодара, дали двадцать человек парашютистов и сбросили в тыл к немцам, чтоб он все эти многовредные бомбы закопал в землю. (Уже догадались слушатели и зевают: дальше он попал в плен, теперь — изменник родины. А ни хрёньшка подобного!) Коверченко задание выполнил превосходно, со всей двадцаткой без потерь пересек фронт назад и представлен был к Герою Советского Союза.

Но ведь представление ходит месяц и два, — а если ты в этого Героя тоже не помещаешься? «Героя» дают тихим мальчикам, отличникам боевой и политической подготовки, — а у тебя если душа горит, выпить хоч-ца, а — нечего? Да если ты Герой всего Союза — что ж они, гады, скупятся тебе литр водки добавить? И Иван Коверченко сел на лошадь и, по правде, ничего о Калигуле не зная, въехал на лошади на второй этаж к городскому военкому чи коменданту: водки, мол, выпиши! (Он смекнул, что так будет попредставительней, как бы больше подобать Герою, и отказать трудней.) За это и посадили? — Нет, что вы! За это был снижен с Героя до Красного Знамени.

Очень Коверченко нуждался выпить, а не всегда бывало, и приходилось кумекать. В Польше помешал он немцам взорвать один мост — и почувствовал этот мост как бы своим, и пока, до подхода нашей комендатуры, положил с поляков плату за проход и проезд по мосту: ведь без меня у вас его б уже не было, заразы! Сутки он эту плату собирал (на водку), надоело, да и не торчать же тут, — и предложил капитан Коверченко окружным полякам справедливое решение: мост этот у него *купить*. (За это и сел? — Не-ет.) Не много он и просил, но поляки жались, не собрались. Бросил пан капитан мост, чёрт с вами, ходите бесплатно.

В 1949 году он был в Полоцке начальником штаба парашютного полка. Очень не любил майора Коверченко политотдел дивизии за то, что на политвоспитание он *клат*. Раз попросил он характеристику для поступления в Академию, но когда дали — заглянул и швырнул им на стол: «С такой характеристикой мне не в Академию, а к бандеровцам идти!» (За это?.. — За это вполне могли десятку сунуть, но обошлось.) Тут ещё примкнуло, что он одного солдата незаконно в отпуск уволил. И что сам в пьяном виде гнал грузовую машину и разбил. И дали ему десять... суток *губы* (гауптвахты). Впрочем, охраняли его свои же солдаты, они его любили беззаветно и отпускали с «губы» гулять в деревню. И так и быть, стерпел бы он эту «губу», но стал ему политотдел ещё грозить судом! Вот эта угроза потрясла и оскорбила Коверченко: значит, бомбы хоронить — Иван лети? а за поганую полуторку — в тюрьму? Ночью он вылез в окно, ушёл на Двину, там знал спрятанную полуторку своего приятеля и угнал её.

Оказался он не пьянчужка с короткой памятью: теперь за всё, что политотдел ему причинял, он хотел мстить: и в Литве бросил лодку, пошёл к литовцам просить: «братцы, отведите к партизанам! примите, не пожалее, мы им накрутим!» Но литовцы решили, что он подослан.

Был у Ивана зашит аккредитив. Он взял билет на Кубань, однако, подъезжая к Москве, уже сильно напился в ресторане. Поэтому, из вокзала выйдя, прищурился на Москву и велел таксёру: «Вези-ка меня в посольство!» — «В какое?» — «Да хрен с ним, в любое». И шофёр привёз. «Эт какое ж?» — «Французское». — «Ладно».

Может быть, его мысль сбивалась и намерения к посольству у него сперва были одни, а теперь стали другие, но ловкость и сила его ничуть не охлели: он не напугал приворотного милиционера, тихонько обошёл в переулок и взмахнул на гладкий двухростовый забор. Во дворе посольства пошло легче: никто его не обнаружил и не задержал, он прошёл внутрь, миновал комнату, другую и увидел накрытый стол. Многое было на столе, но больше всего его поразили груши, соскучился он по ним, напихал теперь все карманы кителя и брюк. Тут вошли хозяева ужинать. «Эй вы, французы! — стал на них первый наседать и кричать Коверченко. Подступило ему, что Франция ничего хорошего за последние сто лет не совершила. — Вы почему ж революции не делаете? Вы что ж де Голля к власти тянете? А мы вас — кубанской пшеничкой снабжай? Не-вый-дет!!» — «Кто вы? Откуда?» — изумились французы. Сразу беря верный тон, Коверченко нашёлся: «Майор МГБ». Французы встревожились: «Но всё равно вы не должны врываться. Вы — по какому делу?» — «Да я вас в рот ... !!» — объявил им Коверченко уже напрямик, от души. И ещё немного перед ними помолодцевал, да заметил, что из соседней комнаты уже звонят о нём по телефону. И хватил у него трезвости начать отступление, но — груши стали у него выпадать из карманов! — и позорный смех преследовал его...

А впрочем, стало у него сил не только уйти из посольства целым, но и куда-то дальше. На другое утро проснулся он на Киевском вокзале (не в Западную ли Украину ехать собрался?) — и тут вскоре его взяли.

На следствии бил его сам Абакумов, рубцы на спине вздулись толщиной в руку. Министр бил его, разумеется, не за груши и не за справедливый упрёк французам, а добивался: кем и когда завербован. И срок ему вкатили двадцать пять.

Много таких рассказов, но, как и всякий вагон, арестантский затихает в ночи. Ночью не будет ни рыбы, ни воды, ни оправки.

И тогда, как всякий иной вагон, его наполняет ровный колёсный шум, ничуть не мешающий тишине. И тогда, если ещё и конвойный ушёл из коридора, можно из третьего мужского купе тихо поговорить с четвёртым женским.

Разговор с женщиной в тюрьме — он совсем особенный. В нём благодарное что-то, даже если говоришь о статьях и сроках.

Один такой разговор шёл целую ночь, и вот при каких обстоятельствах. Это было в июле 1950 года. На женское купе не набралось пассажиров, была всего одна молодая девушка, дочь московского врача, посаженная по 58-10. А в мужских занялся шум: стал конвой сгонять всех эзков из трёх

купе в два (уж по сколько там сгрудили — не спрашивай). И ввели какого-то преступника, совсем не похожего на арестанта. Он был прежде всего не стрижен — и волнистые светло-жёлтые волосы, истые кудри, вызывающе лежали на его породистой большой голове. Он был молод, осанист, в военном английском костюме. Его провели по коридору с оттенком почтения (конвой сам оробел перед инструкцией, написанной на конверте его дела), — и девушка успела это всё рассмотреть. А он её не видел (и как же потом жалел!).

По шуму и суетоке она поняла, что для него освобождено особое купе — рядом с ней. Ясно, что он ни с кем не должен был общаться. Тем более ей захотелось с ним поговорить. Из купе в купе увидеть друг друга в вагон-заке невозможно, а слышать при тишине можно. Поздно вечером, когда стало стихать, девушка села на край своей скамьи перед самой решёткой и тихо позвала его (а может быть, сперва напела тихо. За всё это конвой должен был бы её наказать, но конвой уgomонился, в коридоре не было никого). Незнакомец услышал и, наученный ею, сел так же. Они сидели теперь спинами друг к другу, выдавливая одну и ту же трёхсантиметровую доску, а говорили через решётку, тихо, в огиб этой доски. Они были так близки головами и губами, как будто целовались, а не могли не только коснуться друг друга, но даже посмотреть.

Эрик Арвид Андерсен понимал по-русски уже вполне сносно, говорил же со многими ошибками, но в конце концов мысль передавал. Он рассказал девушке свою удивительную историю (мы ещё услышим её на пересылке), она же ему — простенькую историю московской студентки, получившей 58-10. Но Арвид был захвачен, он расспрашивал её о советской молодёжи, о советской жизни — и узнавал совсем не то, что знал раньше из левых западных газет и из своего официального визита сюда.

Они проговорили всю ночь — и всё в эту ночь сошлось для Арвида: необычный арестантский вагон в чужой стране; и напевное ночное постукивание поезда, всегда находящее в нашем сердце отзыв; и мелодичный голос, шёпот, дыхание девушки у его уха — у самого уха, а он не мог на неё даже взглянуть! (И женского голоса он уже полтора года вообще не слышал.)

И слитно с этой невидимой (и наверно, и конечно, и обязательно прекрасной) девушкой он впервые стал разглядывать Россию, и голос России всю ночь ему рассказывал правду. Можно и так узнать страну в первый раз... (Утром ещё предстояло ему увидеть через окно её тёмные соломенные кровли — под печальный шёпот затаённого экскурсовода.)

Ведь это всё Россия; и арестанты на рельсах, отказавшиеся от жалоб; и девушка за стеной сталинского купе; и ушедший спать конвой; груши, выпавшие из кармана, закопанные бомбы и конь, взведенный на второй этаж.

* * *

— Жандармы! жандармы! — обрадованно кричали арестанты. Они радовались, что дальше их будут сопровождать обходительные жандармы, а не конвой.

Опять я кавычки забыл поставить. Это рассказывает сам Короленко*. Мы, правда, голубым фуражкам не радовались. Но кому не обрадуешься, если в вагон-заке попадётся под маятник.

* В.Г. Короленко. История моего современника // Собр. соч.: В 10 т. Т. 7. М.: ГИХЛ, 1955, с. 166.

Обычному пассажиру на промежуточной маленькой станции лихо — сесть, а сойти — отчего же? — скидывай вещи и прыгай. Не то с арестантом. Если местная тюремная охрана или милиция не придут за ним или опоздаю на две минуты, — тью-тью! — поезд тронется, и теперь везут этого грешного арестанта — до следующей пересылки. И хорошо, если до пересылки — там тебя опять кормить начнут. А то — до конца вагонного маршрута, там в пустом вагоне продержат часиков восемнадцать да везут назад с новым набором, и опять, может быть, не выйдут за тобой — и опять в тупик, и опять сидеть, и всё это время ведь *не кормят!* Ведь на тебя выписали до первого взятия, бухгалтерия не виновата, что тюрьма проворонила, ты ведь числишься уже за Тулуном. И конвой своими хлебами тебя кормить не обязан. И качают тебя *шесть раз* (бывало!): Иркутск — Красноярск, Красноярск — Иркутск, Иркутск — Красноярск, так увидишь на перроне Тулуна картуз голубой — готов на шею броситься: спасибо, родненький, что выручил!

В вагон-заке и за двое суток так изморишься, задохнешься, изомлешь, что перед большим городом сам не знаешь: то ли б ещё помучиться, да скорей доехать, то ль отпустили б размяться маленько, на пересылку.

Но вот завозился конвой, забегал. Выходят в шинелях, стучат прикладами. Значит, выгружают весь вагон.

Сперва конвой станет кру́гом у вагонных ступенек, и, едва ты с них скатишься, свалишься, сорвёшься, — конвоиры дружно и оглушительно кричат тебе со всех сторон (так учены): «Садись! Садись! Садись!» Это очень действует, когда в несколько глоток и не дают тебе поднять глаз. Как под разрывами снарядов, ты невольно корчишься, спешишь (а куда тебе спешить?), жмёшься к земле и садишься, догнав тех, кто слез раньше.

«Садись!» — очень ясная команда, но если ты арестант начинающий, ты её ещё не понимаешь. В Иванове на запасных путях я по команде этой с чемоданом в обнимку (если чемодан сработан не в лагере, а на воле, у него всегда рвётся ручка, и всегда в крутую минуту) перебежал, поставил его на землю долгой стороной и, не углядев, как сидели передние, сел на чемодан — не мог же я в офицерской шинели, ещё не такой уж грязной, ещё с необрезанными полами, сесть прямо на шпалы, на тёмный промазанный песок! Начальник конвоя — румяная ряжка, добротное русское лицо, разбежался — я не успел понять, что́ он? к чему? — и хотел, видно, святым сапогом в окаянную спину, но что-то удержало — не пожалел своего наблещенного носка, стукнул в чемодан и проломил крышку. «Са-дись!» — пояснил он. И только тут меня озарило, что как башня я возвышаюсь среди окружающих эзков, — и, ещё не успев спросить: «А как же сидеть?» — я уже понял как и берегомой своей шинелью сел, как все люди, как сидят собаки у ворот, кошки у дверей.

(Этот чемодан у меня сохранился, я и теперь, когда попадётся, провожу пальцами по его рваной дыре. Она ведь не может зажить, как заживает на теле, на сердце. Вещи памятьливее нас.)

И эта посадка — она тоже продумана. Если сидишь на земле задом, так что колени твои возвышаются перед тобой, то центр тяжести — сзади, подняться трудно, а вскочить невозможно. И ещё сажают нас потеснее прижавшись, чтоб друг другу мы больше мешали. Захоти мы все сразу броситься на конвой — пока зашевелится, нас перестреляют прежде.

Сажают ждать воронка (он возит партиями, всех ведь не уберёт) или пешего отгона. Сажать стараются в скрытом месте, чтоб меньше видели вольные, но иногда посадят неловко прямо на перроне или на открытой площадке (в Куйбышеве так). Вот здесь — испытание для вольных: мы-то разглядываем их с полным правом, во все честные глаза, а им на нас как поглядеть? С ненавистью? — совесть не позволяет (ведь только советские писатели и журналисты верят, что люди сидят «за дело»). С сочувствием? с жалостью? — а ну-ка фамилию запишут? И срок оформят, это просто. И гордые свободные наши граждане («читайте, завидуйте, я гражданин») опускают свои виновные головы и стараются вовсе нас не видеть, как будто место пустое. Смелей других старухи: их уже не испортишь, они и в Бога веруют, — и, отломив ломоть хлеба от скудного кирпичика, они бросают нам. Да ещё не боясь бывшие лагерники, бытовики конечно. Лагерники знают: «Кто не был — тот побудет, кто был — тот не забудет» — и, смотришь, кинут пачку папирос, чтоб и им так кинули в их следующий срок. Старушечий хлеб от слабой руки не долетит, упадёт наземь, пачка крутнёт по воздуху под самую нашу гущу, а конвой тут же заклацает затворами — на старуху, на доброту, на хлеб: «Эй, проходи, бабка!»

И хлеб святой, преломленный, остаётся лежать в пыли, пока нас не угонят.

Вообще, эти минуты — сидеть на земле на станции — из наших лучших минут. Помню, в Омске нас посадили так на шпалах, между двумя длинными товарными составами. В этот прогон никто не заходил (наверно, выслали в оба конца по солдату: «Нельзя сюда!» А советский человек и на воле воспитан подчиняться человеку в шинели). Смеркалось. Был август. Станционная масляная галька ещё не успела остыть от дневного солнца и грела нас в сидении. Вокзал был не виден нам, но где-то очень близко за поездками. Оттуда гремела радиола, весёлые пластинки, и слитно гудела толпа. И почему-то не казалось унизительно сидеть сплоченной грязной кучкой на земле в каком-то закутке; не издевательски было слушать танцы чужой молодёжи, которых нам уже никогда не танцевать; представлять, что кто-то кого-то на перроне сейчас встречает, провожает, и может быть, даже с цветами. Это было двадцать минут почти свободы: густел вечер, зажигались первые звёзды, красные и зелёные огни на путях, звучала музыка. Продолжается жизнь без нас — и даже уже не обидно.

Полюби такие минуты — и легче станет тюрьма. А то ведь разорвёт от злости.

Если до воронка перегонять эзков опасно, рядом — дороги и люди, — то вот ещё хорошая команда из конвойного устава: «Взяц-ца под руки!» Ничего в ней нет унизительного — взяться под руки! Старикам и мальчишкам, девушкам и старухам, здоровым и калекам. Если одна твоя рука занята вещами — под эту руку тебя возьмут, а ты берись другою. Теперь вы сжались вдвое плотнее, чем в обычном строю, вы сразу отяжелели, вы все стали хромы, на перевесе от вещей, от неловкости с ними, вас всех качает неверно. Грязные, серые, нелепые существа, вы идёте как слепцы, с кажущейся нежностью друг ко другу — карикатура на человечество!

А воронка, может быть, и вовсе нет. А начальник конвоя, может быть, трус, он боится, что не доведёт, — и вот так, отяжелённые, болтаясь на ходу, стукаясь о вещи, — вы поплетётесь и по городу, до самой тюрьмы.

Есть и ещё команда — карикатура уже на гусей: «Взяться за пятки!» Это значит, у кого руки свободны, — каждой рукой взять себя за ногу около шиколотки. И теперь — «шагом марш!» (Ну-ка, читатель, отложите книгу, пройдите по комнате!.. И как? Скорость какая? Что видели вокруг себя? А как насчёт побега?) Со стороны представляете три-четыре десятка таких гусей? (Киев, 1940.)

На улице не обязательно август, может быть — декабрь 1946, а вас гонят без воронок при сорока градусах мороза на Петропавловскую пересылку. Как легко догадаться, в последние часы перед городом конвой вагон-зака не трудился водить вас на оправку, чтоб не марафты. Ослабевшие от следствия, схваченные морозом, вы теперь почти не можете удержаться, особенно женщины. Ну так что ж! Это лошади надо остановиться и распереться, это собаке надо отойти и поднять ногу у забора. А вы, люди, можете и на ходу, кого нам стесняться в своём отечестве? На пересылке просохнет... Вера Корнеева нагнулась поправить ботинок, отстала на шаг — конвоир тотчас притравил её овчаркой, и овчарка через всю зимнюю одежду укусила её в ягодицу. Не отставай! А узбек упал — и его бьют прикладами и сапогами.

Не беда, это не будет сфотографировано для «Дейли экспресс». И начальника конвоя до его глубокой старости никто никогда не будет судить.

* * *

И воронки тоже пришли из истории. Тюремная карета, описанная Бальзаком, — чем не воронка? Только медленней тащится и не набивают так густо.

Правда, в 20-е годы ещё гоняли арестантов пешими колоннами по городам, даже по Ленинграду, на перекрестках они останавливали движение. («Доворовались?» — корили их с тротуаров. Ещё ж никто не знал великого замысла канализации...)

Но, живой к техническим веяниям, Архипелаг не опоздал перенять *чёрного ворона*, а ласковей — воронка. На ещё булыжные мостовые наших улиц первые воронки вышли с первыми же грузовиками. Они были плохо подрессорены, в них сильно трясло — но и арестанты становились не хрустальные. Зато укупорка уже тогда, в 1927, была хороша: ни единой щёлки, ни электрической лампочки внутри, уже нельзя было ни дохнуть, ни глянуть. И уже тогда набивали коробки воронок стоя до отказа. Это не так чтобы было нарочито задумано, а — колёс не хватало.

Много лет они были серые стальные, откровенно тюремные. Но после войны в столицах спохватились — стали красить их снаружи в радостные тона и писать сверху: «Хлеб» (арестанты и были хлебом строительства), «Мясо» (верней бы написать — «Кости»), а то и «Пейте советское шампанское!»

Внутри воронок может быть просто бронированным кузовом — пустым вагоном. Может иметь скамейки вкруговую вдоль стен. Это — вовсе не удобство, это хуже: втолкают столько же людей, сколько помещается стоймя, но уже друг на друга, как багаж, как тюк на тюк. Могут воронки иметь в задке бокс — узкий стальной шкаф на одного. И могут целиком быть боксированы: по правому и левому борту одиночные шкафики, они запираются, как камеры, а коридор для вертухая.

Такого сложного пчелиного устройства и вообразить нельзя, глядя на хохочущую девицу с бокалом: «Пейте советское шампанское!»

В воронку вас загоняют всё с теми же окриками конвоиров со всех сторон: «Давай! Давай! Быстрой!» — чтоб вам некогда было оглянуться и сообразить побег, вас загоняют совом да пихом, чтобы вы с мешком застряли в узкой дверце, чтоб стукнулись головой о притолоку. Зашёлкивается с усилием стальная задняя дверь — и поехали!

Конечно, в воронке редко возят часами, а — двадцать-тридцать минут. Но и швыряет же, но и костоломка, но и бока же намнёт вам за эти полчаса, но голова вас пригнута, если вы рослый, — вспомнишь, пожалуй, уютный вагон-зак.

А ещё воронок — это новая перетасовка, новые встречи, из которых самые яркие, конечно, — с блатными. Может быть, вам не пришлось быть с ними в одном купе, может быть, и на пересылке вас не сведут в одну камеру, — но здесь вы отданы им.

Иногда так тесно, что даже и уркам несручно бывает *курочить*. Ноги, руки ваши между тел соседей и мешков зажаты как в колодках. Только на ухабах, когда всех перетряхивает, отбивая печёнки, меняет ват и положение рук-ног.

Иногда — попросторнее, урки за полчаса управляют проверить содержимое всех мешков, отобрать себе *бациллы* и лучшее из *барахла*. От драки с ними скорее всего вас удержат трусливые и благоразумные соображения (и вы по крупичам уже начинаете терять свою бессмертную душу, всё полагая, что главные враги и главные дела где-то ещё впереди и надо для них побережться). А может быть, вы размахнётесь разок — и вам между рёбрами всадят нож. (Следствия не будет, а если будет — блатным оно ничем не грозит: только притормозятся на пересылке, не поедут в дальний лагерь. Согласитесь, что в схватке социально-близкого с социально-чуждым не может государство стать за последнего.)

Отставной полковник Лунин, оsovиахимовский чин, рассказывал в бутырской камере в 1946, как при нём в московском воронке, в день 8 марта, за время переезда от городского суда до Таганки, урки в очередь изнасиловали девушку-невесту (при молчаливом бездействии всех остальных в воронке). Эта девушка утром того же дня, одевшись поприятнее, пришла на суд ещё как вольная (её судили за самовольный уход с работы — да и то гнусно подстроенный её начальником, в месть за отказ с ним жить). За полчаса до воронка девушку осудили на 5 лет по Указу, втолкнули в этот воронку, и вот теперь среди бела дня, на московских улицах («Пейте советское шампанское!») обратили в лагерную проститутку. И сказать ли, что учинили это блатные? А не тюремщики? А не тот её начальник?

Блатная нежность! — изнасилованную девушку они тут же и ограбили: сняли с неё парадные туфли, которыми она думала судей поразить, кофточку, перетолкнули конвою, те остановились, сходили водки купили, сюда передали, блатные ещё и выпили за счёт девочки.

Когда приехали в Таганскую тюрьму, девушка надрывалась и жаловалась. Офицер выслушал, зевнул и сказал:

— Государство не может предоставлять вам каждому отдельный транспорт. У нас таких возможностей нет.

Да, воронки — это «узкое место» Архипелага. Если в вагон-заках нет возможности отделить политических от уголовных, то в воронках нет

возможности отделить мужчин от женщин. Как же уркам между двумя тюрьмами не пожить «полной жизнью»?

Ну а если б не урки — то спасибо воронкам за эти короткие встречи с женщинами! Где же в тюремной жизни их увидеть, услышать и прикоснуться к ним, как не здесь?

Как-то раз, в 1950, везли нас из Бутырок на вокзал очень просторно — человек четырнадцать в воронке со скамьями. Все сели, и вдруг последнюю втокнули к нам женщину, одну. Она села у самой задней дверцы, сперва боязливо — с четырнадцатью мужчинами в тёмном ящике, ведь тут защиты никакой. Но с нескольких слов стало ясно, что все здесь свои, Пятьдесят Восьмая.

Она назвалась: Репина, жена полковника, села вслед за ним. И вдруг молчаливый военный, такой молодой, худенький, что быть бы ему лейтенантом, спросил: «Скажите, а вы не сидели с Антониной Ивановой?» — «Как? А вы — ей муж? Олег?» — «Да». — «Подполковник Иванов?.. Из Академии Фрунзе?» — «Да!»

Что это было за «да»! — оно выходило из перехваченного горла, и страха *узнать* в нём было больше, чем радости. Он пересел к ней рядом. Через две маленькие решётки в двух задних дверях проходили расплывчатые сумеречные пятна летнего дня и на ходу воронка пробегали, пробегали по лицу женщины и подполковника. «Я сидела с ней под следствием четыре месяца в одной камере». — «Где она сейчас?» — «Всё это время она жила только вами! Все её страхи были не за себя, а за вас. Сперва — чтоб вас не арестовали. Потом — чтоб осудили вас помягче». — «Но что с ней сейчас?» — «Она винила себя в вашем аресте. Ей так было тяжело!» — «Где она сейчас?!» — «Только не пугайтесь. — Репина уже положила руки ему на грудь, как родному. — Она этого напряжения не выдержала. Её взяли от нас. У неё немножко... смешалось... Вы понимаете?..»

И крохотная эта бурька, охваченная стальными листами, проезжает так мирно в шестирядном движении машин, останавливаясь перед светофорами, показывая повороты.

С этим Олегом Ивановым я только-только что познакомился в Бутырках, и вот как. Соплали нас в вокзальный бокс и принесли из камеры хранения вещи. Подозвали к двери разом его и меня. За раскрытой дверью в коридоре надзирательница в сером халате, разворачивая содержимое его чемодана, вытряхнула оттуда на пол золотой погон подполковника, уцелевший невзвесть как один, и сама не заметила его, наступила ногой на его большие звёзды.

Она попирала его ботинком, как для кинокадра.

Я показал ему: «Обратите внимание, товарищ подполковник!»

Иванов потемнел. У него ведь ещё было понятие — беспорочная служба.

И вот теперь — о жене.

Это всё ему надо было вместить в какой-нибудь один час.

Часть третья

ИСТРЕБИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫЕ

Только эти могут нас понимать, кто
кушал разом с нами с одной чашки.

Из письма гуцулки, бывшей зэчки

То, что должно найти место в этой части, — неоглядно. Чтобы дикий этот смысл простичь и охватить, надо много жизней проволочить в лагерьях — в тех самых, где и один срок нельзя дотянуть без льготы, ибо изобретены лагеря — на истребление.

Оттого: все, кто глубже черпанул, полнее изведал, — те в могиле уже, не расскажут. *Главного* об этих лагерях уже никто никогда не расскажет.

И непосилен для одинокого пера весь объём этой истории и этой истины. Получилась у меня только щель смотровая на Архипелаг, не обзор с башни. Но к счастью, ещё несколько выплыло и выплывет книг. Может быть, в «Колымских рассказах» Шаламова читатель верней ощутит безжалостность духа Архипелага и грань человеческого отчаяния.

Да вкус-то моря можно отведать и от одного хлебка.

Глава 1

ПЕРСТЫ АВРОРЫ

Розовоперстая Эос, так часто упоминаемая у Гомера, а у римлян названная Авророй, обласкала своими перстами и первое раннее утро Архипелага.

Когда наши соотечественники услышали по Би-Би-Си, что М. Михайлов обнаружил, будто концентрационные лагеря существовали в нашей стране уже в 1921 году, то многие из нас (да и на Западе) были поражены: неужели так рано? неужели уже в 1921?

Конечно же нет! Конечно Михайлов ошибся. В 1921 они уже были на полном ходу, концентрационные (они даже *оканчивались* уже). Гораздо вернее будет сказать, что Архипелаг родился под выстрелы «Авроры».

А как же могло быть иначе? Рассудим.

Разве Маркс и Ленин не учили, что старую буржуазную машину принуждения надо сломать, а взамен неё тотчас же создать новую? А в машину принуждения входят: армия (мы же не удивляемся, что в начале 1918 создана Красная армия); полиция (ещё раньше армии обновлена и милиция); суд (с 24 ноября 1917); и — тюрьма. Почему бы, устанавливая диктатуру пролетариата, должны были умедлить с новым видом тюрьмы?

То есть вообще медлить с тюрьмой, старой ли, новой, было никак нельзя. Уже в первые месяцы после Октябрьской революции Ленин требовал «самых решительных драконовских мер поднятия дисциплины»*. А возможны ли драконовские меры — без тюрьмы?

Что нового способно здесь внести пролетарское государство? Ильич нащупывал новые пути. В декабре 1917 он предположительно выдвигает набор наказаний такой: «конфискацию всего имущества... заключение в тюрьму, отправку на фронт и принудительные работы всем ослушникам настоящего закона»**. Стало быть, мы можем отметить, что ведущая идея Архипелага — принудительные работы, была выдвинута в первый же послеоктябрьский месяц.

Да над будущей карательной системой не мог не задумываться Владимир Ильич, ещё мирно сидя с другом Зиновьевым среди пахучих разливских сенокосов, под жужжание шмелей. Ещё тогда он подсчитал и успокоил нас, что «подавление меньшинства эксплуататоров большинством вчерашних наёмных рабов дело настолько, сравнительно, лёгкое, простое и естественное, что оно будет стоить гораздо меньше крови... обойдётся человечеству гораздо дешевле», чем предыдущее подавление меньшинства меньшинством***.

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 36, с. 217.

** Там же. Т. 35, с. 176.

*** Там же. Т. 33, с. 90.

И во сколько же обошлось нам это «сравнительно лёгкое» внутреннее подавление от начала Октябрьской революции? По подсчётам эмигрировавшего профессора статистики И.А. Курганова, от 1917 до 1959 года без военных потерь, только от террористического уничтожения, подавлений, голода, повышенной смертности в лагерях и включая дефицит от пониженной рождаемости, — оно обошлось нам в... 66,7 миллионов человек (без этого дефицита — 55 миллионов).

Шестьдесят шесть миллионов! Пятьдесят пять!

Свой или чужой — кто не онемеет?

Мы, конечно, не ругаемся за цифры профессора Курганова, но не имеем официальных. Как только напечатываются официальные, так специалисты смогут их критически сопоставить. (Уже сейчас появилось несколько исследований с использованием утаённой и раздёрганной советской статистики, — но страшные тьмы погубленных наплывают те же.)

Тут бы интересны ещё такие цифры. Каковы штаты были в *центральной* аппарате страшного III отделения, протянутого ремённой полосой через всю великую русскую литературу? При создании — 16 человек, в расцвете деятельности — 45. Для захолустнейшего ГубЧК — просто смешная цифра. Или: как много политзаключённых застала в царской Тюрем Народов Февральская революция? (Надо помнить, что в «политзаключённые» в прежней России зачислялись также экспроприаторы, налётчики, политические убийцы.) Где-то все эти цифры есть. Вероятно, в одних Крестах таких заключённых было более полусотни, да в Шлиссельбурге 63 человека, да несколько сотен вернулись из сибирской ссылки и каторги (из Александровского централа было освобождено около двухсот), да ещё ведь и в каждой губернской тюрьме сколько их томилось! А интересно — сколько? Вот цифра для Тамбова, взятая из тамошних горячих газет. Февральская революция, распахнувши дверь Тамбовской тюрьмы, нашла там политзаключённых... 7 (семь) человек. В Иркутской гораздо больше — 20. (Излишне напоминать, что от февраля до июля 1917 за политику не сажали, а после июля сидели тоже единицы, и крайне привольно.)

Однако вот беда: первое советское правительство было коалиционным, часть наркоматов пришлось-таки отдать левым эсерам, и в том числе, по несчастью, попал в их руки Наркомат Юстиции. Руководствуясь гнилыми мелкобуржуазными представлениями о свободе, этот НКЮ привёл наказательную систему едва ли не к развалу, приговоры оказались слишком мягкими, и почти не использовали передовой принцип принудработ. В феврале 1918 председатель СНК товарищ Ленин потребовал увеличить число мест заключения и усилить уголовные репрессии*, а в мае, уже переходя к конкретному руководству, он указал**, что за взятку надо давать не ниже 10 лет тюрьмы и *сверх того* 10 лет принудительных работ, то есть всего 20. Такая шкала могла первое время казаться пессимистической, неужели через 20 лет ещё понадобятся принудработы? Но мы знаем, что принудработы оказались очень жизненной мерой и даже через 50 лет они весьма популярны.

Тюремный персонал ещё много месяцев после Октября оставался всюду царский, только назначили комиссаров тюрем. Обнаглевшие тюрем-

* В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 54, с. 391.

** Там же. Т. 50, с. 70.

щики создали свой *профсоюз* («союз тюремных служащих») и установили в тюремной администрации — выборное начало! Не отставали и заключённые: у них тоже было внутреннее самоуправление. (Циркуляр НКЮ от 24.4.1918: заключённых, где только возможно, привлекать к самоконтролю и самонаблюдению.) Такая арестантская вольница («анархическая распушенность»), естественно, не соответствовала задачам диктатуры передового класса и плохо способствовала очистке земли русской от вредных насекомых. (Да чего уж, если не были закрыты тюремные церкви! — и наши, советские, арестанты по воскресеньям охотно туда ходили, хоть бы и для разминки.)

Конечно, и царские тюремщики не вовсе были потеряны для пролетариата, как-никак — это была специальность, для ближайших целей революции важная. А поэтому предстояло «отбирать тех лиц из тюремной администрации, которые не совсем заскоружили и отупели в нравах царской тюрьмы (а что значит «не совсем»? а как это узнаешь? забыли «Боже, царя храни»?) и могут быть использованы для работы по новым заданиям»*. (Например, чётко отвечают «так точно», «никак нет»? или быстро поворачивают ключ в замке?) Конечно, и сами тюремные здания, камеры, решётки и замки хотя по виду и оставались прежними, но это только для поверхностного глаза, на самом же деле они получили *новое классовое содержание*, высокий революционный смысл.

И всё же навек судов до середины 1918 года по инерции приговаривать всё «к тюрьме» да «к тюрьме» замедлял слом старой государственной машины в её тюремной части.

В середине 1918, а именно 6 июля, произошло событие, значение которого не всеми понимается, событие, поверхностно известное как «подавление мятежа левых эсеров». А между тем это был переворот, вряд ли уступающий 25 октября. 25 октября была провозглашена власть Советов Депутатов, оттого и названная *советской* властью. Но первые месяцы эта новая власть ещё сильно замутнялась представительством в ней также и других партий, кроме большевиков. Хотя коалиционное правительство создано было только из большевиков и левых эсеров, однако в составе Всероссийских съездов (II, III, IV) и избранных на них ВЦИКов ещё попадались и представители других социалистических партий — эсеров, социал-демократов, анархистов, народных социалистов. От этого ВЦИКи носили нездоровый характер «социалистических парламентов». Но в течение первых месяцев 1918 года рядом решительных мер (поддержанных левыми эсерами) представители других социалистических партий либо исключались из ВЦИКа (его же решением, своеобразная парламентская процедура), либо не допускались быть в него избранными. Последней инородной партией, ещё составлявшей третью долю парламента (V Съезда Советов), были левые эсеры. Пришло наконец время освободиться и от них. 6 июля 1918 года они были поголовно все исключены из ВЦИКа и СНК. Тем самым власть Советов Депутатов (по традиции называемая советской) перестала противостоять воле партии большевиков и приняла формы Демократии Нового Типа.

* Советская юстиция: Краткий сборник статей к Съезду Советов / Под ред. и с предисл. Д.И. Курского. М.: Гос. изд-во, 1919, с. 20.

Только с этого исторического дня и могла по-настоящему начаться перестройка старой тюремной машины и создание Архипелага*.

А направление этой жёлаемой перестройки было понятно давно. Ведь ещё Маркс в «Критике Готской программы» указал, что единственное средство исправления заключённых — производительный труд. Разумеется, как объяснил гораздо позже Вышинский, «не тот труд, который высушивает ум и сердце человека», но «чародей, который из небытия и ничтожества превращает людей в героев»**. Почему наш заключённый не должен точить ляды в камере или книжечки почитать, а должен трудиться? Да потому что в Республике Советов не может быть места вынужденной праздности, этому «принудительному паразитизму», который мог быть при паразитическом же царском строе, например в Шлиссельбурге. Такое арестантское безделье просто противоречило бы основам трудового строя Советской Республики, зафиксированным в Конституции 10.7.1918: не трудящийся да и не ест. Стало быть, если б заключённые не были привлечены к работе, они по новой Конституции должны были быть лишены пайки.

Центральный Карательный Отдел НКЮ, созданный в мае 1918 (и возглавленный уже большевиками, левые эсеры после Брестского мира вышли из правительства), тотчас погнал тогдашних зэков на работу («начал организовывать производительный труд»). Но законодательно это было объявлено уже после июльского переворота, именно 23 июля 1918 года — во «Временной инструкции о лишении свободы» (она просуществовала всю Гражданскую войну до ноября 1920): «*Лишённые свободы и трудоспособные обязательно привлекаются к физическому труду*».

Можно сказать, что от этой вот Инструкции 23 июля 1918 (через девять месяцев после Октябрьской революции) и пошли лагеря, и родился Архипелаг. (Кто упрекнёт, что роды были преждевременны?)

Необходимость принудительного труда заключённых (и без того, впрочем, всем уже ясная) была ещё пояснена на VII Всероссийском Съезде Советов: «труд — наилучший способ парализовать развращающее влияние... бесконечных разговоров заключённых между собой, в которых более опытные просвещают новичков»***.

Тут вскоре подоспели и коммунистические субботники, и тот же НКЮ призвал: «необходимо приучить [заключённых] к труду коммунистическому, коллективному»****. То есть уже и дух коммунистических субботников перенести в *принудительные* лагеря!

Так эта поспешная эпоха нагородила сразу много задач, разбираться в которых досталось десятилетиям.

Основы «исправтрудполитики» были на VIII съезде РКП(б) (март 1919) включены в новую партийную программу. Полное же организационное

* На суконно-пламенном языке Вышинского: «...единственный в мире имеющий подлинное всемирно-историческое значение процесс создания на развалинах старой, дворянско-полицейской и буржуазной системы тюрем, этих «мёртвых домов», построенных эксплуататорами для трудящихся, — новых учреждений... с новым социальным содержанием». (От тюрем к воспитательным учреждениям / Сб. ст. под общ. ред. А.Я. Вышинского; Институт Уголовной и Исправительно-трудовой Политики при Прокуратуре СССР и НКЮ РСФСР. М.: Советское Законодательство, 1934, с. 5.)

** От тюрем к воспитательным учреждениям, с. 10.

*** Отчёт Народного Комиссариата Юстиции VII Всероссийскому Съезду Советов. [М.]: Типограф. при Московской Таганской Тюрем, [б/г], с. 9.

**** Материалы Народного Комиссариата Юстиции. Вып. 3. М.: Нар. ком. юст., 1918, с. 137.

оформление лагерной сети по Советской России строго совпало с первыми коммунистическими субботниками (12 апреля — 17 мая 1919 года): постановления ВЦИК о лагерях принудительных работ состоялись 15 апреля 1919 и 17 мая 1919^{*}. По ним лагеря принудработ создавались (усилиями ГубЧК) непременно в каждом губернском городе (по удобству — в черте города, или в монастыре, или в близкой усадьбе) и в некоторых уездах (пока — не во всех). Лагеря должны были содержать каждый не менее трёхсот человек (дабы трудом заключённых окупались и охрана, и администрация) и находиться в ведении Губернских Карательных Отделов.

Однако лагеря принудработ всё же не были *первыми* лагерями в РСФСР. Читатель уже несколько раз прочёл в трибунальских приговорах (Часть Первая, глава 8) — «концлагерь» и счёл, быть может, что мы оговорились? что мы неосмотрительно используем более позднюю терминологию? Нет.

В августе 1918 года, за несколько дней до покушения на него Ф. Каплан, Владимир Ильич в телеграмме к Евгению Бош^{**} и Пензенскому губисполкому (они не умели справиться с крестьянским восстанием) написал: «сомнительных (не «виновных», но *сомнительных*. — А.С.) запереть в концентрационный лагерь вне города»^{***}. А кроме того: «...провести беспощадный массовый террор...» (это ещё не было декрета о терроре).

А 5 сентября 1918, дней через десять после этой телеграммы, был издан Декрет СНК о Красном Терроре, подписанный Петровским, Курским и В. Бонч-Бруевичем. Кроме указаний о массовых расстрелах в нём, в частности, говорилось: «обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в *концентрационных лагерях*»^{****}.

Так вот г д е — в письме Ленина, а затем в декрете Совнаркома — был найден и тотчас подхвачен и утверждён этот термин — «концентрационные лагеря», — один из главных терминов Двадцатого века, которому предстояло широкое международное будущее! И вот к о г д а — в августе и сентябре 1918 года. Само-то слово уже употреблялось в Первую Мировую войну, но по отношению к военнопленным, к нежелательным иностранцам. Здесь оно впервые применено к гражданам собственной страны. Перенос значения понятен: концентрационный лагерь для пленных не есть тюрьма, а необходимое предупредительное сосредоточение их. Так и для сомнительных соотечественников предлагались теперь внесудебные предупредительные сосредоточения. Энергичному ленинскому уму, увидев мысленно колючую проволоку вокруг неосуждённых, сподручно было найти и нужное слово — концентрационные!

Впрочем, глава Реввоентрибуналов так и пишет: «Заключение в концентрационные лагеря получает характер изоляции военнопленных»^{*****}. То есть откровенно: по праву захвата, все черты военных действий — только против своего народа.

* Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства, издаваемое Народным Комиссариатом Юстиции. 24 апреля 1919, № 12. Ст. 124: О лагерях принудительных работ; 3 июня 1919, № 20. Ст. 235: Об организации лагерей принудительных работ.

** Этой забытой теперь женщине была вручена тогда (по линии ЦК и ЧК) судьба всей Пензенской губернии.

*** В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 50, с. 143, 144.

**** Собрание узаконений... 1918: Отд. 1. № 65. Ст. 710: О Красном терроре.

***** К.Х. Данишевский. Революционные Военные Трибуналы. М.: Издание Реввоентрибунала Республики, 1920, с. 40. (Под грифом: Секретно.)

И если лагеря принудительных работ НКЮ вошли в класс «общих мест заключения», то концлагеря никак не были «общим местом», но содержались в прямом ведении ЧК для *особо-враждебных элементов* и для *заключённых*. В концлагеря в дальнейшем попадали, правда, и через трибунал; но, само собою, лились не осуждённые, а лишь *по признаку враждебности**. За побег из концлагеря срок увеличивался (тоже без суда) в *десять раз!* (Это ведь звучало тогда: «десять за одного!», «сто за одного!».) Стало быть, если кто имел пять лет, бежал и пойман, то срок его автоматически удлинялся до 1968 года. За второй же побег из концлагеря полагался расстрел (и конечно, применялся аккуратно).

На Украине концентрационные лагеря были созданы с опозданием — только в 1920 году.

Глубоко сидели лагерные корешки, только потеряли мы их места и следы. О большей части первых концлагерей нам уже никто не расскажет. Лишь по последним свидетельствам ещё неумерших тех первых концлагерников можно выхватить что-то и спасти.

Излюбили тогда власти устраивать концлагеря в бывших монастырях: крепкие замкнутые стены, добротные здания и — пустуют (ведь монахи — не люди, их всё равно вышвыривать). Так, в Москве концлагеря были в Андрониковом монастыре, Новоспасском, Ивановском. В петроградской «Красной газете» от 6 сентября 1918 читаем, что первый концентрационный лагерь «будет устроен в Нижнем Новгороде, в пустующем женском монастыре... *В первое время* предположено отправить в Нижний Новгород в концентрационный лагерь 5 тысяч человек» (курсив мой. — А.С.).

В Рязани концлагерь учредили тоже в бывшем женском монастыре (Казанском). Вот что о нём рассказывают. Сидели там купцы, священники, «военнопленные» (так называли взятых офицеров, не служивших в Красной армии). Но и — неопределённая публика (толстовец И. Е-в, о чьём суде мы уже знаем, попал сюда же). При лагере были мастерские — ткацкая, портновская, сапожная и (в 1921 так и называлось уже) — «общие работы», ремонт и строительство в городе. Выпускали под конвоем, но мастеров-одиночек, по роду работы, выпускали бесконвойно, и этих жители подкармливали в домах. Население Рязани очень сочувственно относилось к *лишенникам* («лишённые свободы», а не «заключённые» официально назывались они), проходящей колонне подавали милостыню (сухари, варёную свёклу, картофель) — конвой не мешал принимать подавания, и лишенники делили всё полученное поровну. (Что ни шаг — *не наши* обычаи, не наша идеология.) Особенно удачливые лишенники устраивались по специальности в учреждения (Е-в — на железную дорогу) — и тогда получали пропуск для хождения по городу (а ночевать в лагере).

Кормили в концлагере так (1921): полфунта хлеба (плюс ещё полфунта выполняющим норму), утром и вечером — кипяток, среди дня — черпак баланды (в нём — несколько десятков зёрен и картофельные очистки).

Украшалась лагерная жизнь, с одной стороны, доносами провокаторов (и арестами по доносам), с другой — драматическим и хоровым кружком. Давали концерты для рязанцев в зале бывшего Благородного собрания, духовой оркестр лишенников играл в городском саду. Лишенники всё больше знакомились и сближались с жителями, это оказыва-

* От тюрем к воспитательным учреждениям, с. 27, 28.

лось уже нетерпимо, — и тут-то стали «военнопленных» высылать в Северные Лагерь Особого Назначения.

Урок нестойкости и несуровости концентрационных лагерей в том и состоял, что они находились в окружении гражданской жизни. Оттого-то и понадобились особые северные лагеря. (Концентрационные упразднены после 1922.)

Вся эта лагерная заря достойна того, чтобы лучше взглянуться в её пелливы.

По окончании Гражданской войны созданные Троцким две трудармии из-за ропота задержанных солдат пришлось распустить — и тем роль лагерей принудительного труда в структуре РСФСР естественно усилилась. К концу 1920 в РСФСР было 84 лагеря в 43 губерниях*. Если верить официальной (хотя и засекреченной) статистике, там содержалось в это время 25 336 человек и, кроме того, ещё 24 400 «военнопленных гражданской войны»**. Обе цифры, особенно последняя, кажутся сильно преуменьшенными. Однако, если учесть, что сюда не входят заключённые в системе ЧК, где *разгрузками тюрем*, потоплениями барж и другими видами массовых уничтожений счёт много раз начинался с нуля и снова с нуля, — может быть, эти цифры и верны. В дальнейшем они наверстались.

Ранние лагеря принудительных работ представляются нам сейчас какой-то неосознанностью. Люди, которые в них сидели, как будто ничего никому не рассказали — свидетельств нет. Художественная литература, мемуары, говоря о военном коммунизме, упоминают расстрелы и тюрьмы, но ничего не пишут о лагерях. Нигде даже между строчками, нигде за текстом они не подразумеваются. Где были эти лагеря? Как назывались?.. Как выглядели?..

Инструкция от 23 июля 1918 имела тот решительный (всеми юристами отмечаемый) недостаток, что в ней ничего не было сказано о классовой дифференциации заключённых, то есть что одних заключённых надо содержать лучше, а других хуже. Но в ней был расписан порядок труда — и только поэтому мы можем кое-что себе представить. Рабочий день был установлен — 8 часов. Сгоряча, по новинке, решено было за всякий труд заключённых, кроме хозработ по лагерю, платить... (чудовишно, перо не может вывести) ... 100% по расценкам соответствующих профсоюзов. (По Конституции заставляли работать, но и платить собирались по Конституции, ничего не скажешь.) Правда, из заработка вычиталась стоимость содержания лагеря и охраны. Для «добросовестных» была льгота: жить на частной квартире, а в лагерь являться лишь на работу. За «особое трудолюбие» обещалось досрочное освобождение. А в общем, подробных указаний о режиме не было, в каждом лагере было по-своему. «В период строительства новой власти и принимая во внимание *сильное переполнение мест заключения* (курсив наш. — А. С.), нельзя было думать о режиме, когда всё внимание было направлено на разгрузку тюрем»***. Прочтёшь такое — как

* Центральный Государственный Архив Октябрьской Революции (ЦГАОР), фонд 393, опись 13, дело 1в, лист 111.

** Там же, л. 112.

*** Материалы Народного Комиссариата Юстиции. Вып. 7. М.: Нар. ком. юст., 1920.

вавилонскую клинопись. Сколько сразу вопросов: что делалось в тех бедных тюрьмах? «Наши тюремные порядки безобразны... Самое краткосрочное заключение превращается в мучение». И от каких же социальных причин такое переполнение? И понимать ли «разгрузку» как расстрелы или как рассылку по лагерям? И что значит — нельзя было думать о режиме? — значит, Наркомюст не имел времени охранить заключённого от произвола местного начальника лагеря, только так можно понять? Инструкции о режиме не было, и в годы *революционного правосознания* каждый самодур мог делать с заключённым что хотел?

Из скромной статистики (всё из того же сборника «От тюрем...») узнаём: работы в лагерях были в основном чёрные. В 1919 только 2,5% заключённых работали в кустарных мастерских, в 1920 — 10%. Известно также, что в конце 1918 Центральный Карательный Отдел (а названьице-то! по коже пробирает) хлопотал о создании земледельческих колоний. Известно, что в Москве было создано из заключённых несколько «ударных» бригад по ремонту водопровода, отопления и канализации в национализированных зданиях Москвы. (И эти, очевидно бесконвойные, арестанты бродили с гаечными ключами, паяльниками и трубами по Москве, по коридорам учреждений, по квартирам тогдашних больших людей, вызванные по телефону их жёнами для ремонта, — а вот же не попали ни в одни мемуары, ни в одну пьесу, ни в один фильм.) А если таких специалистов в заключении не оказывалось? Можно предположить, что их *подсаживали*.

Дальнейшие сведения о тюремно-лагерной системе, какой она была в 1922 году, нам даёт счастливо сохранившийся отчёт X Съезду Советов начальника всех мест заключения РСФСР товарища Е. Ширвиндта**. В этом году впервые были объединены все места заключения Наркомюста и НКВД (кроме *специальных мест заключения ГПУ*) — в единый ГУМЗАК (Главное Управление Мест Заключения) и переданы под крыло товарища Дзержинского. (Имея под другим крылом места заключения ГПУ, он с ненасытностью хотел возглавлять и эти все.) ГУМЗАК объединил 330 мест заключения с общим числом лишённых свободы — 80–81 тысяча, — подросло сравнительно с 1920 годом, «в нынешнем году констатируется постоянный рост населения мест заключения». Но из этой же брошюры узнаём (стр. 40), что вместе с ГПУ никогда не было заключённых меньше 150 тысяч, а порой доходило до 195 тысяч. «Население мест заключения становится всё более устойчивым» (стр. 10), «процент числящихся за ревтрибуналами не только не падает, но проявляет определённую тенденцию к росту» (стр. 13). А в местах недавних народных волнений — в центральной-чернозёмных губерниях, в Сибири, на Дону и Северном Кавказе, число последственных составляет 41–43% от всех заключённых, что свидетельствует о хорошей перспективе роста лагерей.

В систему ГУМЗАКа в 1922 году входят: исправительно-трудоустройства дома (сиречь — срочные тюрьмы), дома предварительного заключения (сиречь — следственные), пересыльные, карантинные, изоляционные тюрьмы (Орловская «не в состоянии вместить всех трудноисправимых»), и возобновлены Кресты, так славно распахнутые в феврале 1917), сельскохозяйственные колонии (с корчёвкой кустарников и пней, вручную),

* К.Х. Данишевский. Революционные Военные Трибуналы, с. 39.

** Пенитенциарное дело в 1922 году / РСФСР. Главное управление местами заключения. М., 1923.

трудоые дома для несовершеннолетних и — концентрационные лагеря. Развитое же пенитенциарное дело! В тюрьмах «на каждые 5 мест приходится с лишком 6 человек, причём имеется много таких домов, где на одно место приходится 3 и более человек» (стр. 8).

Узнаём о зданиях (тюремных и лагерных): пришли в такой упадок, что не удовлетворяют даже основным санитарным требованиям, «в такую негодность, что... целые корпуса и даже целые исправдома пришлось закрыть» (стр. 17). О питании. «В 1921 места заключения были в тяжёлом положении: на заключённых не было достаточного количества пайков». С 1922 из-за перехода на местные бюджеты «материальное положение мест заключения надо считать почти катастрофическим» (стр. 2), местные губисполкомы даже отказывают в полной выдаче пайка заключённым. В начале года на 150—195 тысяч заключённых Госплан отпустил 100 тысяч пайков, нормы питания сокращались, некоторые продукты не выдавались совсем (три четверти заключённых получали менее 1500 калорий), а с 1 декабря 1922 все места заключения, кроме 15, имеющих общегосударственное значение, вовсе сняты с пайкового довольствия. «Заключённые голодают» (стр. 41).

Государство хотело, хотело иметь Архипелаг, только нечем было его кормить!

Расценки за работы — уже сниженные. «Снабжение вещевым довольствием было крайне неудовлетворительно... Надо ожидать, что оно примет катастрофический характер» (стр. 42). «Недостаток топлива испытывается почти повсеместно». Смертность за октябрь 1922 составила по ГУМЗАКу не менее 1%. Это значит, за зиму предстояло потерять больше 6% — а то и 10%?

Не могло это не отразиться и на охране. «Большинство надзора буквально бежит со службы, а некоторые спекулируют и входят в сделки с заключёнными» (стр. 43) — и сколько же их ещё обворовывают! «Сильный рост должностных преступлений среди сотрудников, толкаемых на то голодом». Многие перешли на лучше оплачиваемую работу. «Имеются исправдома, где остались только начальник и один надзиратель» (можно представить, какой негодящий) — и «приходится к обязанностям надзора привлечь самих заключённых из числа образцовых».

И какую же надо было иметь дзержинскую силу духа и веру в коммунистическое наказательное дело, чтоб этот вымирающий Архипелаг не распустить по домам, но вытягивать в светлое будущее!

И что ж? К октябрю 1923, уже в начале безоблачных годов НЭПа (и довольно далеко ещё до *культы личности*) содержалось: в 355 лагерях — 68 297 лишённых свободы, в 207 исправдомах — 48 163, в 105 домаках и тюрьмах — 16 765, в 35 сельхозколониях — 2 328 и ещё 1 041 несовершеннолетних и больных*.

И это всё — без лагерей ГПУ! Радостный рост! Нытики посрамлены. Партия опять оказалась права: заключённые не только не умерли, норосло их чуть не в два раза, а мест заключения — и больше, чем в два, не рухнули.

Есть и другая выразительная статистика: переуплотнение лагерей (число заключённых росло быстрее, чем организация лагерей). На 100 штатных мест приходилось в 1924 — 112 заключённых, в 1925 — 120, в

* ЦГАОР, ф. 393, оп. 39, д. 48, л. 13, 14.

1926 — 132, в 1927 — 177*. Кто сам *сидел*, хорошо понимает, каков лагерный быт (место на нарах, миски в столовой или телогрейки), если на 1 место приходится 1,77 заключённых.

Развитием лагерной системы развернулась смелая «борьба с тюремным фетишизмом» всех стран мира и в том числе прежней России, где ничего не могли придумать, кроме тюрем и тюрем. («Царское правительство, превратившее в одну огромную тюрьму всю страну, с каким-то утончённым садизмом развивало свою тюремную систему»**.)

Хотя до 1924 и на Архипелаге всё ещё недостаточно «простых трудколоний». В эти годы перевешивают «закрытые места» заключения, да не уменьшаются они и после. (В докладе 1924 года Крыленко требует увеличить число изоляторов специального назначения — изоляторов для не-трудящихся и для *особо-опасных из числа трудящихся* (каким, очевидно, и окажется потом сам Крыленко). Эта его формулировка так и вошла в Исправительно-трудовой кодекс 1924 года.)

А на пороге «реконструктивного периода» (значит — с 1927 года) «роль лагерей... (что бы вы думали? теперь-то, после всех побед?) ...возрастает — против наиболее опасных враждебных элементов, вредителей, кулачества, контрреволюционной агитации»***.

Итак, Архипелаг не уйдёт в морскую пучину! Архипелаг будет жить!

Как при сотворении всякого Архипелага происходят где-то невидимые передвижки важных опорных слоёв прежде, чем станет перед нами картина мира, — так и тут происходили важнейшие перемещения и переназвания, почти недоступные нашему уму. Вначале первозданная неразбериха, местами заключения руководят три ведомства: ВЧК (т. Дзержинский), НКВД (т. Петровский) и НКЮ (т. Курский); в НКВД — то ГУМЗАК (Главное Управление Мест Заключения, сразу после Октября 1917), то ГУПР (Главное Управление Принудительных Работ), то снова ГУМЗАК; в НКЮ — Тюремное Управление (декабрь 1917), затем Центральный Карательный Отдел (май 1918) с сетью губернских карательных отделов и даже съездами их (сентябрь 1920), затем облаговзвученный в Центральный Исправительно-Трудовой Отдел (1921). Разумеется, такое рассредоточение не служило к пользе карательно-исправительного дела, и Дзержинский добивался единства управления. Кстати, тут произошло мало кем замеченное сращение НКВД с ВЧК: с 16 марта 1919 Дзержинский стал по совместительству также наркомом внутренних дел. А в 1922, как уже сказано, он добился передачи к себе в НКВД и всех мест заключения из НКЮ (25.6.1922).

Параллельно тому шла перестройка и лагерной охраны. Сперва это были войска ВОХР (Внутренней Охраны Республики), затем ВНУС (Внутренней Службы), в 1919 они соединились с корпусом ВЧК****, и председателем их Военного Совета стал Дзержинский же. (И тем не менее, тем не менее до 1924 поступали жалобы на многочисленность побегов, на низкое состояние дисциплины работников*****.) Лишь в июне

* А. А. Герцензон. Борьба с преступностью в РСФСР. По материалам обследования ЧК РКК СССР / Под ред. и с предисл. В.А. Радус-Зеньковича. М.: Юридик. изд-во НКЮ РСФСР, 1928, с.103.

** От тюрем к воспитательным учреждениям, с. 431.

*** И.Л. Авербах. От преступления к труду / Под ред. А.Я. Вышинского; Академия Наук СССР. Институт советского строительства и права. [М.]: Советское законодательство, 1936.

**** Власть советов: Журнал ВЦИК. М.: Всерос. центр. исполком, 1919, № 11, с. 6, 7.

***** ЦГАОР, ф. 393, оп. 47, д. 89, л. 11.

1924 декретом ВЦИК—СНК в корпусе Конвойной Стражи введена военная дисциплина и укомплектование через Наркомвоенмор*.

Ещё тому параллельно создаётся в 1922 Центральное Бюро Дактилоскопической регистрации и Центральный Питомник служебных и розыскных собак.

А за это время ГУМЗАК СССР переназывается в ГУИТУ СССР (Главное Управление Исправительно-Трудовых Учреждений), а затем и в ГУИТЛ ОГПУ (Главное Управление Исправительно-Трудовых Лагерьей), и Начальник его одновременно становится Начальником Конвойных войск СССР.

И сколько ж это волнений! И сколько ж это лестниц, кабинетов, часовых, пропусков, печатей, вывесок!

А из ГУИТЛа, сына ГУМЗАКа, и получился-то наш ГУЛАГ.

* Там же, оп. 53, д. 141, л. 1, 3, 4.

Часть шестая

ССЫЛКА

И кости по родине плачут.

Русская пословица

Глава 1

ССЫЛКА ПЕРВЫХ ЛЕТ СВОБОДЫ

Наверно, придумало человечество ссылку раньше, чем тюрьму. Изгнание из племени ведь уже было ссылкой. Соображено было рано, как трудно человеку существовать, оторванному от привычного окружения и места. Всё не то, всё не так и не ладится, всё временное, ненастоящее, даже если зелено вокруг, а не вечная мерзлота.

И в Российской империи со ссылкой тоже не запозднились: она законно утверждена при Алексее Михайловиче Соборным Уложением 1648 года. Но и ранее того, в конце XVI века, ссылали безо всякого Собора: опальных каргопольцев; затем угличан, свидетелей убийства царевича Димитрия. Просторы разрешали — Сибирь уже была наша. Так набралось к 1645 году полторы тысячи ссыльных. А Пётр сослал многими сотнями. Мы уже говорили, что Елизавета заменяла смертную казнь вечной ссылкой в Сибирь. Но тут сделали подмену, и под ссылкой стали понимать не только вольное поселение, а и — каторгу, принудительные работы, это уже не ссылка. Александровский устав о ссыльных 1822 года эту подмену закрепил. Поэтому, очевидно, в цифрах ссылки XIX века надо считать включённой и каторгу. В начале XIX века ссылалось, что ни год, от 2 до 6 тысяч человек. С 1820 года стали ссылать ещё и бродяг (по-нашему, тунейдцев), и так уже вытягивали в иной год до 10 тысяч. В 1863 излюбили и приспособили к ссылке отчуждённый от материка пустынный остров Сахалин, возможности ещё расширились. Всего за XIX век было сослано полмиллиона, в конце века числилось ссыльных одновременно 300 тысяч*.

Ссылка так развита была в России именно потому, что мало было отсидочных тюрем, не в практике.

К концу века ссыльное установление многообразилось. Появлялись и более лёгкие виды: «высылка за две губернии», даже «высылка за границу» (это не считалось такой безжалостной карой, как после Октября)**. Внедрялась и административная ссылка, удобно дополняющая ссылку судебную. Однако: ссыльные сроки выражались ясными точными цифрами, и даже пожизненная ссылка не была подлинно пожизнен-

* Все эти данные взяты из известной книги «Россия. Полное географическое описание нашего отечества» П.П. Семёнова-Тян-Шанского (Т. 16. Западная Сибирь. СПб., 1907, с. 170, 171). Не только сам знаменитый географ, но и его братья были настойчивыми самоотверженными либеральными деятелями, они много способствовали прояснению идеи свободы в нашей стране. В революцию вся семья их разгромлена, один брат расстрелян в их уютном имении на реке Ранове, само оно сожжено, вырублен большой сад, аллеи лип и тополей.

** П.Ф. Якубович. В мире отверженных: Записки бывшего каторжника: В 2 т. М.; Л.: Худож. лит., 1964.

ной. Чехов пишет в «Сахалине», что после 10 отбытых лет ссылки (а если «вёл себя совершенно одобрительно» — критерий неопределённый, но применяли его, по свидетельству Чехова, широко, то и после шести) наказанный переводился в крестьянское состояние и мог возвратиться куда угодно, кроме своего родного места.

Подразумеваемой, всем тогда естественной, а нам теперь удивительной особенностью ссылки последнего царского столетия была её индивидуальность: по суду ли, административно ли, но ссылку определяли отдельно каждому, никогда — по групповой принадлежности.

От десятилетия к десятилетию менялись условия ссылки, степень тяжести её, — и разные поколения ссыльных оставили нам разные свидетельства. Тяжелы были этапы в пересыльных партиях, однако и от П.Ф. Якубовича и от Льва Толстого мы узнаём, что политических этапировали весьма сносно. Ф. Кон добавляет, что при политических этапная конвойная команда *даже* и с уголовниками хорошо обращалась, отчего уголовники очень ценили политических. Многие десятилетия сибирское население встречало ссыльных враждебно: им выделялись худшие участки земли, им доставалась худшая и плохо оплачиваемая работа, за них крестьяне не выдавали дочерей. Непристроенные, худо одетые, клеймёные и голодные, они собирались в шайки, грабили — и тем пуше ожесточали жителей. Однако это всё не относилось к политическим, чья струя заметна стала с 70-х годов. Тот же Ф. Кон пишет, что якуты встречали политических приязненно, с надеждой, как своих врачей, учителей и законосоветчиков в защите от власти. У политических в ссылке были во всяком случае такие условия, что выдвинулось из них много учёных (чья наука только и пошла со ссылки) — краеведов, этнографов, языковедов*, естественников, а также публицистов и беллетристов. Чехов на Сахалине не видел политических и не описал их нам**. Но например, Ф. Кон, сосланный в Иркутск, стал работать в редакции прогрессивной газеты «Восточное обозрение», где сотрудничали народники, народолюбцы и марксисты (Красин). Это был не рядовой сибирский город, а столица генерал-губернаторства, куда по Уставу о ссыльных не надлежало вовсе допускать политических, — они же служили там в банках, в коммерческих предприятиях, преподавали, перетирались на журфиксах с местной интеллигенцией. А в омском «Степном крае» ссыльные протаскивали такие статьи, которых цензура нигде в России не пропустила бы. Даже златоустовскую стачку ссыльный Омск снабжал своей газетой. Ещё стал через ссыльных радикальным городом и Красноярск. А в Минусинске вокруг мартьяновского музея собралась столь уважаемая и не знающая административных помех группа ссыльных деятелей, что не только беспрепятственно создавала всероссийскую сеть перехоронок-приютов для беглецов (впрочем, о лёгкости тогдашних побегов мы уже писали), но даже направляла деятельность официального минусинского «виттевского» комитета***. И если о сахалинском режиме для уголовных

* В.Г. Тан-Богораз, В.И. Иохельсон, Л.Я. Штернберг.

** По юридической своей простоте, а верней, в духе своего времени, Чехов не запасся для Сахалина никакой командировкой, никакой служебной бумагой. Тем не менее он был допущен к придуманной им переписи ссыльно-каторжных и даже к тюремным документам! (Примерьте это к нам. Поезжайте проверить гнездо лагерей без направления от НКВД!) Только с политическими встретиться ему не дали.

*** *Феликс Кон*. За пятьдесят лет // Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. На поселении. М.: Изд-во Вsesоюзн. об-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1933.

Чехов восклицает, что он сведен «самым пошлым образом к крепостному праву», — этого не скажешь о русской ссылке для политических с давнего времени и до последнего. К началу XX века административная ссылка для политических стала в России уже не наказанием, а формальным, пустым, «обветшалым приёмом, доказавшим своему негодность» (Гучков). Столыпин с 1906 принимал меры к полному упразднению её.

А что такое была ссылка Радищева? В посёлке Усть-Илимский Острог он купил двухэтажный деревянный дом (кстати — за 10 рублей) и жил со своими младшими детьми и свояченицей, заменившей жену. Работать никто и не думал его заставлять, он вёл жизнь по своему усмотрению и имел свободу передвижения по всему Илимскому округу. Что была ссылка Пушкина в Михайловское, — теперь уже многие представляют, побывав там экскурсантами. Подобной тому была ссылка и многих других писателей и деятелей: Тургенева — в Спасское-Лутовиново, Аксакова — в Варварино (по его выбору). С декабристом Трубецким ещё в камере нерчинской тюрьмы жила жена (родился сын), когда ж через несколько лет он был переведен в иркутскую ссылку, там у них был огромный особняк, свой выезд, лакеи, французские гувернёры для детей (юридическая тогдашняя мысль ещё не созрела до понятий «враг народа» и «конфискация всего имущества»). А сосланный в Новгород Герцен по своему губернскому положению принимал рапорты полицмейстера.

Такая мягкость ссылки простиралась не только на именитых и знаменитых людей. Её испытали и в XX веке многие революционеры и фрондёры, особенно — большевики: их не опасались. Сталин, уже имея за спиной 4 побега, был на 5-й раз сослан... в саму Вологду. Вадим Подбельский за резкие антиправительственные статьи был сослан... из Тамбова в Саратов. Какая жестокость! Уж разумеется никто не гнал его там на изневольную работу*.

Но даже и такая ссылка, по нашим теперь представлениям льготная, ссылка без угрозы голодной смерти, воспринималась ссылаемым подчас тяжело. Многие революционеры вспоминают, как болезнен пришёлся им перевод из тюрьмы с её обеспеченным хлебом, теплом, кровом и досугом для университетов и партийных перебранок — в ссылку, где приходится одному среди чужих измысливаться о хлебе и крове. А когда изыскивать их не надо, то, объясняют они (Ф. Кон), ещё хуже: «ужасы безделья... Самое страшное то, что люди обречены на бездействие», — и вот некоторые уходят в науки, кто — в наживу, в коммерцию, а кто — спивается от отчаяния.

Но — отчего безделье? Ведь местные жители не жалуются на него, они едва управляют спину разогнуть к вечеру. Так точнее сказать — от перемены почвы, от сбива привычного образа жизни, от обрыва корней, от потери живых связей.

Всего два года ссылки понадобилось журналисту Николаю Надеждину, чтобы потерять вкус свободолюбия и переделаться в честного слугу престола. Буйный, разгульный Меншиков, сосланный в 1727 году в Берёзов, построил там церковь, толковал с местными жителями о суете мира, отпустил бороду, ходил в простом халате и в два года умер. Каза-

* Этот революционер, чьим именем переозвучены Почтовые улицы многих русских городов, настолько, видимо, не имел навыков труда, что на первом же субботнике получил мозоль и от мозоли... умер.

лось бы — чем изнурительна, чем уж так невыносима была Радищеву его вольготная ссылка? — но когда потом в России стала угрожать ему повторная ссылка, он из страха перед нею покончил с собой. А Пушкин из села Михайловского, из этого рая земного, где б, кажется, довёл только Бог жить и жить, в октябре 1824 года писал Жуковскому. «Спаси меня (т. е. от ссылки. — А.С.) хоть крепостью, хоть Соловецким монастырём!» И это не фраза была, потому что и губернатору писал он, прося о замене ссылки на крепость.

Нам, узнавшим, что такое Соловки, это вдвоо теперь: в каком порыве, в каком отчаянии и неведении мог поэт швырять Михайловское и просить Соловецкие острова?..

Вот это и есть та мрачная сила ссылки — чистого перемещения и дворения со связанными ногами, о которой догадались ещё древние властители, которую изведаль ещё Овидий.

Пустота. Потерянность. Жизнь, несколько не похожая на жизнь...

* * *

В перечне орудий угнетения, которые должна была навсегда разместить светлая революция, на каком-нибудь четвёртом месте числилась, конечно, и ссылка.

Но едва лишь первые шаги ступила революция своими кривеющими ножками, ещё не возмужав, она поняла: нельзя без ссылки! Может быть, год какой не было в России ссылки, ну до трёх. И тут же вскоре начались, как это теперь называется, депортации — вывоз нежелательных. Вот подлинные слова народного героя, потом и маршала, о 1921 году в Тамбовской губернии: «Было решено организовать широкую высылку бандитских (читай — «партизанских». — А.С.) семей. Были организованы обширные концлагеря, куда предварительно эти семьи заключались» (разрядка моя. — А.С.)^{*}.

Только удобство расстреливать на месте, вместо того чтобы куда-то везти, и в дороге охранять и кормить, потом расселять и опять охранять, — только это одно удобство задержало введение регулярной ссылки до конца военного коммунизма. Но уже 16 октября 1922 при НКВД была создана постоянная Комиссия по Высылке «социально-опасных лиц, деятелей антисоветских партий», то есть всех, кроме большевицкой, и расхожий срок был — 3 года^{**}. Таким образом, уже в самые ранние 20-е годы институция ссылки действовала привычно и размеренно.

Правда, уголовная ссылка не возобновилась: ведь были уже изобретены исправтрудлагеря, они и поглотили. Но зато политическая ссылка стала удобнее, чем когда-либо: в отсутствие оппозиционных газет высылка становилась безгласной, а для тех, кто рядом, кто близко знал ссылаемых, после расстрелов военного коммунизма трёхлетняя незлобная непоспешная ссылка казалась лирической воспитательной мерой.

Однако из этой вкрадчивой санитарной высылки не возвращались в родные места, если же успевали вернуться, то вскоре их брали вновь. За-

^{*} М. Тухачевский. Борьба с контрреволюционными восстаниями // Война и революция. М., 1926. Кн. 8, с. 10.

^{**} Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства, издаваемое Народным Комиссариатом Юстиции. 1922: Отд. 1. № 65. Ст. 844: О дополнении к постановлениям о Государственном Политическом Управлении и административной высылке.

тянутые начинали свои круги по Архипелагу, и последняя обломанная дуга спускалась непременно в яму.

По благодущию людскому не скоро прояснился замысел власти: просто ещё не окрепла власть, чтобы всех неугодных сразу искоренить. И вот обречённых вырывали пока не из жизни, а из памяти людской.

Тем легче восстанавливалась ссылка, что не залегли ещё, не запали дороги прежних этапов, и сами места сибирские, архангельские и вологодские не изменились ничуть, не удивлялись нисколько. (Впрочем, государственная мысль на том не замрёт, чей-то палец ещё полазит по карте шестой части суши, и обширный Казахстан, едва примкнув к Союзу Республик, хорошо приляжет к ссылке своими просторами, да и в самой Сибири сколько мест откроется погуще.)

Но осталась в ссылке традиции и кое-какая помеха, именно: иждивенческое настроение ссылных, что государство обязано их кормить. Царское правительство не смело заставлять ссылных увеличивать национальный продукт. И профессиональные революционеры считали для себя унизительным работать. В Якутии имел право ссылно-поселенец на 15 десятин земли (в 65 раз больше, чем колхозник теперь). Не то чтоб революционеры бросались эту землю обрабатывать, но очень держались за землю якуты и платили революционерам «отступного», арендную плату, расплачивались продуктами, лошаадьми. Так, приехав с голыми руками, революционер сразу оказывался кредитором якутов (Ф. Кон). И ещё, кроме того, платило царское государство своему политическому врагу в ссылке: 12 рублей в месяц кормёжных и 22 рубля в год одёжных. Лепешинский пишет*, что и Ленин в шушенской ссылке получал (не отказывался) 12 рублей в месяц, а сам Лепешинский — 16 рублей, ибо был не просто ссылный, но ссылный чиновник. Ф. Кон уверяет нас теперь, что этих денег было крайне мало. Однако известно, что сибирские цены были в 2–3 раза ниже российских, и потому казённое содержание ссылного было даже избыточным. Например, В.И. Ленину оно дало возможность все три года безбедно заниматься теорией революции, не беспокоясь об источнике существования. Мартов же пишет, что он за 5 рублей в месяц получал от хозяина квартиру с полным столом, а остальные деньги тратил на книги и откладывал на побег. Анархист А.П. Улановский говорит, что только в ссылке (в Туруханском крае, где он был вместе со Сталиным) у него впервые в жизни появились свободные деньги, он высылал их вольной девице, с которой познакомился где-то по дороге, и впервые мог купить и попробовать, что такое какао. У них там оленье мясо и стерлядь были нипочём, хороший крепкий дом стоил 12 рублей (месячное содержание!). Никто из политических не знал недостачи, денежное содержание получали *все* административно-ссылные. И одеты были все хорошо (они и приезжали такими).

Правда, пожизненные ссылно-поселенцы, по-нашему сказать «бытовики», денежного содержания не получали, но безвозмездно шли им от казны шубы, вся одежда и обувь. На Сахалине же, установил Чехов, все поселенцы два-три года, а женщины и весь срок, получали бесплатное казённое содержание натурою, в том числе мяса на день 40 золотников (значит 200 г), а хлеба печёного — 3 фунта (то есть «кило двести», как

* П. Н. Лепешинский. На повороте (От конца 80-х годов к 1905 г.): Попутные впечатления участника революционной борьбы. Пб.: Гос. изд-во, 1922.

стахановцы наших воркутинских шахт за 150% нормы. Правда, считает Чехов, что хлеб этот — недопечен и из дурной муки, — ну да ведь и в лагерях же не лучше!). Ежегодно выдавалось им по полушубку, армяку и по несколько пар обуви. Ещё такой был приём: платила ссыльным царская казна умышленно высокие цены за их изделия, чтобы поддержать их продукцию. (Чехов пришёл к убеждению, что не Сахалин, колония, выгоден для России, но Россия кормит эту колонию.)

Ну разумеется, на таких нездоровых условиях не могла основаться наша советская политическая ссылка. В 1928 2-й Всероссийский съезд административных работников признал существующую систему высылки неудовлетворительной и ходатайствовал об «организации ссылки в форме колоний в отдалённых изолированных местностях, а также о введении системы *неопределённых приговоров*» (то есть бессрочных)*. С 1929 стали разрабатывать ссылку *в сочетании с принудительными работами***.

«Кто не работает — тот не ест» — вот принцип социализма. И только на этом социалистическом принципе могла строиться советская ссылка. Но именно социалисты привыкли в ссылке получать питание бесплатно! Не сразу посмеив сломить эту традицию, стала и советская казна платить своим политическим ссыльным — только, конечно, не всем, уж конечно не *казрам*, а — *политам*, среди них тоже делая ступенчатые различия: например, в Чимкенте в 1927 году эсерам и эсдекам по 6 рублей в месяц, а троцкистам — по 30 (всё-таки — свои, большевики). Только рубли эти были уже не царские, за самую маленькую комнатушку надо было платить в месяц 10 рублей, а на 20 копеек в день пропитаться очень скудно. Дальше — твёрже. К 1933 году «политам» платили пособие 6 р. 25 к. в месяц. А в том году, сам помню отлично, килограмм ржаного сырого «коммерческого» хлеба (сверх карточного) стоил 3 рубля. И так, не оставалось социалистам учить языки и писать теоретические труды, оставалось социалистам *горбить*. С того же, кто шёл на работу, ГПУ тотчас снимало и последнее ничтожное пособие.

Однако и при желании работать — сам тот заработок получить ссыльным было нелегко. Ведь конец 20-х годов известен у нас большой безработицей, получение работы было привилегией людей с незапятнанной анкетой и членом профсоюза, а ссыльные не могли конкурировать, выставляя своё образование или опыт. Над ссыльными ещё тяготела и комендатура, без согласия которой ни одно учреждение и не посмело бы ссыльного принять. (Да даже и *бывший* ссыльный имел слабую надежду на хорошую работу: мешало тавро в паспорте.)

В 1934 году, в Казани, вспоминает П. С-ва, группа отчаявшихся образованных ссыльных нанялась мостить мостовые. В комендатуре их корили: зачем эта демонстрация? Но не помогли найти другую работу, и Григорий Б. отмерил оперу: «А вы какого-нибудь *процессика* не готовите? А то б мы нанялись платными свидетелями».

Приходилось крошечки со стола да сметать в рот.

Вот как упала русская политическая ссылка! Не оставалось времени спорить и протесты писать против «Credo». И горя такого не знали: как им справиться с бессмысленным бездельем... Зарплата стала — как с голоду не помереть. И не опуститься стать стукачом.

* ЦГАОР, ф. 4042, оп. 38, л. 8, л. 34, 35.

** Там же, ф. 393, оп. 84, д. 4, л. 97.

В первые советские годы в стране, освобождённой наконец от векового рабства, гордость и независимость политической ссылки опала, как проколотый шар надувной. Оказалось, что мнимой была та сила, которой побаивалась прежняя власть в политических ссыльных. Что создавало и поддерживало эту силу лишь *общественное мнение* страны. Но едва общественное мнение заменено было *мнением организованным* — и низверглись ссыльные с их протестами и правами под произвол тупых зачуханных ге-пеушников и бессердечных тайных инструкций (к первым таким инструкциям успел приложить руку и ум министр внутренних дел Дзержинский). Хриплый выкрик один, хоть словечко о себе туда, на волю, крикнуть стало теперь невозможно. Если сосланный рабочий посылал письмо на прежний свой завод, то рабочий, огласивший его там (Ленинград, Василий Кириллович Егоршин), тут же ссылался сам. Не только денежное пособие, средства к жизни, но и всякие вообще права потеряли ссыльные: их дальнейшее задержание, арест, этапирование были ещё доступнее для ГПУ, чем пока эти люди считались вольными, — теперь уже не стесняемы ничем, как бы над гуттаперчевыми куклами, а не людьми*. Ничего не стоило и так их сотрясти, как было в Чимкенте: объявили внезапно о ликвидации здешней ссылки в одни сутки. За сутки надо было: сдать служебные дела, разорить своё жилище, освободиться от утвари, собраться — и ехать указанным маршрутом. Не намного мягче арестантского этапа! Не намного увереннее ссыльное завтра...

Но не только безмолвность общества и давление ГПУ — а что были сами эти ссыльные? Эти мнимые члены партий без партий? Мы не имеем в виду кадетов — всех кадетов внутри страны уже извели, — но что значило к 1927 или к 1930 году считаться эсером или меньшевиком? Нигде в стране никакой группы действующих лиц, соответственных этому названию, не было. В начале 20-х годов всем социалистам предлагали отречься от своих партийных убеждений, и во множестве они соглашались и отваливались, лишь небольшое меньшинство заявляло верность этим убеждениям. (Хотя для нас, в историческом огляде, эти убеждения уже мало понятны, поскольку все социалистические партии практически лишь помогли утвердиться большевикам.) Давно, с самой революции, за десять громокипящих лет, не пересматривались программы этих партий, и даже если б эти партии внезапно воскресли, — неизвестно было, как им понимать события и что предлагать. Вся печать давно поминала их только в прошлом времени — и уцелевшие члены партий жили в семьях, работали по специальности и думать забывали о своих партиях. Но — нестираемы скрижальные списки ГПУ. И по внезапному ночному сигналу этих рассеянных кроликов выдёргивали и через тюрьмы этапировали — например в Бухару.

Так приехал И.В. Столяров в 1930 и встретил там собранных со всех концов страны стареющих эсеров и эсдеков. Вырванным из своей обычной жизни, только и оставалось им теперь, что начать спорить, да оценивать политический момент, да предлагать решения, да гадать, как пошло бы историческое развитие, если бы... если бы...

* Те западные социалисты, как Даниэль Мейер, которые только в 1967 ощутили «постыдным быть социалистами *вместе* с СССР», могли бы, пожалуй, прийти к этому убеждению лет и на 40—45 пораньше. Ведь советские коммунисты уже тогда под корень уничтожали советских социалистов, но: за чужой шею зуб не болит.

Так сколачивали из них — но уже не партии, а — мишень для потопления.

Более многочисленные были в ссылке грузинские эсдеки и армянские дашнаки, в больших количествах сосланные в дальние места после захвата их республик коммунистами. Вспоминают, что живой и боевой партией в 20-е годы были сионисты-социалисты с их энергичной юношеской организацией «Гашемер» и легальной организацией «Гехалуц», создававшей земледельческие еврейские коммуны в Крыму. В 1926 посадили всё их ЦК, а в 1927 мальчишек и девченок до 15–16 лет взяли из Крыма в ссылку. Давали им Туркуль и другие строгие места. Это была действительно партия — спаянная, настойчивая, уверенная в правоте. Но добивались они не общей цели, а своей частной: жить как нация, жить своею Палестиной. Разумеется, коммунистическая партия, добровольно отвергшая отечество, не могла и в других потерпеть узкого национализма!^{1*}

Уже в самих местах ссылки социалисты находили друг друга, и возникали, оживлялись фракции их, возникали кассы взаимопомощи (но все строго фракционные — только свои своим). Из мест, где было легко с работой, например из Чимкента, посылали помощь своим «северным» безработным однопартийцам и тем, кто сидел в изоляторах. Оживлялась идея борьбы за «статус политических» (всё советское время социалисты так и не поняли, как это неприлично — отстаивать права не всему народу эзков, а только себе и своим). Ещё было у них местами соединённое приготовление пищи, уход за детьми и естественные при этом сборища, взаимопосещения. Ещё дружно праздновали они в ссылке 1 мая (демонстративно не отмечая 7 ноября).

Ссылные очень были ослаблены недружественными отношениями между партиями, которые сложились в советские годы и особенно обострились со середины 20-х годов, когда в ссылке появились многочисленные троцкисты, никого, кроме себя, не признающие за политических.

Ещё и в ссылке оставалась у *политов* возможность отречься и через то освободиться — но уже здесь, на глазах фракций, такие случаи были редки. Да к 1936 году многие эсдеки и эсеры всё равно были от ссылки освобождены (не значит, что имена их забыты), — тем жёстче заморгает коршуний глаз оперсектора над оставшимися. А в 1937 всех их пересадили в тюрьмы.

Ну да не одни же социалисты содержались в ссылке 20-х и 30-х годов — и главным образом (что ни год, то верней) совсем не социалисты. Лились и просто беспартийные интеллигенты — те духовно независимые люди, которые мешали новому режиму установиться. И — *бывшие*, недоуничтоженные в Гражданскую войну. И даже — мальчишки «за фокстрот»**. И спириты. И оккультисты. И духовенство — сперва ещё с правом служения в ссылке. И просто верующие, просто христиане, или *крестьяне*, как переиначили русские много веков назад. И крестьяне как таковые.

* Казалось бы, такой природный и благородный порыв сионистов — воссоздать землю своих предков, утвердить веру своих предков и стянуться туда из двухтысячелетнего рассеяния, должен был бы вызвать дружную поддержку и помощь хотя бы европейских народов. Правда, Крым вместо Палестины никак не был той чистой сионистской идеей, и не насмешкою ли Сталина было предложение этому средиземноморскому народу избрать себе второю Палестину притаённый Биробиджан? Великий мастер вытаскивать подолгу свои мысли — он этим ласковым приглашением, может быть, делал первую примерку той ссылки, которую им наметит на 1953 год?

** 1926 год, Сибирь. Свидетельство Д.П. Витковского.

И все они попадали под око того же оперсектора, все разъединялись и костенели. С годами они всё более станут чуждаться друг друга, чтоб НКВД не заподозрило у них «организации» и не стало бы *брать по новой*. (А именно эта участь и ждёт их многих.) Так в черте государственной ссылки они углубятся во вторую добровольную ссылку — в одиночество. (А Сталину именно это и надо.)

Ослаблены были ссылные и отчуждённостью от них местного населения: местных преследовали за какую-либо близость к ссылным, провинившихся самих ссылали в другие места, а молодёжь исключали из комсомола.

Обесцененные равнодушием страны, советские ссылные потеряли и волю к побегам. У ссылных царского времени побег был весёлым спортом: пять побегов Сталина, шесть побегов Ногина, — грозила им за то не пуля, не каторга, а простое водворение на место после развлекательного путешествия. Но коснеющее, но тяжелеющее ГПУ со середины 20-х годов наложило на ссылных партийную круговую поруку: все сопартийцы отвечают за своего бежавшего. И уже так не хватало воздуха, и уже так был прижимист гнёт, что социалисты, недавно гордые и неукротимые, приняли эту поруку! Они теперь сами, своим партийным решением *запрещали себе бежать!*

Да и куда бежать? К кому бежать?..

Тёртые ловкачи теоретических обоснований быстро пристроили: бежать — не время, нужно ждать. И вообще *бороться не время*, тоже нужно ждать. В начале 30-х годов Н.Я. Мандельштам отмечает у чердынских ссылных социалистов полный отказ от сопротивления. Даже — ощущение неизбежной гибели. И единственную практическую надежду: когда будут новый срок добавлять, то хоть бы без нового ареста, дали бы *расписаться* тут же, на месте — и тогда хоть не разорится скромно-налаженный быт. И единственную моральную задачу: сохранить перед гибелью человеческое достоинство.

Нам, после каторжных лагерей, где мы из раздавленных единиц внезапно стали соединяться, — грустно поминать этот процесс всеобщего расчленения. Но в наши десятилетия идёт общественная жизнь к расширению и полноте (вдох), а тогда она шла к угнетению и сжатию (выдох).

Так негоже нашей эпохе судить эпоху ту.

А ещё у ссылки были многие градации, что тоже разъединяло и ослабляло ссылных. Были разные сроки обмена удостоверений личности (некоторым — ежемесячно, и это с изнурительными процедурами). Дорожа не попасть в категорию худшую, должен был каждый блюсти правила.

До начала 30-х годов сохранялась и самая смягчённая форма: не ссылка, а *минус*. В этом случае репрессированному не указывали точного места жительства, а давали выбрать город *за минусом* скольких-то. Но, однажды выбрав, к месту этому он прикреплялся на тот же трёхлетний срок. Минусник не ходил на отметки в ГПУ, но и выезжать не имел права. В годы безработицы биржа труда не давала минусникам работы; если ж он умудрялся получить её, — на администрацию давили: уволить.

Минус был булавкой: им прикальзывалось вредное насекомое и так ждало покорно, пока придёт ему черёд арестоваться по-настоящему.

А ещё же была вера в этот передовой строй, который не может, не будет нуждаться в ссылке! Вера в амнистию, особенно к блистательной 10-й годовщине Октября!..

И амнистия пришла, амнистия — ударила. Четверть срока (из трёх лет — 9 месяцев) стали сбрасывать ссылкой, и то не всем. Но так как раскладывался Большой Пасьянс, и за тремя годами ссылки дальше шли три года политизолятора и потом снова три года ссылки, — это ускорило на 9 месяцев нисколько не украшало жизни.

А там приходила пора и следующего суда. Анархист Дмитрий Венедиктов к концу трёхлетней тобольской ссылки (1937) был взят по категоричному точному обвинению: «распространение слухов о займах (какие же могут быть *слухи* о займах, наступающих кажегод с неизбежностью майского расцвета?..) и недовольство советской властью» (ведь ссылный должен быть доволен своей участью). И что ж дали за такие гнусные преступления? *Расстрел* в 72 часа и не подлежит обжалованию! (Его оставшаяся дочь Галина уже мелькнула на страницах этой книги.)

Такова была ссылка первых лет завоёванной свободы, и таков путь полного освобождения от неё.

Ссылка была — предварительным овечьим загоном всех назначенных к ножу. Ссылные первых советских десятилетий были не жители, а ожидатели — вызова т у д а. (Были умные люди — из *бывших*, да и простых крестьян, ещё в 20-е годы понявшие всё предлежание. И, окончив первую трёхлетнюю ссылку, они на всякий случай там же, например в Архангельске, оставались. Иногда это помогало больше не попасть под гребешок.)

Вот как для нас обернулась мирная шушенская ссылка, да и туруханская с какао.

Вот чем была у нас догружена овидиева тоска.

Часть седьмая СТАЛИНА НЕТ

И не раскаялись они в убийствах своих...

Апокалипсис, 9:21

Глава 1

КАК ЭТО ТЕПЕРЬ ЧЕРЕЗ ПЛЕЧО

Конечно, мы не теряли надежды, что *будет* о нас рассказано: ведь рано или поздно рассказывается вся правда обо всём, что было в истории. Но рисовалось, что это придёт очень не скоро, — после смерти большинства из нас. И при обстановке совсем изменившейся. Я сам себя считал летописцем Архипелага, всё писал, писал, а тоже мало рассчитывал увидеть при жизни.

Ход истории всегда поражает нас неожиданностью, и самых прозорливых тоже. Не могли мы предвидеть, как это будет: безо всякой зримой вынуждающей причины всё вздрогнет, и начнёт сдвигаться, и немного, и совсем ненадолго бездны жизни как будто припахнуты — и две-три птички правды успеют вылететь прежде, чем снова надолго захлопнутся створки.

Сколько моих предшественников не дописало, не дохранило, не доползло, не докарабкалось! — а мне это счастье выпало: в раствор железных полотен, перед тем как снова им захлопнуться, — просунуть первую горсточку правды.

И как вещество, объётое антивеществом, — она взорвалась тотчас же!

Она взорвалась и повлекла за собой взрыв писем людских — но этого надо было ждать. Однако и взрыв газетных статей — через скрежет зубовой, через ненависть, через нехоть — взрыв казённых похвал, до оскомины.

Когда бывшие зэки из трубных выкриков всех сразу газет узнали, что вышла какая-то повесть о лагерях и газетчики её наперехлёб хвалят, — решили единодушно: «опять брехня! спроворились и тут соврать». Что наши газеты с их обычной непомерностью вдруг да накинута хвалить правду, — ведь этого ж всё-таки нельзя было вообразить! Иные не хотели и в руки брать мою повесть.

Когда же стали читать — вырвался как бы общий слитный стон, стон радости — и стон боли. Потекли письма.

Эти письма я храню. Слишком редко наши соотечественники имеют случай высказаться по общественным вопросам, а бывшие зэки — тем более. Уж сколько разуверялись, уж сколько обманывались — а тут поверили, что начинается-таки эра правды, что можно теперь смело говорить и писать!

И обманулись, конечно, в который раз...

«Правда восторжествовала, но поздно!» — писали они.

И даже ещё поздней, потому что нисколько не восторжествовала...

Ну да были и трезвые, кто не подписывался в конце писем («берегу здоровье в оставшиеся дни моей жизни») или сразу, в самый накал газетного хвалебствия, спрашивал: «Удивляюсь, как Волковой дал тебе напечатать эту повесть? Ответь, я волнуюсь, не в БУРе ли ты?..» или «Как это ещё вас обоих с Твардовским не упрятали?»

А вот так, заел у них капкан, не срабатывал. И что ж пришлось Волковым? — тоже братья за перо! тоже письма писать. Или в газеты опровержения. Да они, оказывается, и очень грамотные есть.

Из этого второго потока писем мы узнаём, и как их зовут-то, как они сами себя называют. Мы всё слово искали, лагерные хозяева да лагерщики, нет — практические работники, вот как! вот слово золотое! «Чекисты» вроде не точно, ну они — *практические работники*, так они выбрали.

Пишут:

«Иван Денисович — подхалим».

(В.В. Олейник, Актюбинск)

«К Шухову не испытываешь ни сострадания, ни уважения».

(Ю. Матвеев, Москва)

«Шухов осуждён правильно... *А что ээ-ка ээ-ка делать на воле?*»

(В.И. Силин, Свердловск)

«Этих людишек с подленькой душёнкой судили слишком мягко. Тёмных личностей Отечественной войны... мне не жаль».

(Е.А. Игнатович, г. Кимовск)

Шухов — «квалифицированный, изворотливый и безжалостный шакал. Законченный эгоист, живущий только ради брюха».

*(В.Д. Успенский, Москва)**

«Вместо того чтобы нарисовать картину гибели преданнейших людей в 1937 году, автор избрал 1941 год, когда в лагерь в основном попадали шкурники**. В 37-м не было Шуховых***, а шли на смерть угрюмо и молча с думою о том, кому это нужно?»****

(П.А. Панков, Краматорск)

О лагерных порядках:

«А зачем давать много питания тому, кто не работает? Сила у него остаётся неизрасходованной... С преступным миром ещё слишком мягко обращаются».

(С.И. Головин, Акмолинск)

* Этот пенсионер — не тот ли Успенский, который отца своего, священника, убил — и сделал на том лагерную карьеру?

** Ну да, простые беспартийные, военнопленные.

*** Ещё сколько!.. Побольше ваших!

**** Какая интеллектуальная глубина думы! Кстати, не так уж молча: с непрерывными раскаяниями и просьбами помиловать.

«А насчёт норм питания не следует забывать, что *они не на курорте*. Должны искупить вину только честным трудом. Эта повесть оскорбляет солдат, сержантов и офицеров МВД. Народ — творец истории, но как показан этот народ...? — в виде «попок», «остолопов», «дураков»».

(старшина Базунов, Оймякон, 55 лет,
состарился на лагерной службе)

«В лагерях меньше злоупотреблений, чем в каком-либо другом советском учреждении (!!). Утверждаю, что сейчас в лагерях *стало строже*.

Охрана не знала, кто за что сидит»*.

(В. Караханов, Подмосковьё)

«Мы, исполнители, — тоже люди, мы тоже шли на геройство: не всегда подстреливали падающих и, таким образом, рисковали своей службой».

(Григ. Трофимович Железняк)**

«Весь день в повести насыщен отрицательным поведением заключённых без показа роли администрации... Но содержание заключённых в лагере *не является причиной периода культа личности*, а связано с исполнением приговора».

(А.И. Григорьев)

«Солженицын так описывает всю работу лагеря, как будто там и партийного руководства не было. А ведь и ранее, как и сейчас, существовали партийные организации и направляли *всю работу согласно совести*».

[Практические работники] «только выполняли, что с них требовали положения, инструкции, приказы. Ведь *эти же люди, что работали тогда, работают и сейчас****, может быть, добавилось процентов десять, и за хорошую работу поощрялись не раз, являются на хорошем счету как работники».

«Горячее негодующее возмущение у всех сотрудников МВД... Просто удивляешься, сколько жёлчи в этом произведении... Он специально настраивает народ на МВД!.. И почему наши Органы разрешают издеваться над работниками МВД?.. *Это нечестно!*»

(Анна Филипповна Захарова, Иркутск. обл.,
в МВД с 1950, в партии с 1956)

Слушайте, слушайте! *Это нечестно!* — вот крик души. 45 лет терзали туземцев — и это было честно. А повесть напечатали — это нечестно!

«Такой дряни ещё не приходилось переваривать... И это не только моё мнение, много нас таких,

*имя нам легион****».*

* Мы? — только выполняли приказ», «мы не знали».

** Железняк и меня самого «помнит»: «прибыл в кандалном этапе, выделялся склочным характером; потом был отправлен в Джекказган и там вместе с Кузнецовым был во главе восстания»...

*** Очень важное свидетельство!

**** Верно, что легион — верно. Только впопыхах не проверили по Евангелию цитату. Легион-то — бесов...

Да короче:

«Повесть Солженицына должна быть немедленно изъята из всех библиотек и читален».

(А. Кузьмин, Орёл)

Так и сделано постепенно*.

«Эту книгу надо было не печатать, а передать материал в органы КГБ».

(Аноним**, ровесник Октября)

Да так почти и произошло, угадал ровесничек.

И ещё другой Аноним, уже поэт:

Ты слышишь, Россия,
На совести нашей
Единого пятнышка нет!

Опять это «инкогнито проклятое»! Узнать бы — сам ли расстреливал, или только посылал на смерть, или обыкновенный ортодокс, — и вот тебе аноним! Аноним без пятнышка...

И наконец, — широкий философский взгляд:

«История никогда не нуждалась в прошлом (?), и тем более не нуждается в нём история социалистической культуры».

(А. Кузьмин)

История не нуждается в прошлом! — вот до чего договорились Богомыслы. А в чём же она нуждается? — в будущем, что ли?.. И вот они-то пишут историю...

И что можно сейчас возразить всем им, всем им против их слитного невежества? И как им сейчас можно объяснить?

Ведь истина всегда как бы застенчива, она замолкает от слишком наглого напора лжи.

Долгое отсутствие свободного обмена информацией внутри страны приводит к пропасти непонимания между целыми группами населения, между миллионами — и миллионами.

Мы просто *перестаём быть единым народом*, ибо говорим действительно на разных языках.

* * *

А всё-таки прорыв совершился! Уж как была крепка, как надёжна казалась навек отстроенная стена лжи — а зазияла брешь. Ещё вчера у нас никаких лагерей не было, никакого Архипелага — а сегодня всему народу и всему миру увиделось: лагеря! да ещё фашистские!

Как же быть?? Многолетние мастера выворачивания! изначальные хвalebщики! — да неужели вы это стерпите! Вы — и оробеете? Вы — и поддадитесь?..

* А окончательно — секретным приказом Главного Управления по охране Государственных тайн в печати № 10 ДСП от 14.2.1974 — изъять и истребить «Ивана Денисовича», «Матрёнин двор» и другие опубликованные рассказы (подпись *Романов*).

** На всякий случай тоже прячется: чёрт его знает, куда ещё рванёт ветер!..

Да конечно же нет! Мастера выворачивания первые и хлынули в эту брешь. Они как будто годами только её и ждали, чтобы наполнить её своими серокрылатыми телами и радостным — именно радостным! — хлопанием крыльев закрыть от изумлённых зрителей собственно Архипелаг.

Их первый крик — мгновенно найденный, инстинктивный — был: *это не повторится!* Слава Партии! — это не повторится!

Ах, умницы, ах, мастера заделки! Ведь если «это не повторится», так уж само собой приразумевается, что *сегодня* этого нет! В будущем — не будет, а сегодня конечно же не существует!

Так ловко хлопали они своими крыльями в бреши — и Архипелаг, едва появившись взорам, уже стал и миражом: его и нет, и не будет, ну, может быть, разве только — был... Так ведь — *культ личности!* (Удобный этот «культ личности»! — выпустил изо рта, и как будто что-то объяснил.) А что действительно есть, что осталось, что наполняет брешь и что пребудет вовек — это «Слава Партии!» (Сперва как будто слава за то, что «не повторится», а потом и сразу почти уже как будто слава и за сам Архипелаг, это сливается, не разделишь: ещё и журнала того не достали с пресловутой повестью, но всюду слышим: «Слава Партии!» Ещё не дочитали до того места, как плёткой бьют, но со всех сторон гремит: «Слава Партии!»)

Так херувимы лжи, хранители Стены, прекрасно справились с первым моментом.

Но брешь всё-таки оставалась. И крылья их не могли на том успокоиться.

Второе усилие их было — подменить! Как фокусник, почти не закрывая платочком, меняет курицу на апельсин, так подменить и весь Архипелаг, и вместо того, который в повести показан, представить зрителям уже совсем другой, гораздо более благородный. Сперва попытки эти были осторожны (предполагали, что автор повести близок к трону), и подмену надо было делать, непрерывно хвала мою повесть. Ну, например, рассказывать об Архипелаге «от очевидцев» — о коммунистах в лагере, которые, правда,

«не собирали партийных взносов, но проводили ночами тайные партийные собрания (?), обсуждали политические новости... За пение шёпотом «Интернационала» по доносам стукачей гноились в карцерах... Бандеровцы, власовцы издевались над настоящими коммунистами и калечили их заодно (!) с лагерным начальством... Но всего этого Солженицын нам не показал. Что-то в этой страшной жизни он не сумел рассмотреть».

А автор рецензии и в лагере не был, но — рассмотрел. Ну не ловко? Лагеря-то, оказывается, были — не от Советской власти, не от Партии! (Наверно, и суды были — не советские.) В лагерях верховодили-то власовцы и бандеровцы *заодно* с начальством. (Вот тебе раз! А мы Захаровы поверили, что у начальников лагерных — партийные книжки, и были всегда.)

Да ещё не всех в московской газете печатают. Вот наш рязанский вожак писатель Н. Шундик предложил в интервью для АПН, для Запада (да не напечатали, может, и АПН — *заодно*?..) ещё такой вариант оценки Архипелага:

«проклятье международному империализму, который спровоцировал все эти лагеря!»

А ведь умно! А ведь здорово. Но не пошло...

То есть в общем лагеря были какие-то иностранные, чужеродные, не наши, то ли берианские, то ли власовские, то ли немецкие, чёрт их знает, а *наши* люди там только сидели и мучились. Да и «наши»-то люди — это не все

наши люди, обо всех «наших» газетных столбцов не хватит, «наши» — это только коммунисты!

Вместе с нами протаскившись по всему быту Архипелага, читатель может ли теперь увидеть такое место и такое время, когда подходила пора петь «Интернационал» шёпотом? Спотыкаясь после лесоповала — небось не попоёшь? Разве только если целый день ты просидел в каптёрке, там же и петь.

А — о чём ночные партийные собрания (опять же — в каптёрке или в санчасти, и уж тогда дневные, зачем же ночью)? Выразить недоверие ЦК? Да вы с ума сошли! Недоверие Берии? Да ни в коем случае, он член Политбюро! Недоверие ГБ? Нельзя, её создал сам Дзержинский! Недоверие нашим советским судам? Это всё равно что недоверие Партии, страшно и сказать. (Ведь ошибка произошла *только с тобой одним* — так что и товарищей надо выбирать поосторожней, они-то осуждены — правильно.)

Простой шофёр А.Г. Загоруйко, не убеждённый порханьем этих крыльев, пишет мне:

«Не все были, как Иван Денисович? А какими же были? Непокорными, что ли? Может быть, в лагерях действовали «отряды сопротивления», возглавляемые коммунистами? А против кого они боролись? Против партии и правительства?»

Да что за крамола! Какие могут быть «отряды сопротивления»?.. А тогда — о чём собрания? О неуплате членских взносов? — так не собирали... Обсуждать политические новости? — зачем же для этого непременно собрания? Сойдись два носа верных (да ещё подумай, кто верен) и — шепотком... Вот только о чём единственном могли быть партийные собрания в лагерях: как *нашим* людям захватить все придурочьи места и уцелеть, а не-наших, не-коммунистов — спихнуть, и пусть сгорают в ледяной топке лесоповала, задыхаются в газовой камере медного рудника!

И больше не придумать ничего делового — о чём бы им толковать.

Так, ещё в 1962 году, ещё моя повесть не дошла до читателя, — наметили линию, как будут дальше подменять Архипелаг. А постепенно, узнавая, что автор совсем не близок к трону, совсем не имеет защиты, что автор — и сам мираж, мастера выворачивания смелели.

Оглянулись они на повесть — да что ж мы сробели? да что ж мы ей славу пели (по холуйской привычке)? «Человек ему [Солженицыну] не удался... В душу человека... он побоялся заглянуть». Рассмотрелись с героем — да он же «идеальный негерой»! Шухов — он и «одинок», он и «далёк от народа», живёт, ничтожная личность, желудком — и не борется! Вот что больше всего стало возмущать: *почему Шухов не борется?* Свергать ли ему лагерный режим, идти ли куда с оружием — об этом не пишут, а только: почему не борется?? (А уж готов был у меня сценарий о кенгирском восстании, да не смел я свиток развернуть...)

Сами не показав нам ни эрга борьбы, — они требовали её от нас тонно-километрами!

Так и всегда. После рати много храбрых.

«Интересы Шухова, честно говоря, мелки. А самая страшная трагедия культура личности в том, что за колючей проволокой оказались настоящие передовые советские люди, соль нашей земли, подлинные герои времени», которые «тоже были не прочь закосить лишнюю порцию баланды... но доставали её не лакейством». (А — чем? Вот интересно — а как?)

«Солженицын сделал упор на мучительно трудных условиях. Он отошёл от суровой правды жизни». А правда жизни в том, что оставались «закалённые в огне борьбы», «взращённые ленинской партией», которые... что же? боролись? нет, «глубоко верили, что пройдёт мрачное время произвола».

«Убедительно описаны некоторыми авторами муки недоедания. Но кто может отрицать, что муки мысли во сто крат сильнее голода?» (Особенно если ты его не испытал.)

А в том и муки их мысли: что же будет? как будет? когда нас помилюют? когда ж нас опять призвуют руководить?

Так ведь и весь XXII съезд был о том: кому хотели памятник ставить? Погибшим коммунистам. А просто погибшим Иванам? Нет, о них речи не было, их и не жаль. (В том-то и мина была «Ивана Денисовича», что подсунули им простого Ивана.)

Порхали, трепали крыльями в бреши не уставая, уже второй год подряд. А кто мог паутинкой легенды затягивать — затягивал. Вот, например, «Известия» (25.4.1964) взялись поучить нас и как надо было бороться: оказывается, бежать надо было из лагеря! (не знали наши беглецы адреса автора статьи Н. Ермоловича! вот бы у кого и перекрыться!.. Но вообще советик вредный: ведь побег подрывает МВД). Ладно, бежать, а — дальше?

Некий Алексей, повествуют «Известия», но почему-то фамилии его не называют, якобы весной 1944 бежал из Рыбинского лагеря на фронт — и там сразу был *охотно* взят в часть майором-политработником («круто тряхнул головой, отгоняя сомнения»), фамилии майора тоже нет. Да взят не куда-нибудь, а в полковую разведку! да отпущен в поиск! (Ну, кто на фронте был, скажите: майору этому погону не дороги? партбилет не дорог? В 41-м ещё можно так было рискнуть, но в 44-м — при налаженной отчётности, при СМЕРШе?) Получил герой орден Красного Знамени (а как его по документам провели?), после войны «поспешил уйти в запас».

А второго называют нам полностью: немецкий коммунист Ксавер Шварцмюллер, бежал к нам от Гитлера в 1933, арестован в 1941 как немец (это правдоподобно). Ну, сейчас мы узнаем, как должен бороться в лагере истинный коммунист! Официальное извещение: умер в Чистополе 4.6.1942 (загнулся на первых шагах в лагере, очень правдоподобно, особенно для иностранца), реабилитирован посмертно в 1956. А где же — боролся? А вот что: есть слух, что в 1962 году его якобы видели в Риге (одна баба). *Значит, он бежал!* Кинулись проверять «лагерный акт смерти» (расписку, неровно оборванную) — и представьте: там *отсутствует фотография!* Вы слышите, какая небывальщина: с умершего лагерника (после того, как его штыком прокололи) вдруг не сделана фотография! Да где ж это видано? Ну ясно: он бежал и всё это время боролся! Как боролся? Неизвестно. Против кого? Неизвестно. А сейчас почему не открывается? Непонятно.

Такие басни тачают нам главный правительственный орган.

Такой паутинкой легенд хотят закрыть от нас зинувший Архипелаг!

Из тех же «Известий» вот легенда ещё: в новейшее время сын узнал о посмертной реабилитации отца. И какое же его главное чувство? Может быть, гнев, что отца его укокали ни за что? Нет — радость, облегчение: какое счастье узнать, что отец был невиновен перед Партией!

Выдавливал из себя каждый паутинку, какую может. Одна на одну, одна на одну — а всё-таки бел-свет затягивается, а всё-таки уже не так просматривается Архипелаг.

А пока это всё плели и ткали, пока крыльями в бреши усиленно хлопали, сзади, по той стороне стены, подмащивались лесами и взбирались наверх главные в этом деле каменщики: чтобы немножко писатели, но чтоб и потерпевшие, чтоб и сами в лагере посидели, а то ведь и дураки не поверят, — подмащивались Борис Дьяков, Георгий Шелест, Галина Серебрякова да Алдан-Семёнов.

Ретивости у них не отнять, они на эту брешь ещё с первых дней замахивались, они на неё сразу безо всяких ещё подмостей самоножно прыгали и расвор туда шлёпали, да не доставали.

Серебрякова — та плиту готовую принесла в затычку — закрыть пробоину, и ещё с избытком: принесла роман об ужасах следствия над коммунистами — как глина вырывали, как ногами топтали. Но объяснили ей, что не подходит камень, не туда, что это новая дырка только будет.

А Шелест, бывший комбриг ВЧК, ещё и прежде предлагал свой рассказ «Самородок» в «Известия», да пока тема была не разрешена — на кой он? Теперь, за 12 дней до пробоины, но уже зная, где она пройдёт, наложили «Известия» шелестовский пластырь. Однако не удержал: пробило, как и не было.

Ещё дымилось в стене — стал подскакивать Дьяков, нашвыривать туда свои «Записки придурка». Да кирпич лакшинской рецензии как раз ему на голову свалился: разоблачили Дьякова, что он в лагере шкуру спасал, больше ничего.

Нет, так не пойдёт. Нет, тут надо основательно. И стали строить леса.

Ушло на это полтора года, перебивались пока газетными статьями, порханьем перепончатых крыльев. А как подмостились и кран подвели — тут кладка пошла вся разом: в июле 1964 — «Повесть о пережитом» Дьякова, «Барельеф на скале» Алдан-Семёнова, в сентябре — «Колымские записи». В том же году в Магадане выскочила и книжечка Вяткина «Человек рождается дважды».

И — всё. И — заложили. И спереди, на месте закладки, совсем другое нарисовали: пальмы, финики, туземцы в купальных костюмах. Архипелаг? Как будто Архипелаг. А подменили? Да, подменили...

Я этих книг уже коснулся, говоря о благонамеренных (Часть третья, глава 11), и если бы расхождение наше с ними кончалось литературой, не было бы потребности мне на них и отзываться. Но поскольку взялись они обогатить Архипелаг, — должен я пояснить, где именно у них декорация. Хотя читатель, одолевший всю мою вот эту книгу, пожалуй, и сам легко разглядит.

Первая и главная их ложь в том, что на *их* Архипелаге *не сидит народ*, наши Иваны. Порознь или вместе нахулав, но лгут они дружно тем, что делят заключённых на: 1) честных коммунистов (с частным подразделением — беспартийные пламенные коммунисты) и 2) белогвардейцев-власовцев-полицаяв-бандеровцев (вали в кучу).

Но все перечисленные вместе составляли в лагере не более 10–15 %. А остальные 85 % — крестьяне, интеллигенция и рабочие, вся собственно Пятьдесят Восьмая и все бесчисленные несчастные «указники» за катушку ниток и за подол колосков — у них не вошли, пропали! А потому пропали, что эти авторы *искренне не заметили* своего страдающего народа! Это было для них и не существует, раз, вернувшись с лесоповала, не поёт шёпотом «Интернационал». Глухо упоминает Шелест о сектантках (даже не о сектантах, он их в мужских лагерях не видел!), где-то промелькнул у него один ничтожный вредитель (так и понимаемый как вредитель), один ничтожный бытовик — и всё. И все национальности окраин тоже у них выпали. Уж Дьяков по времени своей сидки мог бы заметить хоть прибалтийцев? Нет, нету! (Они б и западных украинцев скрыли, да уж те слишком активно себя вели.)

Весь туземный спектр выпал у них, только две крайние линии остались! Ну да ведь это для схемы и нужно, без этого схему не построишь.

У Алдан-Семёнова кто в бригаде единственная продажная душа? — единственный там крестьянин — Девяткин. У Шелеста в «Самородке» кто простачок-дурачок? Единственный там крестьянин Голубов. Вот их отношение к народу!

Вторая их ложь в том, что *лагерного труда* у них либо вовсе нет, их герои обычно — придурки, освобождённые от настоящего лагерного труда и проводящие дни в каптёрках, или за бухгалтерскими столами, или в санчасти (у Серебряковой — сразу 12 человек в больничной палате, «прозванной коммунистической». Да кто ж это их собрал? Да почему ж одни коммунисты? Да не по благу ли их поместили сюда на отдых?..); либо это какое-то нестрашное, неизмощающее, неубивающее картонное занятие. А ведь десяти-двенадцатичасовой труд — главный вампир. Он и есть полное содержание лагерного дня и всех дней Архипелага.

Третья их ложь в том, что у них в лагере не лязгает зубами *голод*, не поглощает каждый день десятки пеллагрических и дистрофиков. Никто не роется в помойках. Никто, собственно, не нуждается *думать, как не умереть до конца дня*. («ИТЛ — лагерь облегчённого режима», — небрежно бросает Дьяков. Посидел бы ты при том облегчённом режиме!)

Достаточно этих трёх лжей, чтобы исказить все пропорции Архипелага, — и реальность уже не осталась, истинного трёхмерного пространства уже нет. Теперь, согласно общему мировоззрению авторов и личной их фантазии, можно сочинять, складывать из кубиков, рисовать, вышивать и плести всё что угодно — в этом придуманном мире всё можно. Теперь можно и посвящать долгие страницы описанию высоких размышлений героев (когда кончится произвол? когда нас призовут к руководству?), и как они преданы делу Партии, и как Партия со временем всё исправит. Можно описывать всеобщую радость при подписке на заём (подписаться на заём вместо того, чтобы иметь деньги для ларька). Можно всегда безмолвную тюрьму наполнить разговорами (лубянский парикмахер спешит спросить, коммунист ли Дьяков... Бред). Можно вставлять в арестантские переключки вопросы, которые отвеку не задавались («Партийность?.. Какую должность занимал?..»). Сочинять анекдоты, от которых уже не смех, а понос: ээк подаёт жалобу вольнонаёмному секретарю партбюро на то, что некий вольный оклеветал его, ээка, члена партии! — в какие ослиные уши это надувается?.. (Дьяков). Или: ээк из конвоируемой колонны (благородный Петраков, сподвижник Кирова) заставляет всю колонну свернуть к памятнику Ленина и снять шапки, в том числе и конвоиров! — а автоматы же какой рукой?.. (Алдан-Семёнов).

У Вяткина колымское ворьё на разводе охотно снимает шапки в память Ленина. Абсолютный бред. (А если бы правда — не много б вышло Ленину почёта из того.)

Весь «Самородок» Шелеста — анекдот от начала до конца. Сдавать или не сдавать лагерю найденный самородок? — для этого вопроса нужна прежде всего отчаянная смелость: за неудачу — расстрел! (да и за сам вопрос ведь — расстрел). Вот они сдали — и ещё потребовал генерал устроить их звену обыск. А что было б, если б не сдали?.. Сам же упоминает автор и соседнее «звено латыша», у которого обыск был и на работе и в бараке. Так не стояла проблема — поддержать ли Родину или не поддержать, а — рискнуть ли четырьмя своими жизнями за этот самородок? Вся ситуация придумана, чтобы дать проявиться их коммунизму и патриотизму. (Другое дело — бесконвойные. У Алдан-Семёнова воруют самородки и майор милиции, и замнаркомнефти.)

Но Шелест всё-таки не угадал времени: он слишком грубо, даже с ненавистью говорит о лагерных хозяевах, что совсем недопустимо для ортодокса. А Алдан-Семёнов о явном злодее — начальнике прииска, так и пишет: «он был толковый организатор». Да вся мораль его такая: если начальник — хороший, то в лагере работать весело и жить почти свободно*. Так и Вяткин: у него палач

* Такое впечатление, что Алдан-Семёнов знает быт вольных начальников и места те видал, а вот быт заключённых знает плохо, то и дело у него *клюквы*: баптисты у него — «бездельничают», татарин-конвоир подкормил татарина-ээка, и *поэтому* решили ээки, что парень — стукач! Да не могли так решить, ибо конвой однодневен и стукачей не держит.

Колымы начальник Дальстроя Карп Павлов — то «не знал», то «не понимал» творимых им ужасов, то уже и перевоспитывается.

В нарисованную декорацию пришлось всё-таки этим авторам включить для похожести и детали подлинные. У Алдан-Семёнова: конвоир отбирает себе добытое золото; над отказчиками издеваются, не зная ни права, ни закона; работают при 53 градусах ниже ноля; воры в лагере блаженствуют; пенициллин *зажат* для начальства. — У Дьякова: грубое обращение конвоя; сцена в Тайшете около поезда, когда с эзков не управились номера снять, пассажиры кидали заключённым еду и курево, а конвоиры подхватывали себе; описание предпраздничного обыска.

Но эти штрихи используют авторы, чтобы только была им вера.

А главное у них вот что. Словами рецензий:

«В «Одном дне Ивана Денисовича» лагерная охрана — почти звери. Дьяков показывает, что среди них много таких, кто мучительно думали» (но ничего не придумали).

«Дьяков сохранил суровую правду жизни... Для него бесправие в лагерях это... фон (!), а главное то, что советский человек не склонил головы перед произволом... Дьяков видит и честных чекистов, которые шли на подвиг, да, на подвиг!»

(Этот подвиг — устраивать коммунистов на хорошие места. Впрочем, *подвиг* видят и у заключённого коммуниста Конокотина: он, «оскорблённый безумным обвинением... лишённый свободы... продолжал работать» препаратом! То есть в том подвиг, что не дал повод выгнать себя из санчасти на общие.)

Чем венчается книга Дьякова? «Всё тяжкое ушло» (погибших он не вспоминает), «всё доброе вернулось». «Ничто не зачёркнуто».

У Алдан-Семёнова: «Несмотря на всё — мы не чувствуем обиды». Хвала Партии — это она уничтожила лагерь! (Стихотворный эпилог.)

Да уничтожила ли?.. Не осталось ли чего?.. И потом — *кто их создал*, лагерь?.. Молчат.

А при Берии Советская власть была или нет? Почему она ему не помешала? Как же могло так статься, что у власти стоит народ и народ для народа допустил такую тиранию?

Наши авторы ведь не заботились о пайке и не работали, они всё время мыслили высоко, — так ответьте.

Молчат. Глушь...

Вот и всё. Дырка заделана и покрашена (ещё подмазал генерал Горбатов под цвет). И не было дырки в Стене! А сам Архипелаг если и был, то — какой-то призрачный, ненастоящий, маленький, не стоящий внимания.

Что ещё? На всякий случай ещё подмажут журналисты. Вот Мих. Берестинский по поручению неутомимой «Литгазеты» (кроме литературы, она ничего не упустит) съездил на станцию Ерцево. И сам ведь, оказывается, сидел. Но как глубоко он растроган *новыми* хозяевами островов: «Невозможно даже представить себе в сегодняшних исправтудорганах, в местах заключения, людей, хотя бы отдалённо напоминающих Волкового...» Теперь это подлинные коммунисты. Суровые, но добрые и справедливые люди. Не надо думать, что это бескрылые ангелы... (Очевидно, такое мнение всё же существует... — А.С.) Заборы с колючей проволокой, сторожевые вышки, увы, пока нужны. Но офицеры *с радостью* рассказывают, что всё меньше и меньше поступает «контингента»^{***}. (А чему они радуются — что до пенсии не дотянут, придётся работу менять?)

* М. Чарный. Коммунисты остаются коммунистами // Литературная газета, 15 сентября 1964.

** Вспомним А. Захарову: *все те же и остались!*

*** Мих. Берестинский. Здравствуй, мама // Литературная газета, 5 сентября 1964.

Ма-аленький такой Архипелажик, карманный. Очень необходимый. Таёт, как леденец.

Кончили заделку. Но, наверно, на леса ещё лезли доброхоты с мастерками, с кистями, с ведрами штукатурки.

И тогда крикнули на них:

— Цыц! Назад! *Вообще не вспоминать!* Вообще — забыть! Никакого Архипелага не было — ни хорошего, ни плохого. Вообще — замолчать!

Так первый ответ был — судорожное порханье.

Второй — основательная закладка пролома.

Третий ответ — забытьё.

Право *воли* знать об Архипелаге вернулось в исходную глухую точку — в 1953 год.

И спокойно снова любой литератор может распускать благононии о перековке блатных. Или снимать фильм, где служебные собаки сладострастно рвут людей.

Всё делать так, как бы не было ничего, никакого пролома в Стене.

И молодёжь, уставшая от этих поворотов (то в одну сторону говорят, то в другую), машет рукой — никакого «культа», наверно, не было, и никаких ужасов не было, очередная трепотня. И идёт на танцы.

Верно сказано: пока бьют — пота́ и кричи! А после кричать станешь — не поверят.

* * *

Когда Хрущёв, вытирая слезу, давал разрешение на «Ивана Денисовича», он ведь твёрдо уверен был, что это — про сталинские лагеря, что у него о — таких нет.

И Твардовский, хлопоча о верховной визе, тоже искренне верил, что это — о прошлом, что это — кануло.

Да Твардовскому простительно: весь публичный столичный мир, окружавший его, тем и жил, что вот — *оттень*, что вот — *хватать* прекратили, что вот — два очистительных съезда, что вот возвращаются люди из небытия, да много их! За красивым розовым туманом реабилитацией скрылся Архипелаг, стал невидим вовсе.

Но я-то, я! — ведь и я поддался, а мне непростительно. Ведь и я не обманывал Твардовского! Я тоже искренне думал, что принёс рассказ — о прошлом. Уж мой ли язык забыл вкус баланды? — я ведь клялся не забывать. Уж я ли не усвоил природы собаководов? Уж я ли, готовясь в летописцы Архипелага, не осознал, до чего он сроден и нужен государству? О себе, как ни о ком, я уверен был, что надо мною не властен этот закон:

Дело-то забывчиво, тело-то заплывчиво.

Но — заплыл. Но — влип... Но — поверил... Благодушию метрополии поверил. Благополучию своей новой жизни. И рассказам последних друзей, приехавших *оттуда*: мягко стало! режим послабел! выпускают, выпускают! целые зоны закрывают! эмведешников увольняют...

Нет, — прах мы есть! Законам праха подчинены. И никакая мера горя не достаточна нам, чтоб навсегда приучиться чутя боль общую. И пока мы в себе не превзойдём праха — не будет на земле справедливых устройств — ни демократических, ни авторитарных.

Так неожидан оказался мне ещё третий поток писем, от эзков н ы н е ш н и х, хотя он-то и был самый естественный, хотя его-то и должен был я ждать в первой черед.

На измятых бумажках, истирающимся карандашом, потом в конвертах случайных, написанных уже часто вольняшками и отправленных, значит, *по левой*, — слал мне свои возражения, и даже гнев, — сегодняшний Архипелаг.

Те письма были тоже общий слитный крик. Но крик: «*А мы!?!?*»

Ведь газетный шум вокруг повести, изворачиваясь для нужд воли и за-границы, трубился в том смысле, что: «это — было, но никогда не повторится».

И взвыли ээки: как же не повторится, когда мы *сейчас сидим*, и в тех же условиях?!

«Со времён Ивана Денисовича ничего не изменилось», — дружно писали они из разных мест.

«Зэк прочтёт вашу книгу, и ему станет горько и обидно, что всё осталось так же».

«Что изменилось, если остались в силе все законы 25летнего заключения, выпущенные при Сталине?»

«Кто же сейчас *культ личности*, что опять сидим ни за что?»

«Чёрная мгла закрыла нас — и нас не видят».

«Почему же остались безнаказанны такие, как Волковой?.. Они и сейчас у нас опостытели».

«Начиная от захудалого надзирателя и кончая начальником управления, все кровно заинтересованы в существовании лагерей. Надзорсостав за любую мелочь фабрикует Постановление; оперы чернят личные дела... Мы, двадцатипятилетники, — булка с маслом, и ею насыщаются те порочные, кто призваны наставлять нас добродетели. Не так ли колонизаторы выдавали индейцев и негров за неполноценных людей? Против нас восстанавить общественное мнение ничего не стоит, достаточно написать статью «Человек за решёткой»*... и завтра народ будет митинговать, чтобы нас сожгли в печах».

Верно. Ведь всё верно.

«Ваша позиция — арьергард!» — огорошил меня Ваня Алексеев.

И от всех этих писем я, ходивший для себя в героях, увидел себя виноватым кругом: за десять лет я потерял мое чувство Архипелага.

Для *них*, для сегодняшних эзков, моя книга была — не в книгу, и правда — не в правду, если не будет продолжения, если не будет дальше сказано ещё и о *них*. Чтоб сказано было — и чтоб изменилось! Если слово не о деле и не вызовет дела, — так и на что оно? ночной лай собак на деревне?

* И. Касюков и Н. Мончадская. Человек за решёткой // Советская Россия, 27 августа 1960. Инспирированная правительственными кругами статья, положившая конец недолгой (1955–1960) мягкости Архипелага. Авторы считают, что в лагерях созданы «благотворительные условия», в них «забывают о каре»; что «з/к не хотят знать своих обязанностей», «у администрации куда меньше прав, чем у заключённых» (?). Уверяют, что лагеря — это «бесплатный пансионат» (почему-то не взыскивают денег за смену белья, за стрижку, за комнаты свиданий). Возмущены, что в лагерях только 40-часовая неделя и даже будто бы «для заключённых труд не является обязательным» (?). Призывают: «к суровым и трудным условиям», чтобы преступник *боляся* тюрьмы (тяжёлый труд, жёсткие нары без матрасов, запрет вольной одежды), «никаких ларьков с конфетками» и т. д., к отмене досрочного освобождения («а если нарушишь режим — *сиди дальше!*»). И ещё — «чтобы, отбыв срок, заключённый не рассчитывал на милосердие».

(Я рассуждение это хотел бы посвятить нашим модернистам: вот *так* наш народ привык понимать литературу. И не скоро отвыкнет. И надо ли отвыкать?)

И очнулся я. И снова различил всё стоящую, знакомую, прежнюю скальную громаду Архипелага, его серые контуры в вышках.

Состояние советского общества хорошо описывается физическим полем. Все силовые линии этого поля направлены от свободы к тирании. Эти линии очень устойчивы, они врезались, они вкаменелись, их почти невозможно взвихрить, сбить, завернуть. Всякий внесенный заряд или масса легко сдуваются в сторону тирании, но к свободе им пробиться — невозможно. Надо запрячь десять тысяч волов.

Теперь-то, после того как книга моя объявлена вредной, напечатание её признано ошибкой («последствия волюнтаризма в литературе»), изымается она уже и из вольных библиотек, — упоминание одного имени Ивана Денисовича или моего стало на Архипелаге непоправимой крамолой. Но тогда-то! тогда — когда Хрущёв жал мне руку и под аплодисменты представлял тем трём сотням, кто считал себя элитой искусства; когда в Москве мне делали «большую прессу» и корреспонденты томились у моего гостиничного номера; когда громко было заявлено, что партия и правительство *поддерживают* такие книги; когда Военная Коллегия Верховного Суда гордилась, что меня реабилитировала (как сейчас, наверно, раскаивается), и юристы-полковники заявляли с её трибуны, что книгу эту в лагерях *должны читать!* — тогда-то немые, безгласные, ненаименованные силы поля невидимо упёрлись — и книга остановилась! *Тогда* остановилась! И в редкий лагерь она попала законно, так, чтоб её брали читать из библиотеки КВЧ. Из библиотек её изымали. Изымали её из бандеролей, приходивших кому-то с воли. Тайком, под полой, приносили её вольняшки, брали с зэков по 5 рублей, а то будто и по 20 (это — хрущёвскими тяжёлыми рублями! и это — с зэков! но, зная бессовестность прилагерного мира, не удивишься). Зэки проносили её в лагерь через шмон, как нож; днём прятали, а читали по ночам. В каком-то североуральском лагере для долговечности сделали ей металлический переплёт.

Да что говорить о зэках, если и на сам прилагерный мир распространился тот же немой, но всеми принятый запрет. На станции Вис Северной железной дороги *вольная* Мария Асеева написала в «Литгазету» одобрительный отзыв на повесть — и то ли в ящик почтовый бросила, то ли неосторожно оставила на столе, — но через 5 часов после написания отзыва секретарь парторганизации В.Г. Шишкин обвинял её в политической провокации (и слова-то находят!) — и тут же она была *арестована**.

В Тираспольской ИТК-2 заключённый скульптор Л. Недов в своей придурочной мастерской лепил фигуру заключённого, сперва из пластилина. Начальник режима капитан Солодянкин обнаружил: «Да ты заключённого делаешь? Кто дал тебе право? Это — *контрреволюция!*»

* Чем кончилась история — так и не знаю.

Скульптура Л. Недова

Схватил фигурку за ноги, разордал и на пол швырнул половинки: «Начитался каких-то Иванов Денисовичей!» (Но дальше не растоптал, и Недов половинки спрятал.) По жалобе Солодянкина Недов был вызван к начальнику лагеря Бакаеву, но за это время успел в КВЧ раздобыть несколько газет. «Мы тебя судить будем! Ты настраиваешь людей против советской власти!» — загремел Бакаев. (А понимают, чего стоит вид зэка!) «Разрешите сказать, гражданин начальник... Вот Никита Сергеевич говорит... Вот товарищ Ильичёв...» — «Да он с нами как с равными разговаривает!» — ахнул Бакаев. — Лишь через полгода Недов отважился снова достать те половинки, склеил их, отлил в баббите и через вольного отправил фигуру за зону.

Начались по ИТК-2 поиски повести. Был общий генеральный шмон в жилой зоне. Не нашли. Как-то Недов решил им отомстить: с «Гранит не плавится» Тевекеляна устроил вечером, будто от комнаты загородясь (при стукачах ребят просил прикрыть), а чтоб в окно было видно. Быстро стукнули. Вбежали трое надзирателей (а четвёртый извне через окно смотрел, кому он передаст). Овладели! Унесли в надзирательскую, спрятали в сейф. Надзиратель Чижик, руки в боки, с огромной связкой ключей: «Нашли книгу! Ну, теперь тебя посадят!» Но утром офицер посмотрел: «Эх, дураки!.. Верните».

Так читали зэки книгу, «одобренную партией и правительством»!..

* * *

В заявлении советского правительства от декабря 1964 года говорится: «Виновники чудовищных злодеяний ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах не должны избежать справедливого возмездия... Ни с чем не сравнимы злодеяния фашистских убийц, стремившихся уничтожить целые народы».

Это — к тому, чтобы в ФРГ не разрешить применять сроков давности по прошествии двадцати лет.

Только вот с а м и х с е б я судить не хочется, хотя бы и «стремились уничтожить целые народы».

У нас много печатается статей о том, как важно наказывать сбежавших западно-германских преступников. Есть просто специалисты по таким статьям: какая моральная подготовка должна была быть проведена нацистами, чтобы массовые убийства показались им естественными и нравственными? Теперь законодатели ищут защиты в том, что не они же исполняли приговоры. А исполнители — в том, что не они же издавали законы.

Как знакомо... Мы только что прочли у наших *практических*: «Содержание заключённых связано с исполнением приговора... Охрана не знала, кто за что сидит».

Так надо было *узнать*, если вы люди! Потому вы и злодеи, что не имели ни гражданского, ни человеческого взгляда на охраняемых людей. А разве не было инструкций и у нацистов? А разве не было у нацистов веры, что они спасают арийскую расу?

Да и наши следователи не запнуты (уже не запинаятся) ответить: а зачем же заключённые сами на себя показывали? Надо было, мол, твёрдо стоять, когда мы их пытали! А зачем же доносчики сообщали ложные факты? Ведь мы опирались на них как на свидетельские показания.

Было короткое время — они забеспокоились. Уже упомянутый В.Н. Ильин (бывший ген.лейтенант МГБ) сказал по поводу Столбунского (следователя генерала Горбатова, тот помянул его): «Ай, ай, как нехорошо! Ведь у него теперь неприятности начались. А человек хорошую пенсию получает». — Да потому кинулась писать и А.Ф. Захарова — взволновалась, что скоро за всех возьмутся; и о капитане Лихошерстове (!), которого «очернил» Дьяков, написала горячо. «Он и сейчас капитан, секретарь парторганизации (!), *трудится* на сельхозе. И представляете, как ему трудно сейчас *работать*, когда о нём такое пишут! Идёт разговор, что Лихошерстова будут *разбирать* и *чуть ли не привлечь!*» Да за что?! Хорошо, если это только разговор, а не исключена возможность, что и додумаются. Вот уж это произведёт настоящий фурор среди сотрудников МВД. Разбирать за то, что он *выполнял все указания, которые давались сверху?* А теперь он должен отчитываться за тех, кто давал эти указания? Вот это здорово! Стрелочник виноват!»

Но переполох быстро кончился. Нет, *отвечать* никому не придётся. *Разбирать* не будут никого.

Может быть, вот штаты немного кое-где сократились, да ведь перетерпеть — и расширятся! А пока гебисты, кто ещё не дослужил до пенсии или кому надо к пенсии добрать, пошли в писатели, в журналисты, в редакторы, в лекторы-антирелигиозники, в идеологические работники, кто — в директоры предприятий. Сменив перчатки, они по-прежнему будут нас вести. Так и надёжнее. (А кто хочет пребывать на пенсии — пусть благоденствует. Например, подполковник в отставке Хурденко. Подполковник, экий чин! — небось батальоном командовал? Нет, в 1938 году начал с простого вертухая, держал кишку насильственного питания.)

А в архивных управлениях пока, не торопясь, просматривают и уничтожают все лишние документы: расстрельные списки, постановления на ШИЗО и БУРы, материалы лагерных следствий, доносы стукачей, лишние данные о Практических Работниках и конвоирах. Да и в санчасти, и в бухгалтерии — везде найдутся лишние бумаги, лишние следы...

...Мы придём и молча сядем на пиру.
Мы живые были вам не ко двору.
А сегодня мы безмолвны и мертвы,
Но и мёртвых нас ещё боитесь вы!

(Виктория Гольдовская, *колымчанка*)

* Она не допускает — «судить», этого и язык не выговорит.

Заикнёмся: а что, правда, всё стрелочники да стрелочники? А как — со Службой Движения? А повыше, чем вертухаи, *практические работники* да следователи? Те, кто только указательным пальцем шевелил? Кто только с трибуны несколько слов...

Ещё раз, как это? — «виновники чудовишных злодеяний... ни при каких обстоятельствах... справедливого возмездия... ни с чем не сравнимы... стремившихся уничтожить целые народы...»

Тш-ш-ш! Тш-ш-ш! Потому-то в августе 1965 года с трибуны Идеологического Совещания (закрытого совещания о Направлении наших умов) и было возглашено: «*Пора восстановить полезное и правильное понятие “враг народа”!*»

СОДЕРЖАНИЕ ГЛАВ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ТЮРЕМНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

ГЛАВА 1. АРЕСТ

Как попадают на Архипелаг. — Ощущения ареста. — «За что?» — Традиционный арест. — Как ведут обыск. — Преимущества ночных арестов. — Классификация арестов. — Наука обыска. — Изобретательность в арестах. — Неподготовленность к сопротивлению. — Побег Андрея Павла. — Механика арестных эпидемий. — «Разберутся — выпустят», всеобщее бездействие. — А как можно бы сопротивляться! — Околичности ареста. — Что в мыслях. — Облегчение от ареста. — Кричать? — Почему молчал я.

Мой арест. — Комбриг Травкин. — Армейская контрразведка. — Три танкиста. — Живой шпион. — Шутки на opravке.

ГЛАВА 2. ИСТОРИЯ НАШЕЙ КАНАЛИЗАЦИИ

Крупнейшие потоки: раскулачивание, послевоенный и 1937. — Органы упражнялись постоянно.

Посадки сразу после Октября. — Ленинский лозунг «очистки от насекомых». — Определение «насекомых». — Уникальность ВЧК. — Народные восстания в защиту церквей. — Провинциальные «заговоры». — Система заложников. — Сущность Красного террора. — Потоки социалистов. — Поток вернувшихся на родину. — «Околокадетская» интеллигенция. — Кто сопротивлялся продотрядам. — Добывание белогвардейцев. Потопление барж. — Революционное правосознание. — Уголовные потоки само собой. — Концентрационные лагеря в Тамбовской губернии. — Кронштадтские матросы. — Усиление репрессий в 1921. — Комитет содействия голодающим. — Посадки студентов, забастовка МВТУ. — Большой Пасьянс социалистов. — ЧК и живоцерковники. — Потоки священников, религиозных философов, просто верующих. — «Монашки». — Проститутки. — Первые национальные потоки. — Студенческие. — Выматывание офицеров. — Судьба их семей. — Казаки с Лемноса. — Бывшие чиновники. — «За сокрытие соцпроисхождения». — Кому удалось пробиться обратно. — Остатки политического Красного Креста. — Войковский набор. — *Социальная профилактика*. — Варенцов, музыкальные вечера. — Лицейсты и правоведы. — Инженеры-вредители. — «Предельщики». — Кто отказался осведом-

лять. — Первые публичные процессы. — Использовать народ как соучастника расправ. — Одинокие протесты. — «Шесть условий», поворот с инженерами. — Процесс «Союзного бюро меньшевиков». — Несостоявшийся процесс над «Трудовой Крестьянской партией». Группа Кондратьева-Чаянова. — Потоки, текущие всякое время (верующие, социалисты, национальности). — Группа историков, 1929. — «Рабочая оппозиция». — Троцкисты. — Нэпманы. — «Золотой» поток. — Поток при введении паспортной системы. — Поток раскулаченных, его особенности. — Термины «кулак» и «подкулачник». — Поток «вредителей» сельского хозяйства, за невыполнение хлебосдачи, поток «стригущих колоски». — Закон 7 августа 1932. — Кировский поток. — Потоки мелкие и всепопутные. — Десятый Пункт.

Обзор 58-й статьи УК и расширительное толкование её пунктов.

Поток 1937-38 годов. — Удар по руководящим кругам. — Бесконечные аплодисменты. — Процент чинов и рядовых. — Цифры-задания. — Частные потоки: возврат советских шпионов; ка-вэ-же-динцы; корейцы; латыши. — Конец Большого Пасьянса. — Интеллигенция. — Дело свердловских преподавателей. — Инженеры. — Че-эСы. — Обвинения непомерные и нелепые, в городе и в деревне. — Понятие «вины» — правый оппортунизм.

Антипоток 1939 года. — Потоки 1939: чехи, поляки, западные украинцы, западные белорусы, молдаване. — Пленники финской войны. — Аресты и расстрелы в начале войны в западных областях и Прибалтике. — «Распространители слухов и паники». — За радиодетали. — Поток немцев. — Поток окруженцев. — Аресты в армии на Дальнем Востоке. — Генеральский поток. — Поток небезжавших москвичей. — Поток военных от приказа № 227. — Поток с оккупированных территорий (58-1-а), бывших пленников (58-1-б). — За что их всех судили на самом деле. — «Африканцы». — Группа Каденко. — Ссылка наций 1943-44, как она происходила. — «Военные преступники» немецкие и японские. — Поток русских эмигрантов. — Власовцы. — Гражданские беженцы от советской власти. — Как Запад скрыл их выдачу. — Армия Крайова. — Бандеровцы. — «Девушки за иностранцев». — Испанские дети. — Противопоток священников.

Система потоков уголовных и бытовых. — Пульсация Указов. — Закон «четыре шести». — Двадцатипятилетний срок. — Бытовое недоносительство. — Повторники 1948-49. — «Дети-мстители». — Потоки 1948-50. — Разгласители государственных тайн. — Бандеровцы и жители Западной Украины. — *Социальная профилактика* в Прибалтике. — Греки с Кавказа. — Евреи, «дело врачей».

Пустых тюрем не бывало.

ГЛАВА 3. СЛЕДСТВИЕ

Кто б ожидал пыток в XX веке? — Не надо вспоминать.

Следствие — протаскивание через трубу. — Дутые «дела» первых советских лет. — Поиски несуществующих вин. — Не вина, а к какому классу принадлежит. — Оттуда не возвращаются. — Дознание? — Наган на стол. — Ночные допросы. — Жаркие камеры. — пытки были все-

гда. — Категории арестантов, подлежащие пыткам. — Группа Ромуальдаса Скирюса. — Личное признание вместо улик, теория Вышинского. — Как внедрялась практика пыток. — Преимущества лёгких приёмов. — Психические приёмы. — Физические. — Их комбинированность. — Бессонница. — Следовательский конвейер. — Клопяной бокс. — Карцеры. — Голод. — Битьё. — Взнуздание.

Неподготовленность к следствию. — Интеллигентские просчёты. — Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы, их неведомые статьи. — Как используется одиночество подследственного. — Переполнение следственных камер (1918, 1931, 1937, 1945) и его воздействие. — Некоторые пытки. — Дубинка Рюмина. — За бороду и усы. — Самое страшное. — Камерные уговоры к сдаче. — Аргументы ортодоксов. — Чего сами ортодоксы стоят. — Кто от всего отрёкся. — Бердяев в 1922. — Верующая старушка. — Как держались на следствии прежние русские революционеры. — Сравнение следствия царского и советского.

Моё следствие. — Сажа из лубяных труб.

Органы не ищут доказательств. — Как следователи растягивают следствие. — Допрос у прокурора. — Двести шестая статья. — Подписка о неразглашении.

ГЛАВА 4. ГОЛУБЫЕ КАНТЫ

Мы не видим наших следователей. — Как их объяснить? — Дивнич сравнивает Гестапо и МГБ. — Следователи формулируют свои принципы. — Их мотивы. — Упоительность власти для молодого гебиста. — Верность Органам! — Оживляющие забавы. — Не сдерживать бешенства. — Сексуальное любопытство. — Возможности наживы. — Месть прокурора. — Жадность следователей. — Разгул. — Гебисты арестованные. — Потки самих гебистов. — Абакумов и Рюмин в тюрьме.

А кем бы стал каждый я? — Почему противились училищам НКВД. — Что делают с человеком погони. — Мой первый этап. — Офицерский чемодан. — Гнев обоза. — Я офицер! — Линия добра и зла. — Хорошие гебисты. — Лейтенант Овсянников. — Лекция Веры Корнеевой в гебистской канцелярии. — Д.П. Терехов, верховный судья. — Выводная Большого Дома. — Не всё добро, что на добро похоже. — Цвет небес. — Ягода и иконы. — Природа злодейства. — Роль идеологии. — Порог злодейства.

Осужденье злодеев в Западной Германии и милость им у нас. — Как же России очиститься?

ГЛАВА 5. ПЕРВАЯ КАМЕРА — ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Большой Дом в Ленинградскую блокаду. — Первая следственная камера! — Сухановка. — Сухановская следственная одиночка. — Мы, люди!

Мой вход в первую камеру. — Реле-узнаватель. — Тюрьма неற்பාස්. — Уютная жизнь.

Поколения предшествующие. — Быт ранней Лубянки. — Анатолий Фастенко. — Амнистия 17 октября 1905. — Побег тех лет. — Потёмкинец из Канады. — Не всё входящее в наши уши.

Инженер советской формации. — «Если погибнуть придётся».

Распорядок лубянского дня. — Рассчитано или само? — Арнольд Сузи. — Утренняя пайка. — Тюремный врач. — Наши права. — 53-я камера. — Прогулка на лубянской крыше. — Из эстонской истории. — Лубянская библиотека.

Юрий Евтухович, его история. — Термин «власовец».

Лубянский день к концу. — Дореволюционная тюремная благотворительность. — Тюремные приметы.

«Император Михаил».

Конец войны в тюрьме.

ГЛАВА 6. ТА ВЕСНА

Русские пленники, ровесники Октября. — Как они возвращались. — Что пережили. — Родина изменила им трижды. — Как мы поддаёмся предвзятому. — Откуда столько изменников? — Непризнание плена. — Выходы военнопленного. — Шпионы на час. — Наказание самым верным. — Проверочно-фильтрационные лагеря. — «Эх, если б я знал!»

Биография генерала А.А. Власова. — Добровольные противосоветские формирования первых лет войны. — Боязнь Гитлера создать русские вооружённые силы. — Агитационные поездки Власова. — Просоюзнические надежды власовцев. — Боевые эпизоды власовцев. — Всадник гонит пленника. — Судьба бригады из Локтя Брянского. — Согласие на русские дивизии осенью 1944. — Комитет Освобождения Народов России, пражский манифест. — Первые и последние действия 1-й и 2-й русских дивизий. — Непонимание Запада. — Тщетная капитуляция. — Судьба остатков. — Выдача казаков Англией. — Рузвельт и Черчилль?.. — Английские концлагеря. — Общее о власовцах.

Судьбы русской эмиграции. — Как их принимала родина. — Как выворачивали Уголовный кодекс при обвинении их. — Полковник Ясевич. — Игорь Тронько, моё поколение в эмиграции.

Тюремная легенда об Алтае. — Ожидания амнистии в ту весну. — За приговорами на бутырский вокзал.

ГЛАВА 7. В МАШИННОМ ОТДЕЛЕНИИ

Как объявляли приговоры ОСО.

Административные приговоры до революции. — Тройка ГПУ. — Тройки. — Их реформировки и соотношение с ОСО. — Литерные статьи. — Преимущества ОСО перед судом. — Приговоры вдогонку.

Закрытость политических судов. — Сравнение с прежней Россией. — Обвиняющие адвокаты. — Предрешённость приговоров. — Расширительные толкования Кодекса. — Тайные инструкции. — Имеет ли смысл оправдательный приговор? — Дело Павла Чупленёва. — Трибунальские случаи. — Я встречаюсь с Верховным Судом.

ГЛАВА 8. ЗАКОН-РЕБЁНОК

Мы всё забываем... — «Внесудебная расправа» ЧК. — Чекистские цифры расстрелянных сравнительно с прежними русскими. — Суды после Октября. — Сходство народных судов и Революционных Трибуналов. — Железнодорожные трибуналы, трибуналы ВОХРы. — Основание Революционных Военных Трибуналов и принципы их действия. — Расстрельные цифры 1920 года. — Трибуналы как боевые отряды. — Когда отпадает смысл апелляционного права. — Живые места тех лет. — Крестьянские восстания. — Рязанский Трибунал судит толстовца. — Книга речей Крыленко. — Общие задачи советского суда. — Дело «Русских Ведомостей». — Дело трёх следователей московского Ревтрибунала. — Дело Косырева. — Неприятности у ЧК в феврале 1919. — Процесс церковных деятелей (Самарин и др.). — Звенигородский набат. — Церковные процессы в провинции, удары по храмам и монастырям. — Циркуляр 1920 года о ликвидации мощей. — Большевицкая постановка вопроса об интеллигенции. — Процесс «Тактического центра». — Истинная история его. — «Таганцевское дело».

ГЛАВА 9. ЗАКОН МУЖАЕТ

Процесс Главтопа. — Оживление расправы после Гражданской войны. — Дело инженера Ольденборгера.

Голод в Поволжье и конфискация церковных ценностей. — Московский церковный процесс 1922 года. — Петроградский церковный процесс. — Процесс эсеров. — Репетиция гнева масс. — Пытка смертью. Дело Савинкова. — Смерть его.

ГЛАВА 10. ЗАКОН СОЗРЕЛ

Новая мысль Ленина: высылка интеллигенции за границу в 1922. — Рождение понятия «вредительство». — Шахтинское дело. — Срыв с Пальчинским, фон Мекком, Величко. — Процесс «Промпартии». — Есть ли загадка у московских показательных процессов? — Процесс «Союзного бюро меньшевиков» и как он был инсценирован. — М.П. Якубович.

Процессы 1937-38 годов. — Загадка? — Уж такие ли они были революционеры? — Отбор кандидатов на роли. — Скрытая история последних месяцев Бухарина.

Кадыкское дело, районный процесс. — Почему не было по стране открытых судов.

ГЛАВА 11. К ВЫСШЕЙ МЕРЕ

Отмена смертной казни при Елизавете. — Умеренность её преемников. — Данные Таганцева о казнях конца XIX — начала XX века. — История смертной казни при большевиках. Фальшивость отмены её, уловки и обходы. — Казни 30-х годов, шесть царскосельских мужиков. — Расстрелы 1937-38. — Зигзаги последних сталинских лет.

Примеры, за что давали расстрел. — Группа Игнатовского. — Спасительная вспышка К.И. Страховича. — Если смотреть их фотографии... — Ощущения последних минут. — Бытовые страдания смертников в переполненных тюрьмах. — Отчего так подолгу держали под смертным приговором? — Научные занятия смертников и следователей. — Смертная камера как следовательский приём. — Психология непротивления. — В.Г. Власов под смертным приговором. — Смертные камеры Кинешемской тюрьмы. — Ритм суток. — Есаул Хоменко. —

Оскорбление палача. — Как Власов принял помилование.

ГЛАВА 12. ТЮРЗАК

Ослабление русского тюремного режима к началу XX века. — Усиление советского с 1918. — Политрежим. — Самоотстаивание арестантов в советских тюрьмах. — Эсеры в соловецких скитах (1922-1925). — Верхнеуральский изолятор с 1925.

Сила голодовок? — в царское время. — Сдерживание голодовок в 20-х годах. — Подавление в 30-х. — Насильственное питание. — Голодовка как контрреволюционное действие. — Как Тюрьма Нового Типа победила голодовки. — Нет общественного мнения!

Конец социалистов в Большом Пасьянсе. — Их самоотделение от «казаров». — «Политы» глазами «казаров». — Самоотделение троцкистов и коммунистов.

Для кого тюремное заключение. — Укрепление и расширение централов при советской власти. — Режим политизоляторов. — И как переживает его арестант. — Н. Козырев, чудо с астрофизикой.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ВЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ

ГЛАВА 1. КОРАБЛИ АРХИПЕЛАГА

Налаженная система. — Как сажают в вагон-зак. — Как представить это в поезде рядом? — Происхождение термина «столыпинский вагон». — Как устроен этот вагон. — Степень наполнения. — Селёдка и без воды, почему. — Оправка в вагон-заке. — Смешение политических с уголовными.

Льготы политическим в царской тюрьме. — Первая встреча с блатными. — Ломка обычных понятий. — Разобщённость Пятьдесят Восьмой и бессилие её. — Безнаказанность блатных. Как это основывается Уголовным кодексом и марксизмом. — Участие конвоя в блатном грабеже. — Прямой конвойный грабёж, приёмы его.

Как арестанты узнают свой маршрут. — Как отправить письмо из вагон-зака.

Ничего не иметь! — Смотреть, запоминать. — История Макса Сантера. — История Ивана Коверченко. — Эрик Андерсен слушает русскую девушку.

«Маятник» в вагон-заке. — Выгрузка. — Как надо садиться на землю. — Милостыня от вольных. — Полюби такие минуты! — Взяться под руки! — Взяться за пятки! — Притравить отстающих.

Воронки 20-х годов. — Послевоенная раскраска. — Внутреннее устройство воронка. — Как управляются там блатные. — Встреча подполковника Иванова.

ГЛАВА 2. ПОРТЫ АРХИПЕЛАГА

Как составить их карту. — Общее в них. — Сравнение разных пересылок в разные годы. — Северные лагерные пересылки. — Тюрьмы без параш, и как же поступать? — Пересылочные бани. — Пересылочные придурки. — Суки. — Хитрости блатных. — Редкое сопротивление политическим. — Моё унижение на Красной Пресне.

Первое письмо после ареста. — Женщина над Куйбышевской пересылкой. — Будущие памятники Архипелагу? — Широта зрения на пересылке. — Эрик Арвид Андерсен и его история. — Бессмысленности массовых переброек. — И индивидуальных. — Пересылка как отдых. — Надрывные работы на пересылке. — Как трудно отставать от власти.

Красная Пресня в 1945. — Маршрут за взятку. — Освобождение души отказом от суеты. — Смена сроков. — «Покупатели» на пересылках. — Рынок рабынь. — Поучения спецнарядника. — Любой ценой?

ГЛАВА 3. КАРАВАНЫ НЕВОЛЬНИКОВ

Преимущество «красных эшелонов» для государства. — Подготовка товарного вагона. Подготовка эшелона. — Утаение от жителей. — Отправки из Орла в 1938. — Техника посадки. — Приёмы обыска. — Конвой поживляется. — Блатные в красном вагоне. — Неустройства питания. — Ночные проверки с молотками. — Гибель от холода. — Долгие эшелоны и оперуполномоченный. — На платформах узкоколейки. — Приём эшелона на месте в мороз. — Когда нет никакого лагеря.

Баржевые этапы на Север. — Блатные здесь. — Случай сопротивления. — Пароходы на Колыму. — Пожар на «Джурме» в 1939. — Дальнейшие этапы по Колыме. — Грабёж на приёме в Магадане.

Пешие этапы на Севере. — Питание. — Пристрел в пути. — Подгон палками. — Пешие этапы в городах в 20-30-е годы. — Все способы — хуже, а впереди — ещё хуже.

ГЛАВА 4. С ОСТРОВА НА ОСТРОВ

Счастливый случай спецнарядника. — Спецконвой. — Как взяли меня из лагеря. — Легенда о шарашках. — Впечатления от поездки среди вольных. — Облегчительное чувство возврата на Архипелаг.

Мир тесен! — Арестантский телеграф. — Научно-техническое общество в камере. — Тимофеев-Ресовский. — Блаженство арестантского сна. — Бутырская 75-я камера, люди. — Вечерние лекции. — Восприятие пленников.

Бутырская церковь, арестантский быт в ней. — Румынский шпион Владимиреску. — Послевоенная молодёжь в Бутырках. — Гаммеров. — Ингал. — Гордость посадкой. — Песня студентов. — Новое поколение — куда?..

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ИСТРЕБИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫЕ

ГЛАВА 1. ПЕРСТЫ АВРОРЫ

Когда начались советские концлагеря? — Ленинские требования к карательной системе. — Во что обошлось нам послеоктябрьское внутреннее подавление. — Несколько цифр по прежней России. — Недовольство Ленина первичными размерами репрессий. — Слабость первосоветских тюрем. — Использование дореволюционного тюремного персонала. — Переворот 6 июля 1918. — Принудительный труд от Маркса до Вышинского. — Инструкция 23 июля 1918, начало Архипелага. — ВЦИК создаёт сеть лагерей принудработ, весна 1919.

Декрет о Красном Терроре 5 сентября 1918 и учреждение концентрационных лагерей. — Заключение по праву захвата. — Кого сажали в концлагеря. — Где оборудовали их. — Режим в рязанском концлагере 1921 года. — Лагерная статистика 1920 года. — Ранние лагеря принудительных работ. — Статистика 1922 года. Ведение ГУМЗАКа. — Запущенность, голод, смертность. — Состояние лагерной охраны. — Рост лагерной системы в 1923. — Переуплотнение лагерей. — Перевес закрытых мест заключения и изоляторов. — Требования к дальнейшему росту лагерей. — Административные преобразования центральных управлений.

ГЛАВА 2. АРХИПЕЛАГ ВОЗНИКАЕТ ИЗ МОРЯ

Соловецкие острова. — Основание Соловецкого монастыря и расцвет его. — Крепостное использование. — Монастырская тюрьма. — Советская легенда о пытках в ней. — Эксплуатация монастыря в раннесоветское время. — Поджог и грабёж. — Выброс монахов. — Чекисты приехали. — Первые лагеря Особого назначения.

Кемперпункт и порядки в нём. — Легендарный ротмистр Курилко. — К Соловкам по льду и на пароходе. — Соловецкий дух, зародыш Архипелага. — Карцеры и лестница Секирной горы. — Другие соловецкие расправы. — Соловецкая фантастика. — Денежные боны. — Соловецкий журнал, театр, общество краеведения. — Ни одного выстрела иначе как по заключённому. — Дневной расстрел под колокольной. — Расстрельная дорога. — Офицеры перед смертью. — Рост Соловецкого лагеря. — Сдерживать ужасом! — Отборный состав узников. — Приёмы хорошего тона. — Предсмертные дни Георгия Осоргина. — Смешанный воздух Соловков, непонимание всеобщей обречённости. — Белогвардейцы в управлении Соловками. — Борьба белогвардейской Адмчасти с чекистской Информационно-Следственной. — Разоблачение стукачей. — Формула Нафталия Френкеля.

Упадок соловецкого хозяйства при чекистах. — Худая пища, цынга, тяжести и издевательства быта. — Убийства на Голгофской горе. — История Голгофско-Распятского скита. — Эпидемии 1928 и 1929 годов на Соловках. — Проступание черт будущего архипелажного быта. — Дальние рабочие командировки. — Переход Соловков к экономической системе. — Прокладка материковых трактов. — Групповые казни за невыполнение нормы. — Обстановка работы. — Начало злокачественного распространения Соловков. — Меры расчуждения вольных и эзков. — Побег с Соловков. — Книги о Соловках в Европе. — Приезд Горького на Соловки. — Эпизод в Кеми. — Осмотр лагеря. — Эпизод с мальчиком-правдолюбом. — Горьковские похвалы Соловкам. — Мотивировки его поведения? — Массовый расстрел 29 октября 1929. — Сын священника Успенский. — Вид той ямы через 45 лет. — Мор истинно-православных на Малом Заяцком острове.

Соловки бытуют. — Воровки и проститутки. — Несовершеннолетние. — Перековка. — «Соревнование и ударничество» на Соловках. — Воровская «коммуна». — «От нас всё — нам ничего!» — Пятьдесят Восьмая вне трудколлективов. — Рассылка Пятьдесят Восьмой прочь с Соловков. — Ээки Новой Земли.

ГЛАВА 3. АРХИПЕЛАГ ДАЁТ МЕТАСТАЗЫ

Архипелаг получает экономический смысл. — Постановление Совнаркома (1928) о расширении лагерей и бесплатности принудительных работ. — Соловецкий рак расползается по Северу. — Образование главных знаменитых лагерей. — Административная организация. — Лагерь по всем областям СССР. — Кому ближние, кому дальние.

Смягчение и замирание каторжных работ в последние десятилетия России. — Осмысленный труд арестантов в то время. — Ожесточение в советское время. — Нафталий Френкель, нерв ГУЛАГа. — Его долагерная и лагерная биография. — Открытие главных принципов ГУЛАГа. — Лицо.

Советская книга о Беломорканале. — Её история. — Как проходила поездка 120 писателей. — Некоторые из авторов. — Творческая установка Горького. — Точка зрения авторов. — Повторение официальных бредней. — Прославление ведущих чекистов канала. — Горький и чекисты. — На строительстве никто не умирает. — Человеческое сырьё.

Почему Сталин назначил Беломорско-Балтийский канал. — Темпы. — Объём работ. — Ни копейки валюты. — Жертвы канала, не подготовленные к тому. — Условия работы. — Пещерная техника. — Отличие от постройки пирамид. — Изобретательность инженеров. — Давление Ягоды. — Пропаганда и соцсоревнование. — Опора на блатных против социально-чуждых. — Торжество воровства. — Хаотический быт и хаотические рыбки работы. — Тухта — орудие контрреволюции. — Штурм за штурмом. — Окончание канала. Прогулка вождей. Писателей.

Каким казался Беломор бывшим соловчанам. — А беженцам с Украины? — Скорость вымирания. — Сколько эзков на Архипелаге в начале 1933. — Вечер на канале по Витковскому. — Как на Беломоре сэкономили. — Увековечить убийц. — Моя прогулка близ Повенца. Разговор с охранником. — Непригодность и бездействие канала.

Что самое тяжёлое на каналах: изображать общественную жизнь. — Декларации воспитательной задачи. — Канал Москва—Волга. Соревнование и ударничество. — «У Волги нет выходных». — Политическое воспитание. — Насильственный труд как... внутренняя необходимость. — Техника Волгоканала. — Слёзы ударников. — Однако и не перехваливать лагерь! — Материальные стимулы идейности. — Зачёты с применением классовых соображений. — Самозакрепление, когда деться некуда. — Обратная сторона соревновательной шумихи. — Нелепый случай с кузнецом Парамоновым. — Работники юстиции осуждают зачёты. — Репрессии вместо льгот. — Коллективная ответственность. — Что такое лагерная бригада на самом деле. — Трудколлектив на Волгоканале. — Чистка в трудколлективе. — Песни каналоармейцев. — Что значит «чирикать».

ГЛАВА 4. АРХИПЕЛАГ КАМЕНЕЦ

Сталин, 1933: добить остатки умирающих классов. — Вступление в социализм через максимальное укрепление лагерей. — 1937 год был публично предсказан. — Взрыв населения Архипелага. — Окончательное ужесточение лагерного режима в 1937. — Военизация охраны. — Упразднение наблюдательных комиссий. — Лагерное начальство становится независимым от хозяйственного плана. — «В консервные банки обую!» — Эпидемии. — Урки — лагерные штурмовики. — Уменьшить количество заключённых. — Колыма, полюс жестокости Архипелага. — Что способен есть зэк. — Наказания не выполнившим нормы. — Карета смерти. — Изолятор по-колымски. — Просто из пистолета. — Назначение Гаранина. — Новые ужесточения. — Гаранинские расстрелы. — Расстрелы на Серпантинке. — Набавка сроков. — Свидетели Колымы.

Как отозвалось на Архипелаге начало советско-германской войны. — «До особого распоряжения». — И сверх него. — Питание военного времени. — «Кто в войну не сидел — тот и лагеря не отведал». — Ложные оправдания лишений. — Наматывание вторых сроков. — Отправьте на фронт! — Сердечная широта. — Эксплуатация патриотизма. — Мамуловский лагерь в Ховрине. — Расправа с главным инженером. — Шаткая скудная жизнь в подмосковных лагерях.

А метастазы всё источаются. — Норильлаг. — Казахстанские лагерь. — Сибирские. — Северные. — Всеобластные. — Целыми сёлами в лагерь. — Сталинское задание Френкелю. — ГУЛЖДС. — Отраслевая перестройка ГУЛАГа. — Децентрализация управления в годы войны. — Френкель. Черты поведения. — Палачи умирают в почёте.

ГЛАВА 5. НА ЧЁМ СТОИТ АРХИПЕЛАГ

Алексеевск-Свободный. — Экономическая потребность в лагерях. — Теоретическое обоснование их, начиная от Маркса. — Не вина, а классовая причинность. Не наказание, а мера социальной защиты. — И всё же как сочетать с исправлением. — Не для всех. — Легендарность Исправительно-трудового кодекса. — Статьи о запрете мучений. — Близорукие иностранные наблюдатели. — Наказанная девушка на вахте. Огонь.

Крепостные и ээки, сравнение быта. — Не в пользу ээков. — Расшифровка ВКП(б).

Поиски трудовых стимулов при коммунизме. — Три кита под Архипелагом. — Котловка. Что это значит. — Но если кто уклоняется от всяких стимулов. — Бригады и бригадиры. — Взаимоподдержка в некоторых бригадах. — Тогда каков и бригадир. — Какой же выход у людей? — Система двух начальств. — Особенности положения каждого. — Столкновение двух планов. — Невраждебность начальств между собою. — Государственное нормирование — и тухта. — Технические ээки, создающие тухту. — Как В.Г. Власов остоялся в лагерях. — Его фокус с несрубленным лесом. — Как тухтили при комплексных бригадах. — Разрастание тухты. — Без тухты и аммонала не построили б Канала.

ГЛАВА 6. ФАШИСТОВ ПРИВЕЗЛИ!

Грузовиком по летнему Подмосквью. — Как глаза арестанта видят мир. — Пятьдесят Восьмая — «фашисты». — Зона Новоиерусалимского лагерька. — Первая встреча с лагерной жизнью. — «Кто не работает — тот не ест!» — Первый день в лагере. — Назначение по военной косточке. — Командование в армии и командование в лагере. — Расправа блатных с Акимовым. — Не умею руководить. — Мечта о деревенской жизни. — Ортодокс Матронина. — Я разжалован. — К чему приводит гордость военным мундиром. — Ингал и Кампесино. — «И снисхожденья вашего...»

Амнистированные бытовики ждут смену. — Система, не совместимая с великодушием. — Великая сталинская амнистия 7 июля 1945. — Как отнеслась она к дезертирам и к воинам. — Дело супругов Зубовых. — На амнистию — удвоением производительности. — Освобождение бытовиков из Нового Иерусалима.

Королева цеха. — Вагонетки в сушильную камеру. — «На трассе дожда не бывает». — Мечта барона Тузенбаха. — Юноши западные и восточные. — Морская глина. — Съём во тьме.

ГЛАВА 7. ТУЗЕМНЫЙ БЫТ

Примеры лагерных работ. — Приёмы лесоповала. — «Сухой расстрел». — Тяжело ли было в «Мёртвом доме»? — Норма у декабристов и у Шаламова. — Лесоповал при прожекторах. — Работа ниже 50°. — Подпродукты лагерного питания. — Котловка. — Лучше кашки не доложь... — На развод бегом. — Питание на дореволюционной каторге. — А колхозники завидуют ээкам... — При хозрасчёте. — Как одевают туземцев Архипелага. — Как обувают. — Лагерные лица крупным планом. — Барак и вместо барака. — Когда жилое помещение необитаемо. — Насекомые. — Бригадный хлеб под конвоем. — Непостоянство жизни: этапы, перетасовки, обыски. — Член бригады. Неотдельность. — Начало нового лагеря зимой.

Снижение человека до животного. — Что есть Голод. — Доходяги. — Виды умираний. — Зачем вспоминать? — Доходяга-теоретик. — Доходяжество — не крестьянский путь?

Как я пишу эту книгу, чувства и обстоятельства. — Лучшие книги у нас не известны вовремя. — Соотношение опытов Шаламова и моего. — Расхождение по санчасти. — Лагерная санчасть — звено угнетения. — Врач и посадка в карцер. — Врач и несчастный случай на производстве. — Комиссовки. — Санчасть и мостырки. — Ограниченность группы «В» и пути обхода. — Убогость лагерных больничек. — А как было при Достоевском? — Санчасть и лагерное питание. — Санчасть и труд — не противопоставление. — У Ивана Денисовича нет другого выхода как трудиться. — Отдыхательный пункт и несправедливости. — Виды мостырок. — Активировка инвалидов. — Миллионные воров выкупаются. — Пятдесят Восьмую не активируют.

Смерть как вид освобождения. — По сколько умирали. — Как обрабатывают мертвецов. — Похороны без гроба и без белья. — Кенгирское уничтоженное кладбище. — Сожжение лагерных дел.

Из песка верёвки вить. — Всё для себя. — Лагерная дружба. — Лагерная жена. — И родная на свидании. — Лагерные бабы, указницы. — Настя Гуркина и иностранные чемоданы. — Бухгалтер Шитарев. — Сроки за хлебные карточки.

ГЛАВА 8. ЖЕНЩИНА В ЛАГЕРЕ

Приметы женщин в тюрьме. — Как женщины переносят тюрьму. — Забавы. — Лагерная нечистота. — Придурки выбирают среди приехавших женщин. — Выбор лёгкий и выбор тяжкий. — «Здесь все так живут». — Как сдалась М. — Сковорода жареной картошки. — Шалашовка. — Месиво женского барака в Кривощёкове. — Венерические. — Колымский «трамвай». — Работа женщины в смешанной бригаде, в женской и на женском лагпункте. — Изневольное озорство. — Женщины-бурлаки. — Как обезображивается женщина. — Крановщица Напольная. — Если нет другой молодости, кроме лагерной. — Инструкция судам о разводе с заключёнными. — Разлучать сожительств. — Острота лагерной любви. — Риск и расплата. — Не всем. — Когда лагерная любовь шагает через проволоку. — Разлука от рождения ребёнка. — Уничижительный уклон в эзчем языке. — Первый год ребёнка. — Детдом или дом? — Аборты выгодны для лагеря. — Проблема материнства для лагерницы. — Крестины. — Частные амнистии для матерей. — Мамка на ташкентском вокзале.

Послевоенное отделение мужчин от женщин. — Утяжеление женских работ. — Учащение беременностей. — Соединение через колючую проволоку. — Постройка разделительных стен. — Переписка между незнакомыми. — Замужество с незнакомым. — Лесбиянки. — Новые чувства к оперуполномоченному. — Общее оцепление как производственный стимул.

ГЛАВА 9. ПРИДУРКИ

Кто называется так. — Как много их. — Выживают именно придурки. — Нерезкость классификации. — Преимущества хоздвора. — Лагерная шкала специальностей. — Зонные придурки и их привилегии. — Производственные придурки. — Почему Пятдесят Восьмую надо снимать на

общие. — И почему приходится брать её в придурки снова. — «Использовать только на общих». — «Коммунистический манифест» превзойдён.

Моральный аспект придурочьего положения. — Дискуссия о придурках и о работагах. — Павел Чульпенёв 7 лет на лесоповале. — Имеет ли право работага не ненавидеть свой труд? — Кто держит Кашееву цепь? — Та же проблема во всём нашем обществе. — Зонные придурки, подбор по бессердечию. — Типы их. — Но и придурки вынуждаемы начальством. — Не прямо брали, так косвенно пользовались. — Как возвысился? как себя вёл? Если не вреден, то был ли полезен братии? — Выживание — за чей-то счёт.

Аттестация саморассказом. — Как я стал «заведующим производством» и как слетел. — Комната уродов. — Генерал Беляев. Гордость в первом поколении. — Генерал МВД Зиновьев. Под спасительным крылом. — Доктор Правдин, перепуганный вусмерть. — Интеллигенция по-советски. — Кто же истинно интеллигент? — Инженер Орачевский. — Бабочка, пережившая мороз. — Посажен за улыбку. — Мужик Прохоров, посажен за жалость. — И сам я был урод. — Что с генералом Беляевым дальше. — Москва под нами. — Я нынче в своём лагерьке на Калужской.

Куκος, инженер новой советской формации. — Как и какие они сошлись. — Кутьба военного времени. — «Лёгкий завтрак».

ГЛАВА 10. ВМЕСТО ПОЛИТИЧЕСКИХ

Политических отменили. — Народ — враг самому себе. — Анекдотические случаи посадок по 58-й. — Агитаторы неграмотные и глухонемые. — Веллужец Максимов. — Дети. — Спиритический сеанс. — Смысл массового террора. — Фантастические обвинения. — Стандартный набор. — Донос, невидимый луч борьбы. — Спектр агитации. — 10-й пункт, общедоступный. — 12-й, «знал-не сказал». — Случай с профессором Журавским. — И случаи, случаи... — Груша-пролетарка. — Чтение Есенина. — Пилот «Дугласа» и Эренбург. — И ещё другие. — Маркс в защиту гражданина. — Когда поверит Европа.

Политические обыватели. — Мешанина. — 58-я статья — простейший способ убрать. — Че-эСы, посадка семьями. — Пятьдесят Восьмая статья всё серей и рочче. — Исправление бесцельно. — Теоретические основания, как содержать Пятьдесят Восьмую в лагерях. — Практические приёмы. — Стада неповинных. Угнетённость и разъединённость. — Политическая шпана. — «Забойтесь только о себе!» — Японские офицеры на Ревучем. — Нам не давали осознаться.

Когда политических не стало, тогда-то они и появились. — Христиане в лагерях. — Безвестная гибель. — Архиерей Преображенский. — Войно-Ясенецкий, епископ Лука. — Инженер Пальчинский. — Академик Вавилов. — Профессор Родионов. — Загадка Якова Почтаря. — Политическая молодёжь с 1944. — Насколько теперь политическим надо смелости больше, чем до революции. — Группа Бакста-Тарантина. — Смелого ищи в тюрьме. — Троцкисты. Как сторонились социалистов. — Надрывный энтузиазм лагерных протестов. — Воркутинская голодовка-забастовка троцкистов, 1936, и как их обманули. — Голодовка на 8-й воркутинской шахте. Шатания блатных.

ГЛАВА 11. БЛАГОНАМЕРЕННЫЕ

Благомыслы, преданные коммунисты — политзаключённые ли? — Коммунисты без злорадства и претензий исключительности. — Авенир Борисов. — Борис Виноградов. — Николай Говорко. — Отпавшие. — Поддельные. — Ортодоксы — не работяги. — Бывший прокурор республики. — Сокрушение — от своих! — Протоколы съезда стахановцев. — Дочери не жить без комсомола. — Верность? — или кол на голове тещи?

Набор 37-го года и легенда 37-го года. — П.?Постышев о карательной политике. — «Чей переворот?» — Их объяснения посадок. — Сталин — незатменное солнце. — «Называть побольше фамилий». — Как они сами помогали сажать других. — Поздняя справедливость истории. — Из списка главных. — Никто не боролся против партии. — Коммунисты разрушили традиции политических. — Какими глазами видели лагерники свежий набор 37-го года. — Неспособность и нежелание усваивать опыт жизни. — Взывания о помиловании. — Их уровень анализа событий. — Непробиваемость чугунных лбов. — Диалог с профессором-марксистом. — Поиграть «в товарищей».

Отношение благомыслов к лагерному режиму. — И не хотели и не могли бороться. — Кукиш в кармане. — Взаимоотношение их с лагерным начальством. Выпирают партийность. Всегда устроены. — И как сами же открыто пишут об этом. — Ортодоксы одобряют лагерный рабский труд, только не для себя. — Примеры, как они устраивались. — Коммунист Дьяков о себе. — Никто и не описан в полезном труде. — Ортодоксы не бегут и чужие побеги осуждают. — От Пятьдесят Восьмой отделяются — и даже ненавидят её. — Все пути их — к стукачеству. — Кадар, Гомулка, Гусак — из той компании.

ГЛАВА 12. СТУК-СТУК-СТУК...

Сексот. — Стукач. — Зачем надо знать стукачей. — Как загадочно, если представлять их лица. — Донос как помощь человеку и социализму. — Технические приёмы вербовки и встреч. — Отмычки для вербовки. — Степовой, солдат МВД. — «Нам нужно пять процентов правды». — Происхождение слова «кум». — Пометка «не вербовать». — Редкая расправа над стукачами в лагере.

Как неопытно я начинал срок. — Как меня вербовали. — Как трудно становиться человеком. — И ещё раз, когда уже смешно.

Самая сильная отмычка — судьба семьи. — Совет с тем самым, на кого и доносить. — Освобождение отталкиванием. — Освобождение Христовым именем.

ГЛАВА 13. СДАВШИ ШКУРУ, СДАЙ ВТОРУЮ!

Второй лагерный срок. — Бей лежачего! — Регенерация сроков — форма жизни Архипелага. — Механическая подача второго срока без следствия. — Во время войны лагерное следствие — спасение кумовьёв. — Всюду заговоры! — Следствие Александра Бабича. — Берут — заметных. — Буреполомский набор по агитации. — Срок за Горького.

Срок за Пушкина. — Даже лагерный арест как тяжёл. — Лагерная тюрьма. Воркутинская Тридцатка. — «Следственная палатка». — Следственная тюрьма Оротукана. — Скученность Серпантинки. — Лагколлегия, лагерный суд. — И снова на работу.

Лагерные расстрелы 1938 года — кашкетинские, гаранинские. — На Старом Кирпичном заводе. — Глумление блатных. — Расстрел-фантазия. — Поощрённые. — Расстрелы малых групп. — «Если вы когда-нибудь выйдете — расскажите!..» — Расстрел в ущельи у реки Усы. — Судьба расстрельщиков и самого Кашкетина. — Закопка живых на Адаке.

ГЛАВА 14. МЕНЯТЬ СУДЬБУ!

«Зелёный прокурор». — Постоянные побеги — энергия зэков не утеряна. — Порыв первого года. — Одинокая цифра. — С ростом Архипелага и труда — ослабление охраны. — УстьВымлаг, 1939. — Победы в самой Москве. — Цепи: отданность рабскому положению; голод; угроза нового срока. — Стоит ли бежать вору? — Враки блатных о несовершенных побегах. — Бесконвойность как помеха побегу. — Как якуты увозили зэков с Колымы. — Враждебность окружного населения к беглецам. Награды за поимку. — Предатели геологи. — Издевательства над пойманным. — Избить, искалечить, убить. — Расправа Петра Ломаги. — А кто поможет в конце побега? — На бревне по Индигирке. — Смерть в тайге. — Провокации побегов, для пользы оперов. — Но беглец и страшен встречным. — Разоруженья охраны. — Групповой побег поездом узкоколейки, близ станции Решёты. — Об успешных побегах по поздним провалам. — Под руку с лётчиком мимо охраны. — Пешком от Перми до Латвии. — Побег старика-анекдотчика, через дно вагона на ходу. — Побег Чеботарёва близ Балхаша. — Затравленная жизнь, скрывания, поиски. — Два слова по-китайски и расстрел. — Какие бывают разоблачения. — За помощь в атомной бомбе — на Колыму. — И удавшийся побег — ещё не свобода. — Побег за границу. — Побег Тайшет-Красноводск-Вена. — И как это всё прахом. — Изломы жизни инженера Аникина. — Групповые победы. — Всех не перечесть.

ГЛАВА 15. ШИЗО, БУРЫ, ЗУРЫ

Торжественный отказ от карцеров в раннесоветские годы. — За что даётся штрафной изолятор. — До года. — Каков он. — Карцер-сруб и карцер-яма. — Раздеванье до белья. — Преимущество блатных. — БУР и приписанные к нему. — БУР-барак и БУР-каменная тюрьма. — Экибастузский БУР. — Глотать столовую ложку, повеситься, сделать гангрену. — Черты ЗУРа. — Виды штрафных работ. — За что посылали в штрафные зоны. — Впечатления Ирины Нагель. — Зоны, штрафные и для надзора. — Вор вором губится. — Воркутинский известковый завод. — ОЛП Ревучий. — Когда Пятьдесят Восьмая может убивать блатных. — Довод на Ревучем. — Людоество.

ГЛАВА 16. СОЦИАЛЬНО-БЛИЗКИЕ

Воспевание блатных в мировой литературе. — И разумеется, в советской. — Блатной певец на Калужской заставе. — Удержание уголовников в узде до революции. — Рассвобождение в год революции. — Беспризорники, сироты Гражданской войны. — Чекисты и урки, кто кого перевоспитал? — Пункты жизненной психологии блатного. — Почему они не воруют у государства. — Как их натравили на частные грабежи. — Социалистическое государство против лошади и собаки. — Ловить ли воров? судить ли их? — Амнистия 1953 года, воровская свобода. — «Предел необходимой обороны». — Государство не защищает граждан. — Как помогает преступнику советская боязнь гласности. — «Довеска» несовершенных преступлений. Дело Петра Кизилова. — Кто вступится за справедливость — раскается осьмижды.

Как «социально-близкие» выводятся из классовой теории. — Как им втолковывают. — «Использовать лучшие свойства блатных». — Блатные — владельцы наших жизней. — Блатная администрация вместо чекистской. — На производстве — за счёт Пятьдесят Восьмой. — Береговая на Волгоканале. — Зверства «честных воров». — За порогом злодейства?

Слово в защиту блатных. — Почему им не пользоваться плодами своей непокорности? — Жить — везде. — Виды татуировок. Наркотики. — Всё — своё. — Как далеко заходят карты. — Почему они должны любить труд? — Блатные и Отечественная война. — Честь блатных — не укреплять тюрьму. — Рассказ Томаса Сговиво. Расправа на вахте. — Блатные романы. — Фальшь и бред драматурга Погодина. — Иерархия паханов. — Правилки. — Несовместимость с «фраерским» миром. — Крытки сломали хребет блатного мира.

ГЛАВА 17. МАЛОЛЕТКИ

20-е годы. Тюрьмы для несовершеннолетних, трудкоммуны, ФЗУ особого типа. — Статья о наказании с 12-летнего возраста. — Половина Архипелага — дети Октября. — Сталин вводит для 12-летних полную катушку и расстрел. — Черета отягчающих указов. — За детскую неосторожность — вплоть до расстрела. — Глазами английских левых. — Колосья, картошка. Рассыпанное зерно. Яблоки из сада. — Чего может натерпеться подросток и за 6 месяцев. — Рождение слова «малолетка». — Всачиванье в лагерную жизнь. — Перехват хищничества. — Два способа содержания малолеток. — История Юры Ермолова. — Ограбление и подавление малолеток воспитателями. — Малолетки борются коллективом. — Пропаганда отскакивает от них. — Безнаказанность протестов. — Дерзость. — Ранняя эротика. — Условия в смешанных колониях. — Идеал — стать вором. — Почему киевский мальчик не воровал при немцах. — Непобедимость банды. — Ограбления стариков. — Торговля с вольными. — Динамичные забавы. — Обозление инвалидов. — Оптимальный способ оскотинить ребёнка. — Лихо только начать. Многосрочники. — 20 лет сталинских законов.

Малолетки по 58-й. — Шестилетний. — Ейские девочки. — Хостинские сироты. — Галя Венедиктова. — «Дочь изменника родины». — Дети,

оставшиеся от ареста родителей. — Дети вослед за родителями. — Дело Нины Перегуд. — Растлители душ. — Стойкость Зои Лещевой. — Отбитая сталинская голова. — Отзовись, та страна...

ГЛАВА 18. МУЗЫ В ГУЛАГЕ

Никто никогда не перевоспитался через КВЧ. — Назначение КВЧ. — Функции воспитателя. — Донять человека и в лагере, «чем живёт страна». — Оптимизм карусельного типа. — Муза лозунгов. — Живгазеты, скетчи, агитбригады. — Товарищеские суды. — Не предоставлять лагерника самому себе. — Лагерные газеты. — Всё кануло. Ледниковый период. — Воркутинские мёртвые клумбы. — А кому бы *нам* написать? — Что осталось при КВЧ.

Изобретательство как форма побега. — Трушляков. — Вынужденные технические показания пленных немцев. — Политический изобретает охрану лагеря. — Проект РАЯ. — Александр Чижевский. — Лагерная судьба Константина Страховича. — А других — откуда нам узнать?..

На огонёк КВЧ. — Лёва Г-ман. — Профессор Доватур. — Камилл Гонтуар. — Художники в лагере. — Кандалами музыка пахнет. — Поэты для карикатур. — А прозаиков не бывает. — Надгробное слово русской прозе. — Четыре возможные сферы мировой литературы. — Небывалое слияние опытов и гибель его.

Художественная самодеятельность. — Хор. — Крепостные артисты. — Что приманивает их. — «Только внутри ГУЛАГа». — Патриотический скандал в патриотической пьесе. — Судьба Николая Давиденкова. — Никаких «сомнений!» — «А судьи кто?» — Крепостные трупы и театры. — Судьба известных советских артистов. — Двойное перевоплощение актёра-зэка. — Труппа Московского управления лагерей. — Танец Изольды Глазек. — Освальд Глазек над разрушенной жизнью. — Никогда не знаем, где удача, где гибель. — Наша самодеятельность на Калужской заставе.

ГЛАВА 19. ЗЭКИ КАК НАЦИЯ

Зэки как класс. — Зэки как биологический тип? — Определение нации по Сталину. — Зэки более чем удовлетворяют. — Матерщина как ядро языка. — Проблема деторождения. — Происхождение слова «зэк».

Климат Архипелага. — Внешний вид туземцев. — Речевая манера зэков. — Энергичность языка. Онемляющая манера. — Звонкий, тонкий и прозрачный. — Национальный тип зэка.

Отношение к казённой работе. — Жизненные правила зэков и старые крепостные пословицы. — Отношение к начальству. — Не тянутся за похвалой. — Переброшенная шкала ценностей. — Не любят своих островов. — Преувеличенное значение пайки, махорки и баланды. — Отказ от семейной жизни. — Виртуозное умение спать. — Жизненный напор. — Совесть? в личном деле. — Темниловка. — Добросовестность в частных обязательствах. — Скрытность. — «Закон-тайга». — Сыны ГУЛАГа. — Заповеди зэков. — Не суй носа в чужой котелок. Как это понимать. — Не

верь, не бойся, не проси. — Душевная уравновешенность. Настроенность на худшее. — Притупленность чувств. — Фатализм. — Жизнелюбие. — И дай Бог всякому такой жизни. — Легковерие. — Вера в Амнистию. — Жажда справедливости. — Миф о помиловании Каплан. — Рассказы о прошлом. «Как попал». — Незыблемость прошедшего. — Рассказы о зэчьей ловкости. — Юмор. — Медведи и социализм. — Язык блатных в языке зэков. — Язык зэков в языке воли. — Некоторые корни жаргона в дореволюционном языке. — От Фан Фаныча.

ГЛАВА 20. ПСОВАЯ СЛУЖБА

Служба, связанная с собаками. — А как их называть? — Генералы ГУЛАГа. Завенягин. Антонов. — Почему мы не всматриваемся в тюремщиков. — Моральный отбор в МВД. — Лицемерный совет Дзержинского. — «Старый чекист». — Разница между чекистом и лагерщиком. — Обучение лагерщиков в 20-30-х годах. — Человеколюбия не получилось. — Общие черты лагерщиков. — Безграничная власть. — Во всём превосходство. — Спесь. — Тупость. — Вот моё поместье, и я пролетарий. — Бездарность. — Самодурство. — Уроки пения от крепостного. — Ощущение вотчины. — Универсальное стяжательство. — Их преимущества по самой службе. — Использование прислуги и obsługi. — Воровство из пайка заключённых. — Воровство по лагерному хозяйству, использование хоздвора. — Воровство с производства. — Похоть и возможности её. — Злость и жестокость. — «Здесь телеграфные провода кончились!» — Садизм. — Почему выражение недовольное? — Как же умело отбирают их из человечества! — Расправа с медсестрою в Ахтме. — Перечень палачей. — Трофеи и попойки Мамулова. — Примеры хороших лагерщиков. — Подполковник Цуканов. — Свидетельство об инженер-полковнике Мальцеве. — «Хорошие» лагерщики в понимании благонамеренных. — Тогда хорошо, когда в лагерь садятся.

Гулаговские унтеры. — Те же качества в уменьшенном виде. — Сочувственные надзиратели. — Надзиратели-ветераны. — Призванные военного времени. — Старшина Ткач в Экибастузе.

Вохра и виды её служб. — Конвой и убивши прав. — Беспрекословность отношений с зэками. — Произвол офицеров Вохры. — Как сгорели лагпункты на реке Вишере. — Военкоматский отбор конвойных войск. — Размягчение состава Вохры в годы советско-германской войны. — Стрелок Вохры Самшель. — И служба — «срок». — Конвоиры и женщины на женских лагпунктах. — Самоохрана. Её жестокость. — Самоохранник Кузьма. — Самоохранник Лунин.

ГЛАВА 21. ПРИЛАГЕРНЫЙ МИР

Передаточная зона вокруг лагерей. — Распространение лагерных элементов на весь Союз.

Посёлки прилагерного мира и их дальнейшая судьба. — Кизел. — Караганда. — Категории жителей прилагерного мира. — Какие вольняшки стягиваются сюда. — Вольняшки-работяги. Взаимные услуги зэков

с ними. — Когда лагерь в крупном городе. Ещё о «двухэтажных деньгах». — Вольные десятники. — Сын пьяницы и сын крепкого мужика. — Фёдор Муравлёв, председатель месткома. — Прораб Буслов. — Фёдор Горшков, старый десятник. — Воспоминания о дореволюционных порядках.

Ревнивые разгородки среди верхов вольняшечьего посёлка. — Поселковые нравы. — Страсти скудной жизни. — И то же наблюдение и беззаконие надо всеми. — Наша столица глазами якута.

ГЛАВА 22. МЫ СТРОИМ

Выгоден ли государству труд заключённых. — Высказывание Молотова. — Расчленение вопроса. — Политический и социальный расчёт. — Экономика впереди политики. — Для работ унизительных, особо тяжёлых или неподготовленных. — Примеры таких работ. — Незаменяемость бесплатной силы. — Задача самокупаемости лагерей. — Как её нагнетали в начале 30-х годов. — Помехи тому. Нерадивость заключённых. — Воровство вольных. — Окупить лагерный аппарат. — Инженерные стеснения. — Ошибки руководства. — Прихоти социалистического планирования (Талага, Усть-Вымь). — Брошенные железные дороги. — Когда лагерю выгодней считать эзков больными. — Быть Хозяином вотчины. — Как обойти френкелевскую гребёнку? — Воскресные работы в жилой зоне. — Приписывание выхода. — Хоздвор, основанный на воровстве. — Преимущества там для работяг. — Чудеса кенгирского хоздвора. — Как строили наши прадеды и как мы. — А всё-таки она вертится!

Начало списка строителей и производств, где работали ээки. — Кто бы составил карту Архипелага — и как её составить?.. — Тысячи неизвестных лагунктов.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ ДУША И КОЛЮЧАЯ ПРОВОЛОКА

ГЛАВА 1. ВОСХОЖДЕНИЕ

Ошутимая длительность — для размышлений. — Угрызений совести не знает Архипелаг. — Почти поголовное сознание невинности. — Редкость лагерных самоубийств. — Несколько случаев их. — Большая сила воли или малая? — Чувство всеобщей правоты, народного испытания.

Очищение мыслей с тюремными годами. — Пойдёшь направо, пойдёшь налево... — Самоприказ «дожить!». — Те, кто не хотят меняться. — Благотворные перерождения в тюрьме. — А в лагере? — Семинар предсмертников. — Любить жизнь — так и самую тяжкую. — Когда мысль о свободе становится насильственной.

Лагерная свобода от казённого лицемерия. — Свобода от житейских забот. — Важен результат? — Нет, важен дух. — Эта проблема в лагере. — Гордость работой рук и успокоение от неё.

Развитие чувств в неожиданном направлении. — Мы поднимаемся. — Не радуйся нашедши, не плачь потеряв. — Пересмотр бывшей жизни. — Завещание и смерть Бориса Корнфельда. — Как можно найти в этом правиле всеобщий смысл. — Высший Смысл объясняется нам всегда поэже. — Линия между Добром и Злом. — Религии и революции. — Судить идею, а не людей. — Теребящие размышления над собой. — Благословение тебе, тюрьма!

ГЛАВА 2. ИЛИ РАСТЛЕНИЕ?

Шаламов об отмирании в лагере человеческих чувств. — В тюрьме — моральная работа, а выживание — не за счёт других. — Лагерь — свалка, ненависть. — Зависть. — Страх. — Душевный лишай. — Множественность примеров. — Даже когда это нам без надобности (Чульпенёв). — Науськивание. — Самоохрана. — Самоугнетение. — Суть в отступлениях от закономерности. — Твёрдость верующих. — Тётя Дуся Чмиль. — Григорий Иванович Григорьев. — Не растлеваются, у кого есть нравственное ядро. — Растление не идёт без восхождения.

«Исправление»? — Только не оно в советских лагерях. — А если человеку не от чего исправляться? — Неравность «равных» наказаний.

ГЛАВА 3. ЗАМОРДОВАННАЯ ВОЛЯ

Что значит носить опухоль. — Признаки вольной жизни тех лет. — Постоянный страх ареста, чистки, притеснений, анкет. — Совет чекиста в окошечко. — Прикреплённость к месту. — Скрытность советского человека — его спасение. — Когда скрывают от жены, от отца. — Когда не верят честным движениям. — Когда даже бесполезно сказать вслух. — Всеобщее незнание, абсолютная негласность. — Избыточная вербовка стукачей. Чего этим достигали. — Предательство как форма существования. — Все отворачиваются от преследуемых. — Черты некоторых знаменитостей. — Мальчишка, сбежавший на вокзале. — А кто служивал в преследованиях? — Предательства внутри семей. — Не всем на Земле достаётся эти клещи узнать. — 1937 — коронный год растления *воли*. — Скрытое мужество тех лет. — Случаи, ставшие известными. — Не «лотерея», а душевный отбор. — Сколько же было доносчиков? — Предательство в благодарность. — Плагиаты учеников. — Поживка соседей. — Почему была невозможна победа честного. — Посадка Александра Бабича. — Благородные движения — вдали от службы. — Ложь — единственно безопасная форма существования. — Ко лжи готовить и детей. — Лекции, погубленные из страха. — Самозабвенная ложь советских писателей. — Нам и умереть завравшимися. — Хоть похлопать старой песне. — Жестокость советских людей. — У челябинской камеры хранения. — Не «несчастненький», а «падло». — В коммунальных квартирах. — Разложенье ползёт по семьям. — Рабская психология. — Само ли это всё получилось или разработано?

Миллионы потерянных женщин. — Детское письмо. — Статуя охранника с собакой.

ГЛАВА 4. НЕСКОЛЬКО СУДЕБ

Анна Петровна Скрипникова. — Степан Васильевич Лоцилин.
Отец Павел Флоренский. — Валентин Комов. — И ещё бы кого.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
КАТОРГА

ГЛАВА 1. ОБРЕЧЁННЫЕ

Звучание слов «каторга», «каторжане». — Сталинский указ о введении каторги и виселицы. — Победы фронта пригоняли пополнения. — Каторжный лагпункт на 17 й шахте Воркуты. — Сверхрежим. — Сравнить с сахалинской каторгой при Чехове. — Другие такие лагпункты. — Гнев читателей на автора. — Три комсомолки-лётчицы. — Женщины, сходявшиеся с оккупантами. — Как сажали мелкоту. — Школьные учителя на оккупированной территории. — Оборот властей с патриотизмом в советско-германскую войну. — Откуда столько предателей? — Определяет ли бытие сознание? — Кем это *допущены ошибки*? — И что считать ошибками. — Почему так многие были рады приходу немцев? — Раскрытие винницких могил. — Больно ли тем, кого мы топчем? — Где же ваше Учение? — Кому не хватало воздуха. — Чета Броневицких. — Как это воспринималось юностью. — И в 30-е годы далеко не все восхищались. — В советской печатной лжи не различить оттенков. — Броневицкий — бургомистр, и что он должен был увидеть. — Ясность понимания у довоенной деревни. — Какovy были к войне народные чувства и как погублены. — Исход населения с разбитым врагом. — Власовцы от отчаяния. — Власовцы от горения сердца. — Что знали эти люди в 1941 году. — Повторить приём самого большевизма. — Паралич и распад коммунистической власти в 1941. — Котлы, котлы. — Майор Кононов и его полк. — «Превратить войну в гражданскую». — Народное движение в Локте Брянском, его программа. — На Дону. — Ленинградские студенты. — От прихода иностранной армии ждали только свержения режима. — А Западу нужна была своя свобода, а не наша. — Наш порыв к освобождению и немецкая колониальная тупость. — Истинное движение низов. — Изменили родине — коммунистические верхи. — В союзе с немцами прежде был Ленин.

Смягчение каторжного режима в 1946—47 по хозяйственным потребностям. — Создание Особых лагерей с 1948 года. — Перечень их. — Отбор в них по статьям. — Нуждаются ли советские в определении каторги?

ГЛАВА 2. ВЕТЕРОК РЕВОЛЮЦИИ

Когда теряешь вкус к благам. — Как изменили арестантский воздух двадцатипятилетние сроки. — Начало корейской войны. — Задорный спор с конвоем. — Благословение крестьянки. — Беспугливая девка. — Павел Баранюк и как он бил блатных. — Столкновение с *суками*. — «Мы опять революционеры!» — И оказывается, т а к можно жить в тюрьме? — Володя Гершуни. — Камера-конюшня. — Прибалты. — Отношения с

Украиной после 1917. — Кто хочет жить — живите! — Величие нации — в величии поступков. — Какие подробности могут представиться.

Читаем газеты. — Жаждем бури! — Что им оставили хотеть, кроме войны? Дух Особлагов 1950 года. — История Пети Пикалова. — Вольности Куйбышевской пересылки. — «Будет на вас Трумен!» — Омский острог. — «Как дело измены, как совесть тирана...» — Иван Алексеевич Спасский. — Павлодарская тюрьма. — Безымянная павлодарская девушка. — В грузовиках по степи. — Как отцы живут, так дети играют. — Куда это нас везут? — Ночное пыльное марево. — Приехали. — Номера.

ГЛАВА 3. ЦЕПИ, ЦЕПИ...

А тут — покорность. — Наручники как орудие пытки. — Система в утяжелении режима. — Как нашивались номера. — Замысел в их использовании. — Объяснительные записки. — Гнёт номеров не состоялся. — Расчёт на полную глухоту. — Каторжане в Особлагах. — Сухое бурение меди. — Спасское отделение Степлага. — Когда инвалиды работают лучше здоровых. — Женский инвалидный каменный карьер. — Когда человека кормят, как скот. — Смертность. — Лагерное начальство кончило хорошо. — Умирающая связь с волей. — Арестантские письма в спасской цензурной печке. — Ничего не иметь. — Система обысков. — Номера — лишь техническая помеха. — Женщины, помнящие Апокалипсис. — По номерам наказывает конвой. — Конвой всегда прав. — Крещенское утро под автоматным огнём. — Почему Особлагеря начинались так рабски. — Экибастузский лагерь после одного года. — Карцеры и вывод Гершуни. — Вывод Твердохлеба. — Строим лагерную тюрьму. — Череда побегов.

ГЛАВА 4. ПОЧЕМУ ТЕРПЕЛИ?

Закономерность? — А мог ли так зажать царь? — Кадетско-социалистическая трактовка русской истории. — Солдаты-декабристы. — Ответ Пушкина. — Дело Веры Засулич. — Поражающая нас пустота политических тюрем. — Не давили, а дразнили. — Как преследовали Милюкова. — Ссылка Гиммера. — Убийство Максимова. — Суд над Лопухиным. Неготовность кодекса. — Слабость тюремного режима. — Как преследовали Ульянова-Ленина. — Действительно ли были суровы к эсерам. — Студенческая забастовка 1901 года. — Бурцев о тюрьмах петербургских и европейских. — Леонид Андреев в тюрьме. — Красин, Радек, Семашко, Парвус. — Литературная энциклопедия на «К». — Как преследовали Крыленку. — Губернатор-революционер. — Печать в годы реакции. — Безопасная смелость ялтинского фотографа. — Ссылный Гоц ведёт подрывную газету. — А как ссылали Шляпникова? — Отец и сын Зурабовы. — Родственники Тухачевского в СССР. — Родственники Троцкого и Ленина в России. — Лев Толстой и политическая свобода. — Когда о казнях открыто печатают. — 8 месяцев столыпинской «военной юстиции» и чем она была вызвана. — Революционеры не имели времени медлить. — Время столыпинское и время сталинское. — Степени сжатия вещества. — «Отрешиться от благодушия». — Что делает общественное

мнение. — У нас образованное общество «ни о чём не догадывалось». — Арестантские протесты — и общественное мнение на воле. — Разодранная рубаха Дзержинского. — Знаменитый карийский эпизод. — И примерив его к нам. — Но и как возросли тюремщики. — Помощь побегам в царское время ничего не стоила. — Нижегородская тюрьма по Горькому. — Свидетельство Ратаева о ссылке и тюрьме. — Слабость секретного сыска в столицах, отсутствие в провинции. — Как покушались Сазонов и Каляев. — С царской ссылки не бежал только ленивый. — Побег и возвращение Улановского. — Побег Парвуса. — Наши мятежи и неготовность общества. — Как раз мы и не терпели.

ГЛАВА 5. ПОЭЗИЯ ПОД ПЛИТОЙ, ПРАВДА ПОД КАМНЕМ

Кремнистое дно даёт упор. — Пишу поэму. — Приёмы запоминания. — Чётки-ожерелье. — Три провала с текстом. — Бумажный комочек в урагане. — Сочинение пьесы как побег. — Встреча со стихами Шаламова в 1956. — Сколько было нас таких на Архипелаге? — Анатолий Силин, духовный поэт. — Баптисты.

Сознакомление огоньков. — Афганский пленник. — Толстовец, у нас поберегись! — Юрий Венгерский. — Йог Масамед. — Раппопорт бежит за рулоном. — Его трактат о любви. — Страшна не смерть, а подготовка к ней. — Поэты. — Что не опасно читать в Особлаге? — Знакомства вокруг далевого словаря. — Рассказы Василия Власова. — Янош Рожаш. Как он полюбил Россию. — Его письма из Венгрии. — Скольких удушил Левиафан?

Архидьякон Владимир Рудчук. — Георгий Тэнно в КВЧ. — Пётр Кишкин и его шутки. — Песенка Жени Никишина.

ГЛАВА 6. УБЕЖДЁННЫЙ БЕГЛЕЦ

Кто такой убеждённый беглец. — Наказания беглецам и за беглецов. — Сутки в тайге — вот и свобода.

Жизнь Георгия Тэнно. — Арест и первичные надежды. — План побега из Лефортовской тюрьмы. — Большой срок освобождает волю беглеца. — Тюремная наблюдательность и тюремные расспросы. — Неудавшийся бутырский мятеж. — Возможности на железнодорожных станциях, в этапах. — Расспросы бывших беглецов. — Теория побегов? — Побег по случаю и побег по плану. — Побег Ивана Воробьёва. — Тэнно готовит большой побег. — Готов к смерти — значит, и к побегу. — Последние часы перед побегом.

ГЛАВА 7. БЕЛЫЙ КОТЁНОК

Рассказ Георгия Тэнно об их побеге с Колей Жданком.

ГЛАВА 8. ПОБЕГИ С МОРАЛЬЮ И ПОБЕГИ С ИНЖЕНЕРИЕЙ

Из Особлагов побега быть не может. — Но именно тут--то самые славные. — Побег Григория Кудлы. — Настроение ссыльных. — Побег

Степана* и его худой конец. — Как зарезали Прокопенко. — Неподготовленный побег удач.

Двойная стенка вагона. — Второй побег Батанова. — Подкоп экибастузской режимки. — Быстрая вошка. — Конец. — Назовите такое у революционеров!

ГЛАВА 9. СЫНКИ С АВТОМАТАМИ

Охранники-мальчики. — Наша смертная связь. — В их неведении — сила системы. — Как политруки воспитывают их в ненависти. — Безнаказанные застрелы зэков. — Мотивировки стрелков. — Стрельба в колонну зэков разрывными пулями. — Присяга. — Передоверить свою совесть другим? — Защита мальчиков Владиленом Задорным. — Его собственная история. — Система!

ГЛАВА 10. КОГДА В ЗОНЕ ПЫЛАЕТ ЗЕМЛЯ

Как скрыты наши восстания. — Ретюнинское восстание в Ош-Курье. — Восстание на 501-й стройке. — Восстание в Нижнем Атурыхе. — Премах Сталина с Особлагами. — Самосознание политических. — Как сделать, чтоб *они от нас* побежали? — Первые убийства стукачей. — На этом звене рвут цепь. — «Умри, у кого нечистая совесть!» — Рубиловка. — Недобритый майор. — Не стали ходить по вызову опера. — Начальство ослепло и оглохло. — Объединение зэков по нациям. — Нехватка бригадиров. — Стукачи бегут в БУР. — Земля зоны запылала! — Начальство подкрашивает движение под «сучью войну». — Что такое «сучья война». — Как это излыгалось в советской прессе. — Указ 1961 года о расстреле за лагерное убийство. — Весь лагерь — на штрафной режим. — Саморазгораживание зон. — Начальственный спектакль подготовки к освобождению. — И арестовывать не даёмся! — Оглянулись — и увидели, кто мы.

ГЛАВА 11. ЦЕПИ РВЁМ НА ОЩУПЬ

Новые отношения с начальством — через ров. — Но чего нам требовать? — И какими путями? — Перетасовка экибастузских зон. — Стукачи пытают наших. — Штурм БУРа. — Подавление огнём и боем. — Каторжное безразличие к судьбе. — Как мы начали забастовку-голодовку. — Три дня Экибастуза. — Гордость Юрия Венгерского. — Мы победили? — Собрание бригадиров. — Расправа. — Я в больнице. — Прощание с Баранюком.

Ещё год в Экибастузе. — Возврат духоты. — Гонка хозрасчёта. — А наших тем временем карали. — Этап стукачей-свидетелей. — Нет, воздух переменялся! — Особлаги развёртываются для новых зэков.

Наши ребята в Кенгире. — Как освобождались от наручников. — Пробуждение кенгирицев. — Первый забой стукачей. — Отпор начальства. — Замерло.

Кризис Особлагов в конце жизни Сталина. — Смерть Сталина сдвинула дальше. — «Ворошиловская» амнистия. — Неуверенность эмведешни-

ков от падения Берии. — Забастовка в Речлаге летом 1953. — Расправа на 29 й шахте. — Опять развозить мятежников. Архипелаг становится тесен.

ГЛАВА 12. СОРОК ДНЕЙ КЕНГИРА

Падение Берии: смутило каторжан, смутило эмведешников. — Стать нужными! — Провокационные застрелы. — Кенгир. 16 раненных разрывными пулями. — Убийство евангелиста. — Забастовка мужских лагпунктов. — Рассосали и в этот раз. — Перебор: присылка блатных.

Новое соотношение Пятьдесят Восьмой и блатных. — Заключение союз. — Новое поведение воров: вежливость к Пятьдесят Восьмой, издевательство над начальством. — Неотвратимость подготовки кенгирского мятежа. — Блатные начинают. — Штурм хоздвора и первая баррикада. — Лагпункты слились! — Первые требования. Самоосмысленье. — Высокая комиссия на всё согласна. — Выход на работу и обманная заделка стен. — Атака безоружных под пулемётами. — Зона освоена, тюрьмы открыты. — Побег восьми тысяч в свободу.

Почему не стреляли и дальше. — Мятеж выбирает лозунги. — Комиссия и её отделы. — Соотношение с потайным центром. — Оборонное укрепление зоны. — Тайны Технического отдела. — Пикеты и пики. — Пуританский воздух мятежа. — Неузнаваемые вору. — Снабжение. — Генералы в зоне. Переговоры. — Роль Капитона Кузнецова. — Малолетки отказываются от свободы. — Служба безопасности, Глеб Слученков. — Благонамеренные против мятежа. — Тюрьма для экскурсий. — Экскурсия на рудник. — Неузнанные волнения там. — Агитационная война по радио. — Воздушные шары, змеи. — Газетные события тех дней. — Сочувствие чеченов. — Проломы для перебежчиков в лагерной стене. — Сытое начальство фотографирует оборону несчастных. — А перебежчиков всё нет. — Атмосфера переплава. — Надежды эзков. — Молодожёны. — Верующие. — Приободренья на митингах. — Томительное нереальное время. — Обман 24 июня. — Подавление на рассвете 25-го. Ракеты, самолёты, танки, автоматчики. — «Трибунал Военных преступлений» и «Правда». — Потери Кенгира сравнительно с 9 января 1905 и Ленским расстрелом. — Расправа над уцелевшими. — И потекла обычная жизнь. — Памятник Долгорукому.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

ССЫЛКА

ГЛАВА 1. ССЫЛКА ПЕРВЫХ ЛЕТ СВОБОДЫ

История русской ссылки от Алексея Михайловича. — Послабления её к концу XIX века. — Постоянные льготы для политических в сибирской ссылке. — Обветшание ссылки к началу XX века. — Мягкость ссылки именитых и неименитых. — Моральная тяжесть даже мягкой ссылки.

Высылка при борьбе с народными восстаниями в раннесоветское время. — Регулярность политической ссылки с 1922. — Замысел советской власти: повторные круги. — Материальное обеспечение политиче-

ских в царской ссылке. — Обеспечение уголовных на Сахалине. — Выплата «политам» и обесценение её. — Беззащитность и бессилие советских ссылных. — Отмирание бывших партий. — Сионисты в 20-е годы. — Социалисты в ссылке, их слабость. — Расчуждённость ссылных и отчуждённость от населения. — Как социалисты запретили себе победы. — «Минус». — А Большой Пасьянс неумолим. — Ссылка — загон предназначенных к аресту.

ГЛАВА 2. МУЖИЧЬЯ ЧУМА

Незамеченные миллионы. — Как возник этот план? — Удар по крестьянству в 1918. — Начало истребления в 1929. — Постановления января — февраля 1930. — «Кулаки» и «подкулачники», загуляли клички. — «Активисты». Зло не вычёсывается гребнем. — Сплошное выселение сёл. — Кулак-мальчишка Шура Дмитриев. — Мотя «Эдисончик». — Мельник Лактюнькин. — Кузнец Трифон Твардовский. — Не должно быть домов кирпичных. — Вгон в колхоз. — Великий Перелом хребта.

Картины разорения и раскулачивания. — Чумный воздух ещё годы над деревней. — Тимофей Овчинников, ветеринар и колбасник. — Колбаса на службе ВКП(б). — Зимние обозы с грудными детьми. — Чтобы семья мужицкое погибло. — Картины этапов. — Этап пришёл на место. — Архангельские церкви — пересылки раскулаченных. — Умирающим на улицах не помогать! — Ссылка в никуда. — Выбор мест, где жить нельзя. — Посёлки, обращённые в лагеря. — Посёлки вымершие. — Васюганская трагедия.

Жизнь в спецпосёлках. — Переброска поселенцев в лагеря, разрыв с семьёй. — Постановление о возврате раскулаченным прав. — Предложенная идти на фронт. — Ответ Николая Хлебунова. — Устояние посёлков, забытых начальством. — Повторное раскулачивание. — Яруевские старoverы на Подкаменной Тунгуске. — И другие старoverы, расстрел в енисейской воде. — Закрепощенье по браку и детей. — Прикреплённые к шахтам навечно. — Пережившие 20 летъе Чумы — те же советские. — На Сталина нет обид! — И он победил государственно.

ГЛАВА 3. ССЫЛКА ГУСТЕЕТ

Развитие советской ссылки от 20-х годов к 40-м. — Ссылка-свалка, «освобождение» в ссылку. — Административное различие ссылки и высылки. — Главные поводы ссылки-высылки. — Отстройка от всех потоков. — Расправа над семьёй Кожурина. — Ссылка калек Отечественной войны. — Караганда, 1955. — Енисейск, 1948 и 1952. — Тасеево, 1949. — В чём «освобождение» из лагеря? — «Я для вас теперь товарищ». — Инструкция новоссылным. — Варианты с женитьбой в разных местах. — «Общие работы» в ссылке. — «В лагере хлеб дают!» — Униженность и бесправие ссылного. — Когда ссылный пытается служить честной начальства. — Но самая тяжкая ссылка — в колхоз. — Лучше ли в совхозе? — На далёком отгоне, «тургайский раб». — Не свободна ссылка и от перебросок. — Власть комендантского офицера. — Рост наказания за по-

бег. — Отлучки по недоразумению — тоже побеги. — «Побег» А.И.? Богословского. — Опер-чекотдел в ссылке. — Карьера Петра Виксне. — Вторая *протяжка* ссыльных. — Разъединённость и молчание. — Где те весёлые группы времён Ульянова?..

ГЛАВА 4. ССЫЛКА НАРОДОВ

Колониальные покорения не знали высылки народов. — Сталинский опыт — первый. — Первые «спецпереселенцы» в Мужичью Чуму. — Высылка корейцев с Дальнего Востока в 1937. — Высылка финнов и эстонцев в Карелию, 1940. — Высылка немцев Поволжья в 1941. — Высылка разных наций в годы войны. — Техника изгнания народа. — Торжество единообразия. — Лишь малые трещины в нём. — Куда ссылались нации. — Прорежьёне прибалтийцев. — Почему начинали с офицеров. — Принципы отбора из нации. — Высылка прибалтийцев и западных украинцев в 1948–1951. — Что ещё было в планах Сталина? — Прибалтийские постановления и категории ссылаемых. — Как повысилась техника высылки. — Эстонцы в этапе. — Моление о войне в те годы. — Теплота встречи сибиряками. — Комсомольский актив. — Как купили 10 вагонов ссыльных на Чулым. — На рудниках Хакасии. «Старатели». — Сравнение с заводскими крепостными. — Спецпереселенцы в колхозе: колхоз и лагерь вместе. — Прибалтам — кайло, лопата! — Картинки быта. — «Гражданские права» как ещё одна гиря. — О, как однообразно!..

Немцы, греки, корейцы в казахстанской ссылке. — Непокорные чечены. — Случай с семьёй Худаевых. — Значение кровной мести.

ГЛАВА 5. КОНЧИВ СРОК

Тюремная мечта о ссылке. — Подпал и я. — 50-е годы. Преимущество ссыльных перед мнимо освобождёнными. — Тюремные суеверия при освобождении. — Едем на юг! — Ещё одно освобождение. — Владимир Александрович Васильев. — Новый след Эрика Андерсена. — Предположительная версия о нём. — Решающий миг назначения места. — Сознание высшее: не ловчить. — Вечная ссылка, в неувязке даже с советскими законами. — Но — вечно ли МГБ? — Издевательское назначение Васильева. — Наш последний этап. — Ссыльных принимает МГБ. — Иду наниматься учителем! — На приёме в районо. — Лунная ночь во дворе МГБ. Начало жизни! — И смерть Тирана.

ГЛАВА 6. ССЫЛЬНОЕ БЛАГОДЕНСТВИЕ

Пишу нестеснённо пьесу. — Агония переоценок в райпо. — Мой бунт. — Как меня взяли преподавателем. — Особенность учения для ссыльных детей. — Для казахских. — Угнетённое положение учителей. — Борьба Митровича с администрацией. — Ссыльные участвуют в комедии выборов. — История Григория Маковоза. — Как рассудить? — Где предел прощения?

Льготность некоторых южных ссылок. — Ссылка в Казахстане лучше колхоза на Украине. — «Ворошиловская» амнистия 27 марта 1953. — Как она проявилась в Кок-Тереке. — Смягчение ссылки после Берии. — Я был счастлив. — Очищенная точка зрения. — «Аденауэровская» амнистия 9 сентября 1955. — Не хочу в столицы! — XX съезд и конец ссылки. — Опять на Лубянке. Дело к реабилитации.

ГЛАВА 7. ЗЭКИ НА ВОЛЕ

«Освобождение» под небом Гулага. — Лишённые ссылки. — Как Наталья Столярова попросилась переночевать в лагере. — Всюду гонимые. — Когда твои фотографии замазаны друзьями. — Когда предпочитаешь быструю смерть. — Благоразумные зэки остаются при лагере. — Как они живут. — Чем дольше сидел — тем меньше надежды на пенсию. — «Второй день Ивана Денисовича». — В одну сторону — бровь нахмурить, в другую — впрячь сто волов. — Цена реабилитации. — Справка... — И откуда следующим поколениям узнавать?

Расслабление от свободы. — Восприятие. — Освобождение как вид смерти. — Побег в одиночество. — Ничего не иметь, от зоны до зоны. — Трудно с благополучными. — Те, кто, напротив, нагоняют упущенное. — Гордиться прошлым — или забыть, забыть? — Как Благомыслы включаются в советскую жизнь. — Забыть — не слишком ли глубокое рабство? — Заплывчивое тело. — Забыть, как вор *завязывает*. — Остойчивость личности? — Но как это *забывают*? — Читаю лекцию в женской колонии. — Лагерный голод восстанавливается в один день. — Тяга посещать места, где сидел. — Но мы умеем вспоминать и хорошее. — Всегда безунынные зэки, могучее племя. — Новая мера вещей и людей.

Разыкание, разделение мужа и жены за 10, за 20 лет. — Когда встречаешь на воле своих следователей, своих лагерных хозяев, своих предателей. — Тщетно искать справедливости против лжесвидетелей и негодяев. — Громы прошли без дождя. — Льготы клеветникам по советскому Уголовному кодексу. — Дело Анны Чеботар-Ткач. — Где ещё бывало столько ненаказанного злодейства?

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ СТАЛИНА НЕТ

ГЛАВА 1. КАК ЭТО ТЕПЕРЬ ЧЕРЕЗ ПЛЕЧО

Мы ждали правды после нашей смерти. — Распах короткий и малый. — После «Ивана Денисовича». Неправдоподобный взрыв прессы. — Взрыв писем. — Письма наших врагов. — Пропасть непонимания. Мы перестаём быть единым народом.

Как прикрывали брешь. «Слава Партии!» — Пути подмены Архипелага. — Проклятье международному империализму! — Тайные партийные собрания ортодоксов. — Но против начальства разве допустимо бороться? — Как Благомыслам спастись за счёт других. — «Почему Шухов не боролся?» — Коммунисты или простой Иван? — Басни коммунисти-

ческой печати. — Басни советских писателей. — Как хороши лагеря сегодня. — Команда: вообще замолчать о лагерях.

Хрущёв и Твардовский верили, что «Иван Денисович» — о прошлом. — Но и я поверил! — Никакая мера горя нам недостаточна. — Письма нынешних эзков. — И снова проступили контуры Архипелага. — Все силовые линии нашего общества — к тирании. — Как читали ээки книгу, «одобренную партией». — И в прилагерном мире тож. — История скульптуры Недова.

Не прощайте фашистских убийц! — а мы не знали, не понимали... — И не следователи виноваты, а сами заключённые. — Короткое время они забеспокоились. — Как гебистам дослужить до пенсии. — Чистка архивов. — Вы боитесь нас и мёртвых! — «Пора восстановить понятие *враг народа*».

ГЛАВА 2. ПРАВИТЕЛИ МЕНЯЮТСЯ, АРХИПЕЛАГ ОСТАЁТСЯ

Особлаги — из любимых сталинских детищ. — Их ослабление после смерти Сталина и падения Берии. — Эмведешники просят не называть их бериевцами. — Мероприятия «общественной самодеятельности» — да не та почва. — Законное содержание. — Разгрузочные комиссии. — Архипелаг и эмведешники на краю гибели.

Как должно было бы выглядеть подлинное освобождение эзков. — Кто у кого должен просить прощения? — Освобождение ценой признания вины. Эра свободы в прокурорской мантии. — 1955–56 — роковые годы Архипелага. — Не тогда ли было и распустить его? — На что Хрущёв потратил свою власть. — Контратака Практических Работников. — Хрущёв укрепляет лагерь между XX и XXII съездами.

Наша история подошла к концу. — Новые свидетели послехрущёвской эпохи. — Владимирский централ при царе и при советах. — Снова «колонию» и ГУИТК. — Четыре режима. — Кобелю под хвост ваше хорошее поведение! — Цель реформы 1961 года — снова сделать заключённого управляемым. — Поперхнёшься и той посылкой. — Заключённым снится хлеб. — Самодурство лагерных хозяев с посылками, передачами, денежными поступлениями, ларьком. — Норма питания 60-х годов. Голод. — Чародей Режим. — Режим Особый, полосатый. — Как полегчало Практическим Работникам. — «Общественная» (сучья) деятельность в лагерях. — Самобытный Ваня Алексеев. — Политзанятия, радио, школы. — Разделение полов. — Наблюдательные комиссии и опыт Галины Филипповой. — Лагерные «воспитатели» в самотраковке и в отзывах заключённых. — Верьте газетам.

Я иду в инстанции ходатайствовать об Архипелаге. — Как я связан. — Разговор в комиссии Верховного Совета. — Разговор с министром внутренних дел. — В институте Изучения Причин Преступности. — Открытые ответы.

ГЛАВА 3. ЗАКОН СЕГОДНЯ

Политических и никогда не было, а теперь тем более нет... — Новочеркасский мятеж, 1–2 июня 1962. — Самоубийство офицера. — Расстрел разрывными. — Фазы подавления. — Манёвры Политбюро. —

Кары вослед. — Волнения в Александрове и Муроме. — Массовые беспорядки не считать политикой. — «Диалог» с Церковью автогеном и тракторами. — Процесс над баптистами в Никитовке, 1964. — Их подсчёты о преследованиях. — 25 летние сроки, не отменённые вопреки закону. — Досиживают сталинские крестники. — Когда западные левые всё поймут...

Всё та же расправа, только через бытовые статьи. — Дело Смелова. — Дело М. Потапова. — Туша Закона безошибочна. Не бывает оправданий и не бывает пересмотров. — Картинка рязанского облсуда. — Приём «прицеп» на невиновного. — Гибель Ивана Брыксина. — Указ о тунеядцах. — Уже не обещают, что преступления кончатся. — Наш Закон имеет обратную силу. — Отчёт о суде раньше самого суда (Тарту, 1961). — Лже-свидетели благоденствуют. — Ненаказуемы судьи-убийцы и прокуроры-убийцы. — Шараханья Закона. — Закулисные решения дел. — Прожигающая несправедливость. — **З а к о н а н е т.**

ОТ РЕДАКТОРА

«Архипелаг ГУЛАГ», том первый — увидел свет 28 декабря 1973 года в парижском издательстве YMCA—PRESS. Книгу открывали слова автора (которые во всех последующих изданиях уже не воспроизводились):

«Со стеснением в сердце я годами воздерживался от печатания этой уже готовой книги: долг перед ещё живыми перевешивал долг перед умершими. Но теперь, когда госбезопасность всё равно взяла эту книгу, мне ничего не остаётся, как немедленно опубликовать её.

*А. Солженицын
Сентябрь 1973».*

Через полтора месяца после выхода первого тома А.И. Солженицын был арестован и выслан из СССР. В 1974 году издательство YMCA—PRESS выпустило второй том, в 1975 — третий.

Первое издание «Архипелага ГУЛАГ» на русском языке соответствовало последней на тот момент редакции 1968 года, дополненной существенными уточнениями, сделанными автором в 1969, 1972 и 1973 годах. Текст заканчивался двумя авторскими послесловиями (от февраля 1967 и мая 1968), объяснявшими историю и обстоятельства создания книги. И в предисловии, и в послесловиях автор благодарил свидетелей, вынесших свой опыт из недр Архипелага, а также друзей и помощников, однако не приводил их имён, ввиду очевидной для них опасности: «Полный список тех, без кого б эта книга не написалась, не переделалась, не сохранилась, — ещё время не пришло доверить бумаге. Знают сами они. Кланяюсь им».

С первого издания на русском языке «Архипелаг ГУЛАГ» переведен на европейские и азиатские языки и опубликован на всех континентах, в четырёх десятках стран. Авторские права и гонорары за все мировые издания А.И. Солженицын передал учреждённому им в первый же год изгнания «Русскому Общественному Фонду помощи преследуемым и их семьям». С тех пор за треть столетия Фонд помог многим тысячам людей, населявших советский Архипелаг ГУЛАГ, а после роспуска его продолжает помогать бывшим политзаключенным.

Как «Один день Ивана Денисовича» в начале шестидесятых на родине вызвал поток писем и личных рассказов, многие из которых вошли в ткань «Архипелага», так и сам «Архипелаг» породил много новых свидетельств; вместе с прежде недоступными печатными материалами они побудили автора к некоторым добавлениям и доработке.

Новая редакция увидела свет в 1980 году, в составе Собрания сочинений А.И. Солженицына (Собр. соч.: В 20 т. Вермонт; Париж, YMCA—PRESS.

Т. 5—7). Автор добавил третье послесловие («И ещё через десять лет», 1979) и подробное «Содержание глав». Издание было снабжено двумя небольшими словарями («тюремно-лагерных терминов» и «советских сокращений и выражений»).

Когда публикация «Архипелага ГУЛАГа» на родине стала возможна, она началась репринтным воспроизведением «вермонтского» издания (М.: Сов. пис.; Новый мир, 1989) — и все последующие десять изданий в России в 1990-х годах печатались по тому же тексту.

В настоящем издании публикуется полный перечень свидетелей, давших материал для этой книги. В тексте раскрыты инициалы: заменены полными именами и фамилиями — всюду, где они были известны автору. Добавлено несколько позднейших примечаний. Упорядочены сноски и приведены к единообразию советские сокращения в названиях лагерей.

Издание сопровождается Именным указателем всех упомянутых в «Архипелаге» лиц — как исторических фигур, так и рядовых заключённых. Этот объёмный труд выполнен Н.Г. Левитской и А.А. Шумилиным при участии Н.Н. Сафонова. Дополнительный поиск сведений и редактирование Указателя взял на себя историк, старший научный сотрудник Российской Национальной Библиотеки А.Я. Разумов.

Н. Солженицына

ОГЛАВЛЕНИЕ

Году в тысяча девятьсот...	7
В этой книге нет ни вымышленных...	8
Эту книгу непосильно было бы...	9
Свидетели Архипелага...	10

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ТЮРЕМНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Глава 1. АРЕСТ	17
Глава 2. ИСТОРИЯ НАШЕЙ КАНАЛИЗАЦИИ	30
Глава 3. СЛЕДСТВИЕ.	72
Глава 4. ГОЛУБЫЕ КАНТЫ	101
Глава 5. ПЕРВАЯ КАМЕРА — ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.	121
Глава 6. ТА ВЕСНА	154
Глава 7. В МАШИННОМ ОТДЕЛЕНИИ	183
Глава 8. ЗАКОН-РЕБЁНОК	196
Глава 9. ЗАКОН МУЖАЕТ	221
Глава 10. ЗАКОН СОЗРЕЛ.	245
Глава 11. К ВЫСШЕЙ МЕРЕ.	280
ГЛАВА 12. ТЮРЗАК.	297

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ВЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Глава 1. КОРАБЛИ АРХИПЕЛАГА	315
Глава 2. ПОРТЫ АРХИПЕЛАГА	339
Глава 3. КАРАВАНЫ НЕВОЛЬНИКОВ	357
Глава 4. С ОСТРОВА НА ОСТРОВ.	370

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ИСТРЕБИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫЕ

Глава 1. ПЕРСТЫ АВРОРЫ	387
Глава 2. АРХИПЕЛАГ ВОЗНИКАЕТ ИЗ МОРЯ.	398

Глава 3. АРХИПЕЛАГ ДАЁТ МЕТАСТАЗЫ	427
Глава 4. АРХИПЕЛАГ КАМЕНЕЕТ	460
Глава 5. НА ЧЁМ СТОИТ АРХИПЕЛАГ	474
Глава 6. ФАШИСТОВ ПРИВЕЗЛИ!	489
Глава 7. ТУЗЕМНЫЙ БЫТ.	507
Глава 8. ЖЕНЩИНА В ЛАГЕРЕ	524
Глава 9. ПРИДУРКИ	538
Глава 10. ВМЕСТО ПОЛИТИЧЕСКИХ	568
Глава 11. БЛАГОНАМЕРЕННЫЕ.	581
Глава 12. СТУК-СТУК-СТУК...	600
Глава 13. СДАВШИ ШКУРУ, СДАЙ ВТОРУЮ!.	613
Глава 14. МЕНЯТЬ СУДЬБУ!	623
Глава 15. ШИЗО, БУРЫ, ЗУРЫ	636
Глава 16. СОЦИАЛЬНО-БЛИЗКИЕ.	642
Глава 17. МАЛОЛЕТКИ	655
Глава 18. МУЗЫ В ГУЛАГЕ	668
Глава 19. ЗЭКИ КАК НАЦИЯ	689
Глава 20. ПСОВАЯ СЛУЖБА	709
Глава 21. ПРИЛАГЕРНЫЙ МИР	726
Глава 22. МЫ СТРОИМ	734

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ ДУША И КОЛЮЧАЯ ПРОВОЛОКА

Глава 1. ВОСХОЖДЕНИЕ	749
Глава 2. ИЛИ РАСТЛЕНИЕ?	762
Глава 3. ЗАМОРДОВАННАЯ ВОЛЯ	771
Глава 4. НЕСКОЛЬКО СУДЕБ	785

ЧАСТЬ ПЯТАЯ КАТОРГА

Глава 1. ОБРЕЧЁННЫЕ	797
Глава 2. ВЕТЕРОК РЕВОЛЮЦИИ	817
Глава 3. ЦЕПИ, ЦЕПИ...	829
Глава 4. ПОЧЕМУ ТЕРПЕЛИ?	844
Глава 5. ПОЭЗИЯ ПОД ПЛИТОЙ, ПРАВДА ПОД КАМНЕМ	859
Глава 6. УБЕЖДЁННЫЙ БЕГЛЕЦ	878
Глава 7. БЕЛЫЙ КОТЁНОК	896

Глава 8. ПОБЕГИ С МОРАЛЬЮ И ПОБЕГИ С ИНЖЕНЕРИЕЙ	919
Глава 9. СЫНКИ С АВТОМАТАМИ	935
Глава 10. КОГДА В ЗОНЕ ПЫЛАЕТ ЗЕМЛЯ.	941
Глава 11. ЦЕПИ РВЁМ НА ОЩУПЬ	955
Глава 12. СОРОК ДНЕЙ КЕНГИРА.	979

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ ССЫЛКА

Глава 1. ССЫЛКА ПЕРВЫХ ЛЕТ СВОБОДЫ	1011
Глава 2. МУЖИЧЬЯ ЧУМА.	1021
Глава 3. ССЫЛКА ГУСТЕЕТ.	1034
Глава 4. ССЫЛКА НАРОДОВ	1044
Глава 5. КОНЧИВ СРОК	1057
Глава 6. ССЫЛЬНОЕ БЛАГОДЕНСТВИЕ.	1068
Глава 7. ЗЭКИ НА ВОЛЕ.	1082

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ СТАЛИНА НЕТ

Глава 1. КАК ЭТО ТЕПЕРЬ ЧЕРЕЗ ПЛЕЧО.	1099
Глава 2. ПРАВИТЕЛИ МЕНЯЮТСЯ, АРХИПЕЛАГ ОСТАЁТСЯ	1115
Глава 3. ЗАКОН СЕГОДНЯ	1139
Послесловие	1154
Ещё после	1156
И ещё через десять лет.	1157
Содержание глав	1158
Некоторые тюремно-лагерные термины	1188
Некоторые советские сокращения и выражения	1191
Именной указатель	1195
От редактора	1275